

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРАВО

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

LAW

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Вестник БГУ.
Серия 3, История. Экономика. Права»)

Выходит три раза в год

1

2022

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор** **БАЛАШЕНКО С. А.** – доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: balashenko@bsu.by
- Ответственный секретарь** **ШАХРАЙ И. С.** – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: shakhray@bsu.by
- Балюк Г. И.** Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина.
Ванг Г. Чжэцзянский университет, Ханчжоу, Китай; Тулейнский университет, Новый Орлеан, США; Городской университет Гонконга, Гонконг, Китай.
- Василевич Г. А.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Вердуссен М. Католический университет Лувена, Лувен-ла-Нев, Бельгия.
Годунов В. Н. Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
- Каменков В. С.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Карпович Н. А. Конституционный Суд Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Келли К. Р. Арканзасский государственный университет, Джонсборо, США.
Крюссман Т. Университет глобального развития, Грац, Австрия; Грацкий университет им. Карла и Франца, Грац, Австрия; Центр глобальной Европы Кентского университета, Брюссель, Бельгия.
- Макарова Т. И.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Матье Б. Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна, Париж, Франция.
Мацкевич И. М. Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина, Москва, Россия.
- Некросиус В.** Институт гражданского процесса и римского права Вильнюсского университета, Вильнюс, Литва.
Скаков А. Б. Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан.
Хелльманн У. Потсдамский университет, Потсдам, Германия.
Чуприс О. И. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Шидловский А. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

- Editor-in-chief** **BALASHENKO S. A.**, doctor of science (law) full professor; professor at the department of environmental and agricultural law, faculty of law, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: balashenko@bsu.by
- Executive secretary** **SHAKHRAI I. S.**, PhD (law), docent; associate professor at the department of environmental and agricultural law, faculty of law, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: shakhray@bsu.by
- Baliuk G. I.** Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.
Chupris O. I. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Hellmann U. University of Potsdam, Potsdam, Germany.
Godunov V. N. Institute for Retraining and Qualification Upgrading of Judges, Prosecutors and Legal Professionals, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Kamenkov V. S.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Karpovich N. A. Constitutional Court of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Kelley C. R. Arkansas State University, Jonesboro, USA.
Kruessman T. University of Global Development, Graz, Austria; University of Graz, Graz, Austria; Global Europe Centre, University of Kent, Brussels, Belgium.
- Mackevich I. M.** Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia.
Makarova T. I. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Mathieu B. University Paris 1 Pantheon-Sorbonne, Paris, France.
Nekrosius V. Institute of Civil Procedure and Roman Law, Vilnius University, Vilnius, Lithuania.
Shidlovsky A. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Skakov A. B. L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.
Vasilevich G. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Verdussen M. Catholic University of Louvain, Louvain-la-Neuve, Belgium.
Wang G. Zhejiang University, Hangzhou, China; Tulane University, New Orleans, USA; City University of Hong Kong, Hong Kong, China.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

УДК 340.131.3

ПРОСТОЙ ЯЗЫК ПРАВА. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ, ОБЩИЕ ПОДХОДЫ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

А. С. ГРИЦЕНКО^{1), 2)}, А. В. АНТОНОВ^{3), 4)}

¹⁾Высшая школа экономики, ул. Промышленная, 17, 198099, г. Санкт-Петербург, Россия

²⁾Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, пр. Средний, 57, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия

³⁾Конституционный Суд Российской Федерации, Сенатская площадь, 1, 190000, г. Санкт-Петербург, Россия

⁴⁾Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская набережная, 7, корп. 9, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия

Исследуется проблема разработки законопроектов, гражданско-правовых договоров и иных юридических документов с использованием простого языка. Это направление стало одним из новых трендов среди ученых и практиков. Авторы, ссылаясь на мнение экспертов, указывают, что за последние 5–10 лет качество правовых документов в России снизилось. Такая ситуация привела к интересу относительно того, какой должна быть формулировка закона,

Образец цитирования:

Гриценко АС, Антонов АВ. Простой язык права. Постановка проблемы, общие подходы и современные тенденции. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2022;1:3–15.

For citation:

Gritsenko AS, Antonov AV. The plain language of law. Statement of the problem, general approaches and current trends. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2022;1:3–15. Russian.

Авторы:

Анна Сергеевна Гриценко – кандидат юридических наук; старший преподаватель кафедры конституционного и административного права юридического факультета¹, доцент кафедры правоведения юридического факультета².

Алексей Владиславович Антонов – советник управления международных связей³, преподаватель кафедры конституционного права юридического факультета⁴.

Authors:

Anna S. Gritsenko, PhD (law); senior lecturer at the department of constitutional and administrative law, faculty of law^a, and associate professor at the department of jurisprudence, faculty of law^b.
gritsenko-as@yandex.ru

Alexey V. Antonov, counsellor at the department of international relations^c and lecturer at the department of constitutional law, faculty of law^d.
aleksey.antonov@ksrf.ru

чтобы она была ясна и понятна. Анализируется зарубежный опыт в данной сфере, а также новые тенденции, в том числе использование искусственного интеллекта и методов глубоких нейронных сетей в нормотворчестве.

Ключевые слова: простой язык; закон; подготовка нормативных актов; требование ясности и простоты; нормотворчество; машиночитаемое право.

THE PLAIN LANGUAGE OF LAW. STATEMENT OF THE PROBLEM, GENERAL APPROACHES AND CURRENT TRENDS

A. S. GRITSENKO^{a,b}, A. V. ANTONOV^{c,d}

^aHigher School of Economics,

17 Promyshlennaya Street, Saint Petersburg 198099, Russia

^bNorth-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
57 Srednii Avenue, Saint Petersburg 199178, Russia

^cConstitutional Court of the Russian Federation,

1 Senatskaya Square, Saint Petersburg 190000, Russia

^dSt Petersburg University, 7 Universitetskaya Embankment,
9 building, Saint Petersburg 199034, Russia

Corresponding author: A. V. Antonov (aleksey.antonov@ksrf.ru)

The article is devoted to the problem of drafting laws, contracts and other legal documents in plain language. This has become one of the new trends among scientists and practitioners. The authors, referring to the opinion of experts, indicate that over the past 5–10 years the quality of legal documents in Russia has decreased. This led to an interest in what the wording of the law should be in order for it to be clear and understandable. The article analyses foreign experience, as well as new trends, including the use of artificial intelligence and methods of deep neural networks in rule-making.

Keywords: plain language; law; preparation of regulations; requirement for clarity and simplicity; rule-making; machine-readable law.

Введение

Существуют ли способы упростить язык закона, сделать его более доступным и понятным? Нужно ли это делать? Хочется ответить утвердительно, но будет ли такой ответ верным и, главное, убедительным? В основе таких вопросов лежит стремление сделать закон более ясным, упростить его и тем самым сделать более доступным.

Простой язык – это стиль общения (его также называют информационным стилем), ориентированный на учет потребностей аудитории. При его использовании рекомендуется исключать ненужные слова и избегать жаргона, технических терминов, а также длинных и неоднозначных предложений. По сути, простой язык представляет собой юридически понятное, доступное и удобное в использовании правовое решение.

Предполагается, что разъяснение смысла отдельных положений закона и в целом упрощение юридического текста приведут к тому, что обычные граждане смогут понять, зачем нужна правовая система, уяснить ту обязанность, которую она на них возлагает. Помимо прочего, такое отношение к нормативному регулированию позволит «расширить диапазон субъектов, способных на пря-

мую взаимодействовать с законодательным процессом и его продуктами»¹ [1, р. 130]. Цель указанных действий – снизить количество правонарушений и ситуаций, возникающих из-за незнания или неправильного понимания законодательных предписаний [1, р. 130]. Кроме того, как утверждает, «чрезмерная сложность препятствует экономической деятельности, создавая препоны для частных лиц, предприятий и коллективов» [1, р. 138]. Такого мнения придерживаются, например, в США, где простой язык связывают с необходимостью защитить права потребителей, экономику и содействовать развитию конкуренции между предприятиями. Кроме того, сложность законов также затрудняет работу государства и подрывает принцип верховенства права.

Вместе с тем, казалось бы, благое стремление к юридической простоте, ясности и доступности иногда приводит к ряду противоречивых, а порой и парадоксальных результатов: упрощенные законы вместо того, чтобы в краткосрочной перспективе обеспечить улучшение жизни людей, вызывают еще больше сложностей в толковании и применении². Иначе говоря, какие бы благие цели не преследова-

¹Здесь и далее перевод наш. – А. Г., А. А.

²Забегая вперед, отметим, что это происходит, вероятнее всего, из-за банального упрощения сложной роли законодателя и законодательства или нежелания с этой ролью считаться.

лись, когда речь заходит об упрощении законодательства, остается неясным, являются ли «хорошие» (т. е. упрощенные, уточненные и доступные для массового понимания) законы более качественными и полезными, чем «плохие» (т. е. более сложные) законы? Но еще более интересным представляется вопрос о возможной разнице между «хорошим» и «плохим» законом лишь в том, что в процессе их реализации возникают иные «победители» и «проигравшие». В сущности, оба варианта представляют

собой тот же политический популизм, только изложенный другими словами.

Цель настоящей статьи не озвучить все социальные и юридические преимущества написания нормативных документов простым языком (по крайней мере, насущная надобность в этом понятна и без лишних размышлений), а, скорее, проанализировать трудности, с которыми могут столкнуться отечественные законодатель и правоприменители, когда решат перейти к этой практике.

Хороший закон – простой закон?

Потребность в упрощении юридических текстов. Юристов и составителей юридических документов часто обвиняют в том, что их деятельность сомнительна и чревата обманом. Язык закона с его формализмом, набором непонятных, а порой и пугающих слов иногда сравнивают с языком церковников или даже шаманов, настолько он в представлении людей полон загадок. Южноафриканский исследователь в области теории права профессор Б. Б. Бота пишет: «Мне иногда кажется, что появился своего рода иератический язык, благодаря которому священники соблюдают заповеди. Думается, что сегодняшней обычный гражданин, стоящий перед законом, – это тот же мирянин в средневековой церкви: в дальнем конце светятся огни, фигуры священников движутся туда-сюда, а на неизвестном языке читается проповедь о великой тайне добра и зла...» [2, р. 34]. Среди обывателей бытует мнение, что законодатели и юристы намеренно составляют столь неоднозначные и трудные для восприятия документы³, чтобы в последующем создать путаницу и иметь лазейки⁴. Очевидно, что если юридические документы ясны и понятны большинству, то необходимость в особых навыках чтения и дальнейшей юридической помощи существенно уменьшается. Почти все правовые системы развивались по одной схеме: юристы и другие составители соответствующих текстов использовали сложный профессиональный жаргон, чтобы обеспечить себя постоянным заработком, а на случай спора – альтернативным вариантом интерпретации [2, р. 37].

Необходимость сделать закон (как и иные юридические документы) более доступным и простым для понимания породила движение за простой язык права, по сути, стремящийся к тому, чтобы какое-либо юридическое решение стало более понятным, доступным и удобным в использовании. Такой подход в большей степени ориентирован на

повышение доступности нормативных актов, а также сокращение объемов самих текстов, поскольку его прочтение, осмысление и применение в упрощенном виде, как представляется, требует меньше времени и энергии.

Предполагается, что юридический документ, написанный на понятном языке, позволяет донести правовую информацию до получателей более эффективно, а сами участники лучше осведомлены о том, что от них ожидается⁵. Это вытекает из конституционных принципов, согласно которым за государством закрепляется общее обязательство создать такую среду, в которой люди могли бы не только знать свои права, но также иметь представление о том, как их защитить и обеспечить соблюдение.

По сути, текстуальная доступность является *prima facie* политической целью, и ее смысл заключается в том, что люди должны знать закон, который регламентирует их жизнь [3, р. 349]. Это логично и обоснованно, поскольку если законодательство не может четко и внятно объяснить, что такое права, тогда можно ли требовать их защиты от государства? Следует учитывать, что охраной прав занимаются не только юристы, но и, например, социальные работники, активисты, которые в состоянии представлять интересы отдельных общественных групп, но не имеют юридического образования. В то же время, если речь идет не о гражданах, а о хозяйствующих субъектах, упрощение нормативных актов, предположительно, повлечет сокращение экономических издержек – предприятия будут реже обращаться в арбитражные суды из-за непонимания участниками нормативного регулирования сложившейся ситуации.

Преимущества простого юридического языка.

Написание юридических документов оказывают влияние структурные, политические и исторические

³Юристы используют язык, который можно описать только как чуждый обществу, клиентам, образованным носителям языка. Как это ни парадоксально, этот язык чужд и самим юристам.

⁴С этим знакомы почти все практикующие юристы, консультирующие граждан. Одной из самых популярных просьб, с которой обращаются клиенты, является просьба разъяснить написанное. К слову, юристы, ругающие бюрократов за косноязычие, сами при этом выступают против упрощения языка нормативных актов, переживая, надо полагать, за свои доходы.

⁵Собственно, эффективное и четкое общение, возникшее под влиянием высокоскоростного широкополосного интернета, глобальной спутниковой и сотовой связи, направлено на то, чтобы облегчить взаимоотношения людей в таких сферах, как международные торговые соглашения, трансграничные финансовые обязательства, международное гуманитарное право и др.

контексты⁶, но, помимо этого, всегда существуют языковые трудности, которые необходимо учитывать при разработке правовых текстов.

Упрощение юридического языка направлено в первую очередь на создание законодательства и иных правовых документов, которые понятны условному читателю⁷. Это также означает, что документы должны быть удобными для чтения. Чтобы юридический текст действительно был простым, понятным и удобным, для начала приведем несколько общих требований, которые на первый взгляд могут показаться банальными и очевидными, но вместе с тем, как показывает практика, не всегда соблюдаются при написании документов.

Как правило, использование простого языка подразумевает выбор подходящих слов, определенную структуру предложений, порядок распределения информации в тексте, визуальную составляющую, которая позволяет сделать документ более привлекательным, и т. д. Так, следует начать со структуры документа: он должен быть разделен на главы, параграфы и не быть при этом громоздким. Главы должны иметь соответствующие заголовки и подзаголовки, а также быть пронумерованными. Следует с осторожностью использовать сложные или иностранные слова, а там, где они используются, необходимо дать пояснения в отдельных сносках или разделе «Основные понятия». Это касается и иностранных слов (аналоги которых отсутствуют в русском языке), получивших широкое распространение в других правовых системах⁸.

В зарубежных источниках выделяют несколько правил расположения норм в тексте закона:

- 1) декларация права должна предшествовать административным положениям;
- 2) более простые предложения должны предшествовать более сложным;
- 3) основные положения должны предшествовать подчиненным;
- 4) исключительные, временные и отменяющие положения должны описываться в отдельных нормах;

⁶Так, Конституция Российской Федерации еще до недавнего времени отличалась лаконичностью в формулировках. После реформы 2020 г. текст пополнился новыми громоздкими статьями, которые стилистически сильно отличаются от статей этого документа образца 1993 г. (например, ч. 3 ст. 77, ч. 5 ст. 78, ч. 2 ст. 81 и др.).

⁷Под словом «читатель» будем понимать всех, кто так или иначе будет знакомиться с текстом нормативного документа независимо от того, является он профессиональным юристом или нет.

⁸Сложность, однако, возникает в тех случаях, когда какое-то иностранное слово получило широкое распространение и отечественный законодатель использует его со значительным запозданием, как, например, это произошло с так называемыми фейковыми новостями (*fake news*). Данный термин вошел в правовые системы различных стран именно в виде англицизма (см.: *Helm R. K., Nasu H. Regulatory responses to «fake news» and freedom of expression: normative and empirical evaluation // Human Rights Law Rev. 2021. Vol. 21. P. 302–328*; *Baade B. Fake news and international law // The Europ. Journ. of Int. Law. 2018. Vol. 29. No. 4. P. 1357–1376*; *Osmundsen M., Bor A., Vahlstrup P. B., Bechmann A., Petersen M. B. Partisan polarisation is the primary psychological motivation behind political fake news sharing on Twitter // Am. Polital. Science Rev. 2021. Vol. 115. No. 3. P. 999–1015*). В отличие от иностранных коллег, российский законодатель не стал использовать данный термин в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), а определил данное явление как «заведомо недостоверная общественно значимая информация» (ст. 13.15 КоАП РФ). Вместе с тем на официальном сайте Государственной Думы Российской Федерации можно встретить такие слова, как «фейковые новости» и «фейки» (см.: Что такое фейковые новости и как за них будут наказывать [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/48121/> (дата обращения: 28.01.2022)).

⁹Например, новые положения ч. 2 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации звучат следующим образом: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство».

5) только в особых обстоятельствах процессуальные положения должны быть упомянуты в законе, который представляет собой материальное право [3, р. 351].

Тем не менее не существует идеального способа организовать положения закона. Расположение норм должно быть адаптировано в соответствии с требованиями каждого документа. Раздел в законодательстве может состоять из одного или нескольких предложений. Важно, чтобы структура этих предложений была ясна. Цель составления раздела – «изложить параметры правоотношений в максимально понятной форме». Читатель понимает закон через эти предложения, которые составляют раздел [3, р. 371].

Также отмечается, что основные вопросы должны быть изложены в начале, а основные принципы необходимо исследовать до того, как будут они конкретизированы [2, р. 37]. В совокупности эти простые и, казалось бы, всем известные требования позволяют сделать документы более доступными и понятными независимо от того, федеральный это закон или гражданско-правовой договор.

Также, например, права, полномочия и обязанности необходимо назвать отдельно в каждом предложении, а из сказанного должно быть очевидно, какие нормы на кого распространяются.

Надо полагать, что конечная цель законодателя при составлении документа – это баланс между простотой и точностью. И только когда точность не может быть достигнута при помощи общепринятых или базовых лингвистических выражений, допустимо использовать более художественные⁹ и технические цитаты. В конечном счете результат такой деятельности должен привести к тому, что между участниками правоотношений возникнет взаимопонимание и их общение будет плодотворным.

Кроме того, необходимо соблюдать осторожность и не использовать простой язык без точности. Каждый составитель должен стремиться к ясности, которая, надо полагать, подразумевает простоту и точность. Поэтому нужен компромисс между

этимися качествами в применении каких-либо терминов и использованием их простых аналогов¹⁰. Также важно обеспечить последовательность в изложении. Двусмысленность приводит к путанице, во избежание которой все субъекты, задействованные в реализации закона, должны быть четко определены. Само собой разумеется, что точность и четкость в общении возможны только тогда, когда адресант и адресат придают одинаковое значение содержанию. Такой подход часто отнимает много времени и требует терпения, умения и самоотдачи от законодателя¹¹.

Использование языка и, следовательно, издание на нем юридических документов – это социальная целенаправленная деятельность. Язык существует не просто для формулировки сообщения, но и для успешной передачи его другим. Нельзя сказать, что акт передачи информации действительно произошел, если сообщение не понято или понято частично. Следует исходить из того, что никакой закон не может выполнить задачу правового регулирования, если он непонятен. В этом смысле самый правиль-

ный вариант изложения текста нормативного акта тот, при котором возможно легко, без затруднений и путаницы понять его содержание. Это и есть не что иное, как простой язык, позволяющий передать сообщение в понятной форме, без канцеляризмов, штампов, сложных конструкций, оборотов и запутанной терминологии.

Вместе с тем ясности тоже бывает недостаточно. Необходимо, чтобы сами законодатели точно знали и понимали, чего они надеются достичь с помощью введения конкретной нормы. Поэтому целью простого юридического языка является не только обеспечение ясности письменных законодательных заявлений, но и достижение эффективности в их реализации. Если же цель размытая или между разработчиками нормы есть существенные разногласия, то цель правового регулирования не может быть достигнута. В конце концов, как можно требовать исполнения того, в чем ты сам до конца не уверен? Или можно задать вопрос иначе: нужно ли вообще регулировать то, в чем нет явной необходимости?

Как использовать простой язык при составлении юридических текстов?

В отношении простого языка законов сложилось несколько мифов.

Первый заключается в том, что простой язык права предполагает написание предложений лаконичными фразами. Однако писать нормы нужно не короткими предложениями, а «короткими смыслами», т. е. емкими структурированными порциями информации [4, р. 150]. Использование слишком длинных предложений, которые содержат много идей и громоздких фраз, куда разработчики законодательных текстов попытались втиснуть максимальное количество информации, приводит только к утрате основного смысла сказанного. Короткое, лишённое нагромождений предложение, в кото-

ром основная идея прослеживается с самого начала, считается хорошим законодательным решением [3, р. 371].

Второй миф о простом языке права состоит в том, что этот стиль подразумевает элементарный, даже обывательский, словарный запас, приводящий к неточностям в юридических документах. Однако простой язык, безусловно, способствует изменению текста нормативного акта путем избавления от архаичных и избыточных слов, но в большей степени он направлен на улучшение понимания смысла документа и не ограничивается введением только стилистических улучшений и словарного упрощения языка [3, р. 350].

Простой юридический язык – миф или реальность?

Как уже было сказано выше, применение принципов простого языка при разработке законодательных и других юридических документов является важным фактором в обеспечении большей доступности закона и эффективности юридического

общения. Очень важно донести правильное сообщение до всех сторон, вовлеченных в исполнение нормативного акта.

Несмотря на все кажущиеся преимущества использования простого языка при написании законов,

¹⁰В качестве примера можно взять Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Для чего законодатель употребил в качестве уточнения слово «отмывание», которое скорее является разговорным или даже жаргонизмом, остается неясным. С одной стороны, сразу становится понятно, о чем пойдет речь в законе, с другой – возникает предположение, что можно использовать жаргонизмы везде, чтобы быстрее донести суть до читателя.

¹¹Все же надо признать, что законодателям приходится намного сложнее, нежели иным авторам. Первые служат многим людям. По той причине, что законы указывают людям, как себя вести, работа законодателей всегда чревата важными последствиями. Кроме того, им нередко приходится «обороняться» от лиц, жаждущих найти лазейки в нормативных актах. Например, применение налогового законодательства, которое само по себе у многих вызывает неприязнь, можно сравнить с осадой крепости. Законодателю каждый раз приходится отбиваться от «батальонов» юристов и бухгалтеров, которые исследуют закон на предмет пробелов и прочих лакун, пытаясь обнаружить его слабости, чтобы потом помочь своим клиентам уменьшить налоговые обязательства.

в действительности юристы по-прежнему относятся к нему скептически. Оппоненты утверждают, что юридический язык – это противоположность простого [3, р. 350]. На практике это означает, что эффективность документа в конечном счете будет зависеть от конкретной аудитории или целевой группы, на которую рассчитаны нормативные акты, а, следовательно, юридические или специальные технические термины переводить на простой язык не обязательно [2, р. 38]. Однако помимо определения надлежащего читателя юридических текстов, о котором речь пойдет далее, существуют другие причины, затрудняющие упрощение юридических текстов.

Противоборствующие взгляды. Первая проблема, с которой сталкиваются приверженцы идеи упрощения языка законов, – это различные взгляды на одни и те же социальные явления. Для понимания смысла той или иной нормы необходимо всегда учитывать контекст (условия), в котором эта норма создавалась, а именно дискурс вокруг нее. Согласно этой идее, любое общественное явление создается и видоизменяется при помощи социальной дискуссии, когда все участники нормотворческого процесса и специальные организации могут обозначить в системном дискурсе свою позицию по тому или иному вопросу.

Так, например, любая норма права, исходящая от парламента, прежде чем она получила свое законодательное оформление, была подвергнута обсуждению со стороны парламентариев (или, во всяком случае, это предполагается согласно установленной процедуре). Надо полагать, что данное разнообразие точек зрения является положительным явлением, поскольку только при таком подходе может присутствовать новизна и могут сосуществовать множественные интерпретирующие парадигмы¹². Путем столкновения различных точек зрения достигается определенный консенсус. Вместе с тем среди участников дискуссии всегда остаются те, кто пытался изложить законопроекты другими словами и лексическими конструкциями или как-то иначе донести свои мысли. При этом окончательный вариант нормы может совершенно не совпадать с тем, который продвигался первоначально. К тому же парламентарии – это лишь малая часть тех, кто принимает участие в обсуждении законопроекта, включая теоретиков науки и правоприменителей.

Далее необходимо сказать, что сложность написания юридических текстов состоит также в том, что сами социальные и политические отношения не

являются линейными, на них оказывают влияние огромное количество факторов, а между причинами и следствиями далеко не всегда возможно установить связь (если это, конечно, вообще возможно). В идеале от законодателя требуется кристально чистая рефлексия, т. е. осознание своих истинных мотивов и целей, а также умение гибко подходить к систематизации беспорядочных общественных отношений.

Помимо этого, существует проблема пределов человеческих знаний, особенно об обществе и его поведении. Такие ограничения возникают не только по причине плохой информированности государства о потребностях народа или отдельных социальных групп, но и в силу элементарной физиологической неспособности людей сохранять, анализировать и отражать столь большие объемы данных. Это, впрочем, не освобождает законодателей от ответственности за принятые решения, однако существенно затрудняет сам процесс создания норм. И все же надо признать, что с точки зрения сложности написания юридических документов юриспруденция куда больше искусство, чем наука [1, р. 134].

Предполагается, что во избежание ошибок и недоразумений любой законодатель должен принимать такие нормы, которые, с одной стороны, могли бы решать уже имеющиеся проблемы, с другой – быть относительно гибкими, чтобы охватывать максимальное количество непредвиденных обстоятельств. Сложность, однако, заключается в том, что политические игроки не могут полагаться исключительно на сведения, основанные на фактах, они должны постоянно адаптироваться к изменениям окружающей среды и принимать взвешенные решения, осознавая при этом, что конечная цель может быть не достигнута¹³. Это, в свою очередь, означает, что неудачи, кризисы и иная нестабильность не будут препятствовать реализации экспериментальных законодательных стратегий с высокой долей неопределенности и множественной интерпретацией.

Государствообразующий язык vs языки на родностей. Еще одна сложность, с которой могут столкнуться сторонники упрощения юридических текстов, – это многоязычность и мультикультурность населения. Такая проблема отчасти решается путем применения какого-то одного стандартизированного языка. Например, в странах Центральной и Южной Африки исторически получили распространение английский и французский языки, в КНР официально используется пекинский диалект, являющийся фонетической основой путун-

¹²Так, с точки зрения правового мышления позитивизм и естественное право, политический и юридический конституционализм, формальные и субстанциональные концепции, как, например, концепция верховенства права, взаимодействуют и соревнуются. Такие взаимодействия и конкуренция заставляют различные концепции адаптироваться друг к другу и искать новые пути развития.

¹³Это означает также, что субъекты нормотворческой деятельности признают свою ограниченность, когда речь заходит о количественных и качественных методологических научно обоснованных знаниях и их сбалансированности.

хуа – стандартного варианта китайского языка – и существующий в качестве официального в КНР, Сингапуре и на Тайване.

Вместе с тем на практике могут возникать недопонимания хотя бы в силу того, что для некоторой части населения государствообразующий язык не является родным, хоть и употребляется повсеместно. Поэтому, как представляется, многоязычные общества требуют более жесткой стандартизации языковой терминологии, включая различные языки коренных народов. На практике это означает, что только специалисты в своем языке смогут перевести юридические тексты на языки коренных народностей. Разумеется, общение в такой ситуации может затрудниться. Существует много причин, зачастую усложняющих перевод законов и других правовых документов (например, отсутствие терминологии в некоторых языках).

Общеизвестно, что культурные и языковые различия должны рассматриваться очень осторожно. Хотя, например, русский язык используется в качестве основного, документы, написанные на нем, не всегда возможно перевести на языки коренных народов. Составители должны быть полностью уверены в знании правил орфографии, неологизмов, используемых в обиходе или религиозных практиках, чтобы избежать коннотаций в словах или терминах,

которые потенциально могут быть оскорбительными. В связи с этим многоязычие и мультикультурализм иногда рассматриваются как блоки для достижения и продвижения простого языка в праве.

Проблема определения надлежащего читателя юридических текстов. Камнем преткновения сторонников и оппонентов идеи простого юридического языка является определение надлежащего читателя юридических текстов. На кого рассчитаны законы – на юристов, т. е. специалистов, имеющих подтвержденную квалификацию, или же на большинство взрослого дееспособного населения? Будет ли закон, написанный простым языком, гарантировать, что люди смогут понимать и применять его правильно? Означает ли это, что законотворческая формулировка, составленная на понятном языке, принесет больше пользы людям, чем ее привычный аналог? И вот как раз в этом кроется самая главная проблема: применение упрощенного закона с его простой структурой предложений и словарным запасом без жаргонизмов не гарантирует, что непрофессионал сможет в нем до конца разобраться. Собственно, критика упрощения текста юридических документов сводится к следующему: ложно полагать, что закон может говорить с кем-то напрямую, минуя «посредников», только за счет упрощения его языка [3, р. 350–351].

Зарубежный опыт

Как уже было указано в начале статьи, за рубежом этой проблеме уделяют большое внимание. В то время как в России только стали появляться исследования о понятности документов, исходящих от государственной власти [5], в Великобритании, США, Канаде, Австралии, Европейском союзе и, в частности, во Франции уже давно существуют две взаимосвязанные стратегии простого языка и хорошего права [1, р. 130].

Так, например, в Англии уже в XVI и XVII вв. Эдвард VI (1547–1553) и Яков I (1603–1625) выражали обеспокоенность по поводу юридической сложности королевских указов. Позже, в 1835 г., комиссары Ее Величества, специально назначенные для расследования в области закрепления статутного права в Англии, в своем докладе написали следующее: «Мы понимаем, что простое уничтожение всех таких актов, которые устарели и являются излишними, отказ от повторений и высвобождение от избытка слов, за которыми часто прячется закон, значительно уменьшат объем и, как следствие, сделают его более доступным и понятным для подданных Вашего Величества» [1, р. 137].

В XVIII в. президент США Т. Джефферсон оплакивал «многословие... бесконечные тавтологии... инволюции падежа и тезисы в скобках, которые сделали закон непонятным не только для простых читателей, но самих юристов» [1, р. 139]. В 1970 г. в США начали активно появляться инициативы по

«переводу» нормативных актов на понятный язык. Сама же идея стала воплощаться несколько позже: в 1978 г. был разработан так называемый проект дизайна нормативных актов, содержащий критерии оформления публичных документов. Его цель состояла в том, чтобы улучшить навыки письма и содействовать практическому применению различных нормативных актов. С 1990 г. в США началось активное упрощение законодательного языка. Несколько штатов утвердили правила, требующие, чтобы документы, исходящие от государства, были подготовлены простым языком. Дальнейшее развитие эта тенденция получила при президенте Б. Клинтоне, который своими указами 1993 и 1998 гг. поручил писать правительственные документы простым, понятным и доступным языком. В последующем, как отмечается, эту тенденцию подхватили местные администрации и частные юридические фирмы [2, р. 34].

В Канаде ввиду двуязычия, а также культурного и географического разнообразия (наличие нескольких языков, коренных народов, гражданские и общие правовые традиции, западно-колониальные перспективы, чрезвычайно плотно и, наоборот, малонаселенные местности, национальные, провинциальные и территориальные правовые системы) существует насущная потребность в ясности законодательства для обеспечения одинакового отношения ко всем гражданам Канады на федеральном

уровне, несмотря на местные традиции. Поэтому, по мнению канадцев, законодательный акт должен быть написан просто, четко и кратко, с необходимой степенью точности и по возможности обычным языком [1, р. 140].

В Австралии, как и в других странах, основная цель упрощения языка закона состоит в уменьшении его сложности. Вместе с тем Австралийское бюро Парламентского совета (*the Office of the Parliamentary Council*) в одном из своих докладов указало, что некоторая степень сложности в понимании законов все же неизбежна: «Нереально предполагать, что комплекс правоотношений в какой-либо предметной и политической области, регулируемой законодательством, может быть сведен к правилам, которые без труда могут быть поняты всей общественностью»¹⁴. Подход, предлагаемый в Австралии, акцентирует внимание не на краткости нормативного акта, а на размышлениях о том, какие инструменты могут быть использованы составителем, чтобы текст документа стал доступным для той аудитории, на которую он рассчитан, хотя и наблюдается некий реализм в оценке используемых для этого инструментов. В то же время австралийцы придерживаются мысли, что сложность закона можно контролировать [1, р. 130].

В ЕС существует так называемая программа эффективности, цель которой состоит в том, чтобы «сделать законодательство ЕС проще и понятнее»¹⁵. Как отмечается, в центре внимания этого документа находится защита интересов малых предприятий, которые могут серьезно пострадать от внедрения нормативных правил в ЕС. Деятельность в этой сфере в первую очередь ориентирована на сокращение объема законодательства посредством, например, кодификации и отмены повторяющихся актов [1, р. 141].

Кроме того, говоря о проблеме понятного языка закона, стоит упомянуть и проблему упрощения языка при правоприменении. В данном контексте интересным и показательным является пример Франции.

В этой стране в 2000-х гг. была проведена реформа, целью которой стало радикальное изменение административного языка, используемого в официальной переписке. «Между администрацией и пользователями больше нет неясных терминов или сложных фраз», – заявили 5 марта 2002 г. министр государственной службы и государственных реформ М. Сапен и министр культуры К. Таска¹⁶.

Правительство Франции, обнаружив, что «административный язык часто бывает сложным, слишком техническим, слишком юридическим»¹⁷, создало 2 июля 2001 г. Комитет по упрощению административного языка (*Le Comité d'Orientation pour la Simplification du Langage Administratif*, COSLA). В него вошли как представители административных органов, так и эксперты в области языка. COSLA отвечал за разработку конкретных предложений по улучшению качества административного языка и контроль за их реализацией правительством.

Итогом работы стали конкретные результаты в административной сфере и практические цели.

В 2002–2003 гг. были подготовлены новые формуляры следующих административных документов:

- 1) заявление на удостоверение личности и паспорт, на выдачу полиса медицинского страхования, на оформление пенсии;
- 2) заявление о принятии наследства, различные бланки отчетности для предприятий, заявление на получение минимального реабилитационного дохода.

Эти изменения затронули более 1 млн человек во Франции.

После этого COSLA подготовил еще ряд формуляров: заявку на стипендию в лицее, заявление на оказание медицинской помощи и др. В 2004 г. были пересмотрены формуляры заявки на получение лицензии на строительство, переработаны формуляры налога на жилье.

Всего за три года были пересмотрены и переработаны около 30 официальных формуляров. В ходе их редактирования были удалены и заменены непонятные термины, появились более простые формулировки, стал использоваться прямой стиль, исчезли неопределенные выражения, сократился список прилагаемых к заявлениям документов.

Комитет подготовил и распространил среди 10 000 французских чиновников, которые пишут электронные письма для пользователей, специальный текстовый редактор, призванный помочь им писать проще и понятнее, чтобы облегчить понимание адресатом.

Этот комплект, используемый до настоящего времени, состоит из трех практических инструментов: руководства по написанию административных тестов; сборника терминов, используемых в административной лексике (4000 основных терминов и выражений административного языка), разрабо-

¹⁴Reducing complexity in legislation [Electronic resource]. URL: <https://www.opc.gov.au/publications/opcs-guide-reducing-complexity-legislation> (date of access: 25.02.2022).

¹⁵REFIT – making EU law simpler, less costly and future proof [Electronic resource]. URL: https://ec.europa.eu/info/law/law-making-process/evaluating-and-improving-existing-laws/refit-making-eu-law-simpler-less-costly-and-future-proof_en (date of access: 25.01.2022).

¹⁶Encrevé P. La simplification du langage administratif COSLA [Ressource électronique]. URL: <https://www.lajauneetlarouge.com/wp-content/uploads/2012/10/595-page-011-014.pdf> (date de la demande: 25.01.2022).

¹⁷Éric Woerth lance le « Petit Décodeur », dictionnaire de 3000 mots de l'administration traduits en langage clair – 17/02/2005 [Ressource électronique]. URL: <https://www.fonction-publique.gouv.fr/ministre/presse/discours-38> (date de la demande: 25.01.2022).

таных на основе словаря *Le Robert*; программного обеспечения для поддержки административного на-

писания, сочетающего правила руководства и данные лексикона¹⁸.

Конституционные суды о ясности закона

Проблема ясности и простоты закона неоднократно становилась предметом рассмотрения органов конституционного контроля.

Например, Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ) при рассмотрении дел о конституционности правовых актов¹⁹ выработал правовую позицию и неоднократно указывал, что «общеправовой критерий определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы вытекает из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом, поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования правовой нормы»²⁰.

Конституционный Суд РФ последовательно высказал позицию, что неоднозначность, неясность и противоречивость регулирования недопустимы, поскольку, препятствуя надлежащему уяснению его содержания, открывают перед правоприменителем возможности неограниченного усмотрения, ослабляющего гарантии конституционных прав и свобод²¹. Между тем, как показывает конституционно-судебная практика по вопросам предпринимательской деятельности, неконституционность регулирования часто порождается неопределенностью содержания правовой нормы. Такого рода дефект, как избыточно широкое усмотрение в процессе правоприменения, законоположения, влечет нарушение не только принципов равенства и верховенства закона, но и гарантий государственной, в том числе судебной, защиты прав, свобод и законных интересов хозяйствующих субъектов²².

Неопределенность содержания правовой нормы, не будучи в состоянии обеспечить ее единообразное понимание, а значит и применение, ослабляет гарантии защиты конституционных прав и свобод, может привести к нарушению принципов равенства и верховенства закона. Поэтому самого нарушения требования определенности правовой нормы, влекущего ее произвольное толкование правоприменителем, достаточно для признания такой нормы не соответствующей конституции.

Более того, Конституционный Суд РФ указал, что «...критерии ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе правового регулирования приобретают особую значимость применительно к уголовному законодательству, являющемуся по своей природе крайним, исключительным средством, с помощью которого государство реагирует на противоправное поведение в целях охраны общественных отношений, если она не может быть обеспечена должным образом с помощью норм иной отраслевой принадлежности»²³, таким образом повторив свою правовую позицию, ранее выраженную в другом постановлении²⁴.

Если обращаться к зарубежному опыту, то, например, во Франции Конституционный совет Французской республики (далее – Совет) признал принцип ясности закона, вытекающий из ст. 34 конституции этого государства²⁵. Совет отличает данный принцип от «конституционной цели доступности и разборчивости закона», которую Совет вывел из ст. 4–6, 16 Декларации прав человека и гражданина 1789 г. (ее цель состоит в том, чтобы «защитить

¹⁸Communiqué de presse de Michel Sapin du 5 mars 2002 Comité de simplification du langage administratif [Ressource électronique]. URL: <https://www.fonction-publique.gouv.fr/ministre/presse/communiques-306> (date de la demande: 25.01.2022) ; Éric Woerth lance le «Petit Décodeur», dictionnaire de 3000 mots de l'administration traduits en langage clair [Ressource électronique]. URL: <https://www.fonction-publique.gouv.fr/ministre/presse/discours-38> (date de la demande: 25.01.2022).

¹⁹См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 ноября 2003 г. № 16-П [Электронный ресурс]. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30382.pdf> (дата обращения: 25.01.2022) ; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2004 г. № 7-П [Электронный ресурс]. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30327.pdf> (дата обращения: 25.01.2022) ; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2005 г. № 10-П [Электронный ресурс]. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision30293.pdf> (дата обращения: 25.01.2022) и др.

²⁰Методологические аспекты конституционного контроля : к 36-летию конституционного Суда Российской Федерации : информ. Конституц. Суда Рос. Федерации, одобр. 19 окт. 2021 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». М., 2022.

²¹См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июня 2015 г. № 12-П [Электронный ресурс]. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision197747.pdf> (дата обращения 25.01.2022) ; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июля 2017 г. № 22-П [Электронный ресурс]. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision281174.pdf> (дата обращения: 25.01.2022) и др.

²²См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 г. № 29-П [Электронный ресурс]. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision82836.pdf> (дата обращения: 25.01.2022).

²³Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 июля 2020 г. № 38-П [Электронный ресурс]. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision481298.pdf> (дата обращения: 25.01.2022).

²⁴Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 мая 2008 г. № 8-П [Электронный ресурс]. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision19724.pdf> (дата обращения: 25.01.2022).

²⁵Décision n° 98-401 DC du 10 juin 1998, Loi d'orientation et d'incitation relative à la réduction du temps de travail cons. 10, n° 2001-455 DC, 12 janv. 2002, cons. 9 ; n° 2001-451 DC, 27 nov. 2001, cons. 13 ; n° 98-401 DC, 10 juin 1998, cons. 10 [Ressource électronique]. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/decisions> (date de la demande: 25.01.2022).

субъектов права от толкования, противоречащего конституции, или от риска произвола, не возлагая на административные или юрисдикционные органы ответственность за установление правил, определение которых было возложено Конституцией только на закон»²⁶). При этом ясность и понятность представляют собой два отдельных понятия, которые различаются по своей основе и природе. Принцип ясности связан с компетенцией законодателя, при нарушении принципа понятности закон может быть ясным, но слишком непонятным. Ясность соответствует аспекту конкретизации правила, в то время как понятность относится

к удобочитаемости текста (доступность, связанная с возможностью физического поиска применимого права)²⁷.

Следует отметить, что и сам Совет предпринимает меры для упрощения языка своих решений. 10 мая 2016 г. был выпущен пресс-релиз от имени председателя органа Л. Фабиуса²⁸. В документе указывалось, что, начиная с решений Совета от 10 мая 2016 г. № 2016-539 QPC и № 2016-540 QPC, данный орган меняет стиль написания своих решений. В качестве причины этой модификации указано желание обеспечить упрощение языка, повысить понятность текста и углубить мотивацию решений.

Цифровая трансформация права и проблема простого языка

Современное общество живет в новой реальности, и пандемия COVID-19, начавшаяся в 2020 г., ускорила цифровую трансформацию. Коммерческие организации вынужденно переходят в онлайн, государственные услуги реализуются с помощью интернет-платформ.

Когда мы рассуждали о ясности и понятности закона, это касалось требований, сформулированных в XX и начале XXI в. В новой реальности складывается мнение, что правовая норма должна быть не просто понятно сформулирована, но и в доступной форме донесена до пользователя, «потому что право – это про человека»²⁹. Потребители (граждане) в настоящее время привыкают воспринимать информацию с экрана.

Вместе с тем часть экспертов высказывают мнение, что будущее коммуникаций, в том числе правовых, не за текстом (или не только за текстом). Люди общаются с помощью видеосвязи, подкастов и других способов, не имеющих отношения к тексту. Возможно, через 10 лет способ получения информации изменится кардинально: будет все меньше людей, способных читать и понимать прочитанный текст.

Проведенные представителями Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге исследования показывают, что определенный специалистами индекс синтаксической сложности нормативно-правовых актов (ИСЗ) самого простого закона составляет 16, самого сложного – 65. Усредненный индекс (для более чем 600 федеральных законов) в 2021 г. составил

40,1, при этом 87 законов «обгоняют» по сложности произведение И. Канта «Критика чистого разума», ИСЗ которого составляет 48³⁰.

В связи с этим возникает необходимость предусмотреть в цикле нормотворчества использование методов моделирования эффекта, а также проведения правовых экспериментов. Особое значение приобретает процедура мониторинга и оценки результатов уже принятых правовых требований.

Необходимо отметить интересное предложение по улучшению понимания текстов законов, высказанное О. Шепелевой: «Чтобы сделать право лучше, нужно обеспечить больший уровень участия граждан в процессе создания правовых норм. При подготовке нормативных актов очень важно доверие, а доверие формируется в том числе тогда, когда люди участвуют в создании правил. Есть исследования, согласно которым привлечение людей бизнеса к формулированию правил, связанных с налогообложением, приводит к тому, что они охотнее платят налоги. Если государство хочет, чтобы его законы лучше исполнялись, ему имеет смысл вовлекать бизнес в создание новых правовых норм»³¹.

Приведенное мнение представляется справедливым не только для норм, регулирующих налоги или отношения, складывающиеся в бизнесе, возможно, еще более важную роль оно играет при обсуждении проектов, затрагивающих права человека, т. е., согласно О. Шепелевой, нужно увеличить число участников и поменять процедуры. Эта работа уже

²⁶Flückiger A. Le principe de clarté de la loi ou l'ambiguïté d'un idéal [Ressource électronique]. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/nouveaux-cahiers-du-conseil-constitutionnel/le-principe-de-clarte-de-la-loi-ou-l-ambiguite-d-un-ideal#:~:text=En%20droit%20suisse%2C%20le%20principe,obligations%20dans%20le%20cas%20concret> (date de la demande: 25.01.2022).

²⁷Ibid.

²⁸Communiqué du Président du 10 mai 2016 [Ressource électronique]. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/actualites/communiqu%C3%A9-du-pr%C3%A9sident-du-10-mai-2016> (date de la demande: 25.01.2022).

²⁹Зубанова В. Законы для новой цифровой реальности. Право с человеческим лицом [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4847792?query=цифровое%20правосудие> (дата обращения: 25.01.2022).

³⁰Российские законы по сложности сравнивались с трудами Канта [Электронный ресурс]. URL: <https://godliterary.ru/articles/2020/03/18/rossiyskie-zakony-po-slozhnosti-sravn> (дата обращения: 25.01.2022).

³¹Зубанова В. Законы для новой цифровой реальности...

ведется: создана платформа для общественного обсуждения проектов нормативных актов (*regulation.gov.ru*), существует институт оценки регуляторного воздействия и проводится мониторинг правоприменения.

Безусловно, существующий федеральный портал проектов нормативных правовых актов (официальный сайт для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения)³² играет важную роль, но он затрагивает проекты, подготовленные органами исполнительной власти. В то же время, например, предложение обсудить законопроект о профилактике семейно-бытового насилия в России появилось на сайте Совета Федерации и было реализовано в форме комментариев³³.

Одна из перспективных и активно продвигаемых технологических моделей, призванных определить границы использования инновационных технологий в юридической деятельности, – это использование машиночитаемых технологий.

Под машиночитаемыми технологиями в праве понимаются методы и инструменты, при использовании которых юридическая информация структурируется и переводится в считываемый компьютером формат для принятия решения. Согласно концепции, развитие машиночитаемого права в России должно привести к его преобладанию в законодательном массиве над нормами, изложенными на естественном языке, а также к созданию эффективных инструментов для непротиворечивого изложения правовых норм³⁴.

В 2021 г. Правительством Российской Федерации была утверждена Концепция развития технологий машиночитаемого права³⁵. В среде нормотворчества применение данной концепции предусматривает в том числе «автоматическое создание онтологии права из текстов нормативных актов с помощью искусственного интеллекта»³⁶.

Безусловно, авторы документа отдают себе отчет в том, что «такой метод позволяет быстро обработать большое количество данных, но результат обработки будет неточным и непредсказуемым, а также приводит к тиражированию однотипных ошибок. Кроме того, необходимо определить единый способ

внесения изменений в онтологию при изменении законодательства, судебной практики, доктрины или трактовки правовых норм уполномоченными лицами»³⁷.

Альтернативой этому может стать «ручное проектирование онтологии права из текстов нормативных актов. Работа специалистов по онтологическому проектированию повышает качество и предсказуемость результата, но может понизить скорость работы»³⁸.

Заслуживают детального анализа и изучения примеры, приведенные в рассматриваемой концепции. Так, в документе дается ссылка на опыт КНР, где в марте 2021 г. была принята дорожная карта по мероприятиям, необходимым для модернизации правовой системы к 2025 г. В частности, проектом подразумевается модернизация судебной системы посредством внедрения «умных судов». Примечателен также изученный опыт США, связанный с применением технологий искусственного интеллекта в целях выявления и устранения неактуальных и избыточных требований, содержащихся в нормативных актах Правительства США.

Российская концепция предусматривает, что в рамках федерального проекта «Цифровое государственное управление» Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» Министерством экономического развития Российской Федерации ведется работа по созданию федеральной государственной информационной системы «Национальная единая среда взаимодействия всех участников нормотворческого процесса при подготовке регуляторных решений» (далее – платформа «Нормотворчество»).

Авторами упомянутой концепции декларируется, что платформа «Нормотворчество» должна решить задачи оптимизации процесса разработки, согласования и утверждения проектов нормативных правовых актов, а также позволить различным органам власти вести совместную работу над проектами нормативных правовых актов. Разработка платформы «Нормотворчество» формирует технологическую основу и необходимую базу данных для последующего развития машиночитаемого права.

Безусловно, современные технологии позволяют проводить скоростной анализ законодательства и используют преимущества технологий машиночи-

³²Официальный сайт для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения [Электронный ресурс]. URL: <https://regulation.gov.ru/#> (дата обращения: 25.01.2022).

³³Что не так с публичным обсуждением законопроектов в России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/12/12/818498-obsuzhdeniem-zakonoproektov> (дата обращения: 25.01.2022).

³⁴Рябов А. В. Цифровые помощники позволят сократить количество ошибок в работе адвокатов и судей [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5049048?query=машиночитаемое%20право> (дата обращения: 25.01.2022).

³⁵Концепция развития технологий машиночитаемого права : утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности 15 сент. 2021 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». М., 2022.

³⁶Там же.

³⁷Там же.

³⁸Там же.

таемого права в сфере нормотворчества. К ним относятся, например, повышение скорости и качества нормотворчества.

Технологии машиночитаемого права, в частности, могут позволить регулятору быстрее реагировать и совершенствовать нормативную регламентацию своей отрасли за счет непрерывного мониторинга правоприменения. Так, это может осуществляться в ходе автоматического сбора информации о судебной практике и ее оценки по наиболее неоднозначным и оспариваемым в судебном порядке предметам спора, а также в ходе выявления наиболее распространенных нарушений в рамках проведения мероприятий по контрольно-надзорной деятельности.

Для решения подобной задачи, помимо применения технологий искусственного интеллекта и обработки естественного языка, представляется возможной разработка фильтров и правил, основанных на иерархии уже существующих нормативных правовых актов, их действия во времени и в пространстве. Создание такого инструмента планируется на втором этапе разработки платформы «Нормотворчество».

Отдельным важнейшим направлением в развитии машиночитаемого права является создание условий для публикации нормативных правовых актов, в том числе действующих редакций актов с учетом внесенных изменений, с машиночитаемой разметкой в целях их прочтения и корректной интерпретации без участия человека. Для реализации указанной возможности должны быть решены задачи по формированию машиночитаемых словарей правовых и технических терминов, а также по устранению административных барьеров для их использования.

Вместе с тем возникает вопрос о корректности больших данных, т. е. базы законодательства, которую будет использовать искусственный интеллект

при проведении анализа. С. Миролюбова, ссылаясь на исследование зарубежных авторов, указывает: «Многие системы искусственного интеллекта (ИИ), в том числе те, которые включают в себя контролируемые компоненты машинного обучения, для правильной работы полагаются на огромные объемы данных... и важно понимать, что «большие данные» (*BigData*) существенно влияют на поведение системы искусственного интеллекта. Например, если данные обучения смещены, т. е. не сбалансированы или недостаточно инклюзивны, система ИИ, обученная на таких данных, не сможет хорошо обобщать и, возможно, примет несправедливые решения, которые могут отдать предпочтение некоторым группам над другими или проявить предвзятость» [6, с. 34].

Применительно к нашему случаю использование искусственного интеллекта при подготовке и написании законов требует введения специальных алгоритмов упрощения языка с использованием, например, методов глубокого обучения, в том числе глубинных нейронных сетей³⁹. Можно предположить, что этот процесс способен затруднить проверку на непротиворечивость существующему законодательству.

В то время как составление черновиков простым языком, с одной стороны, увлекательно, с другой – оно вызывает беспокойство. Каковы будут последствия, если, например, сообщение о прямом общении ложно? Что, если составитель не сможет выполнить обещание сделать закон доступным для аудитории без посредничества? Не будет ли ответственность введена в заблуждение дружелюбным тоном и полезными примерами составления закона простым языком?

Однако действительно ли нам нужно беспокоиться об этих вещах? Реально ли предположить, что представители общественности когда-либо станут читать законодательство даже в обстоятельствах, когда на карту поставлены их личные интересы?

Заключение

Из проведенного анализа видно, что несмотря на все достижения и популярность концепции простого языка права существует множество вполне обоснованных сомнений в том, что возможно сделать закон более доступным при его использовании правоприменителями. Это совершенно не значит, что составление правовых актов простым языком менее ценно или доставляет больше хлопот. Использование простого языка права почти наверняка облегчит чтение и применение законодательства.

Вероятно, это повысит точность восприятия и, как следствие, реализации предписаний на практике. Возможно, применение простого языка повысит эффективность и сократит административные расходы на государственный аппарат. Наконец, использование современных технологий позволит не только упростить поиск нормативной базы, но и принимать участие в разработке норм права как профессионалам, так и обычным гражданам, что может положительно сказаться на правоприменении в целом.

³⁹Resee H. Understanding the differences between AI, machine learning, and deep learning [Electronic resource]. URL: <https://www.techrepublic.com/article/understanding-the-differences-between-ai-machine-learning-and-deep-learning/> (date of access: 26.01.2022).

Библиографические ссылки

1. Webb TE, Geyer R. The drafters' dance: the complexity of drafting legislation and the limitations of «plain language» and «good law» initiatives. *Statute Law Review*. 2019;41(2):129–158. DOI: 10.1093/slr/hmz008.
2. Bekink B, Botha C. Aspects of legislative drafting: some South African realities (or plain language is not always plain sailing). *Statute Law Review*. 2007;28(1):34–67. DOI: 10.1093/slr/hml012.
3. Niharika B. Plain language drafting: a study of the laws of India (2009–2017). *Statute Law Review*. 2020;41(2):348–377. DOI: 10.1093/slr/hmy022.
4. Tanner E. Clear, simple, and precise legislative drafting: how does a European community directive fare? *Statute Law Review*. 2006;27(3):150–175. DOI: 10.1093/slr/hml007.
5. Кнутов АВ, Плаксин СМ, Григорьева НЛ, Синятуллин РХ, Успенская АМ, Чаплинский АВ. *Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2020. 312 с.
6. Миролюбова СЮ. Перспективы использования искусственного интеллекта в правосудии и вопросы правового регулирования в Российской Федерации. *Журнал конституционного правосудия*. 2019;5:30–38.

References

1. Webb TE, Geyer R. The drafters' dance: the complexity of drafting legislation and the limitations of «plain language» and «good law» initiatives. *Statute Law Review*. 2019;41(2):129–158. DOI: 10.1093/slr/hmz008.
2. Bekink B, Botha C. Aspects of legislative drafting: some South African realities (or plain language is not always plain sailing). *Statute Law Review*. 2007;28(1):34–67. DOI: 10.1093/slr/hml012.
3. Niharika B. Plain language drafting: a study of the laws of India (2009–2017). *Statute Law Review*. 2020; 41(2):348–377. DOI: 10.1093/slr/hmy022.
4. Tanner E. Clear, simple, and precise legislative drafting: how does a European community directive fare? *Statute Law Review*. 2006;27(3):150–175. DOI: 10.1093/slr/hml007.
5. Knutov AV, Plaksin SM, Grigor'eva NL, Sinyatullin RKh, Uspenskaya AM, Chaplinskii AV. *Slozhnost' rossiiskikh zakonov. Opyt sintaksicheskogo analiza* [The complexity of Russian laws. Syntactic analysis experience]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2020. 312 p. Russian.
6. Mirolyubova SYu. Prospects of the use of artificial intelligence in justice and the development of legal regulation in the Russian Federation. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*. 2019;5:30–38. Russian.

Статья поступила в редколлегию 08.02.2022.
Received by editorial board 08.02.2022.

УДК 340.07:[001.895+004]

ПРАВО В ЭПОХУ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

И. С. ШАХРАЙ¹⁾, И. П. КУЗЬМИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируются тенденции и перспективы преобразования права как социального института на современном этапе технологического развития, который характеризуется всеобъемлющим проникновением новых технологий в сферы функционирования общества и государства. Делается вывод о том, что трансформация правовой реальности под воздействием новых технологий проявляется в различных формах (от возникновения отдельных правовых норм и правовых институтов одной отраслевой принадлежности до трансформации права в целом, его системы, форм, содержания), а процесс взаимного влияния новых технологий и права носит циклический характер. Отмечаются ключевые проблемы, характерные для современного белорусского законодательства в свете распространения новых технологий, и необходимость разработки междисциплинарного подхода для их преодоления, учитывающего принципиально новый характер объектов, по поводу которых складываются общественные отношения.

Ключевые слова: новые технологии; право; правовое регулирование; трансформация.

LAW IN THE ERA OF NEW TECHNOLOGIES: TRENDS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

I. S. SHAKHRAI^a, I. P. KUZMICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: I. S. Shakhrai (shakhrai@bsu.by)

The article analyses the trends and prospects for the development of law as a social institution at the present stage of technological development, which is characterised by the comprehensive nature of the new technologies penetration into all spheres of the functioning of society and the state. It is concluded that the transformation of legal reality under the influence of new technologies manifests itself in various forms (from the emergence of separate legal norms and legal institutions of the same industry to the law transformation as a whole, its system, forms, content), and the process of mutual influence of new technologies and law is cyclical. The key problems which characterise the modern Belarusian legislation in the light of the spread of new technologies are noted, and the need to develop an interdisciplinary approach to overcome them, taking into account the fundamentally new nature of the objects about which social relations are formed.

Keywords: new technologies; law; legal regulation; transformation.

Образец цитирования:

Шахрай ИС, Кузьмич ИП. Право в эпоху новых технологий: тенденции и перспективы развития. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2022;1:16–23.

For citation:

Shakhrai IS, Kuzmich IP. Law in the era of new technologies: trends and development prospects. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2022;1:16–23. Russian.

Авторы:

Ирина Сергеевна Шахрай – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета.

Ирина Петровна Кузьмич – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета.

Authors:

Irina S. Shakhrai, PhD (law), docent; associate professor at the department of environmental and agricultural law, faculty of law.

shakhrai@bsu.by

<https://orcid.org/0000-0001-9909-7532>

Iryna P. Kuzmich, PhD (law), docent; associate professor at the department of environmental and agrarian law, faculty of law.

i.kuzmich@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5101-5902>

Введение

Общественные отношения, подвергаемые правовому воздействию, не являются статичными, они изменяются по мере эволюционирования социума. Между тем без глубокого уяснения того, что регулируется правом, невозможно правильно решать основные юридические проблемы [1, с. 9]. Согласно представлениям общей теории права его регулятивная функция «имеет первичное значение, носит творческий характер, ибо право с помощью этой функции призвано содействовать развитию наиболее ценных для общества и государства социальных связей» [2, с. 168].

Потребность в регламентации общественных процессов актуализируется из-за существенного увеличения числа социальных взаимосвязей, возрастания их динамизма [3, с. 57]. Развитие новых технологий

способствует ускорению изменения и существенному усложнению общественных отношений, что требует их упорядочения с помощью юридических средств и, как следствие, расширяет сферу действия права. Все «новые направления научно-технического прогресса прогнозируемо затрагивают самые различные отрасли права» [4, с. 26], и зачастую только своевременная реакция законодателя на произошедшие изменения позволяет не допустить пробелов и коллизий. Об актуальности и многогранности указанных проблем свидетельствуют многочисленные публикации представителей юридической науки [4–13]. Авторы данной статьи ставят целью показать свое видение процесса трансформации права в условиях проникновения новых технологий во все сферы общественной жизни.

Основная часть

В Республике Беларусь концептуальная основа формирования условий для распространения новых технологий в различных социально-экономических отношениях начала создаваться еще в первое десятилетие становления национального законодательства, прошла в своем развитии закономерные этапы и отразилась в той или иной степени на правовом регулировании различных видов общественных отношений. Правовая сущность таких понятий, как «новые технологии» и «высокие технологии», была определена в свое время в наиболее универсальной форме в связи с реализацией норм Указа Президента Республики Беларусь от 8 июля 1996 г. № 244 «О стимулировании создания и развития в Республике Беларусь производств, основанных на новых и высоких технологиях», что способствовало распространению данных терминов в качестве самостоятельных правовых категорий в действующем законодательстве, позволило, помимо прочего, выстраивать правовую основу для государственной поддержки производств, основанных на новых и высоких технологиях, и привлекать инвестиции в эту сферу.

Став важнейшим направлением экономической стратегии Республики Беларусь, стимулирование создания и развития производств, основанных на новых и высоких технологиях, привело к появлению правоотношений, связанных с внедрением процессов информатизации и цифровизации¹, совершенствованием государственного управления в различных областях², осуществлением научной, научно-технической, инновационной³ и многих других видов деятельности. В результате одновременно с традиционным выделением права интеллектуальной собственности возникли доктрины, идеи и концепции о формировании информационного, инновационного, цифрового и других отраслей права и законодательства [14–17], а правовой категориальный аппарат продолжил свое развитие в законодательном закреплении терминов «новшество», «инновация», «трансфер технологий» и иных, появление которых обусловлено бурным развитием и внедрением в нашу жизнь результатов научной и интеллектуальной деятельности.

Столь масштабные и активные преобразования общественных отношений получили первоочеред-

¹Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022 ; Постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66 «О государственной программе “Цифровое развитие Беларуси” на 2021–2025 годы» [Электронный ресурс] // Там же.

²Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 22 августа 2017 г. № 637 «Об утверждении положения о порядке взаимодействия уполномоченного органа с оператором общегосударственной автоматизированной информационной системы, государственными органами и иными организациями при осуществлении административных процедур в электронной форме через единый портал электронных услуг» [Электронный ресурс] // Там же.

³Закон Республики Беларусь от 21 октября 1996 г. № 708-XIII «О научной деятельности» [Электронный ресурс] // Там же ; Закон Республики Беларусь от 19 января 1993 г. № 2105-XII «Об основах государственной научно-технической политики» [Электронный ресурс] // Там же ; Закон Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. № 425-З «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь» [Электронный ресурс] // Там же ; Указ Президента Республики Беларусь от 27 мая 2019 г. № 197 «О научной, научно-технической и инновационной деятельности» [Электронный ресурс] // Там же.

ное отражение в правовом регулировании хозяйственной сферы, затронув как организационно-правовую основу функционирования экономики, так и конкретные виды деятельности, обозначив переход к формированию новой институциональной среды и вовлечение в данный процесс всех участников производства товаров, работ и услуг. Однако формирование целостного правового механизма вовлечения субъектов хозяйствования в процесс перехода на новые технологии остается одним из наименее разработанных в юридической науке, требуя применения междисциплинарного и комплексного подходов, охватывая нормы гражданского, финансового, хозяйственного, налогового, экологического и иных отраслей права. Больше всего внимания законодатель уделяет развитию научной, научно-технической и инновационной деятельности в качестве базисных направлений для распространения новых технологий. В то же время доступ обычных субъектов хозяйствования (потребителей) к технологиям, в том числе зарубежным, как посредством создания благоприятного правового режима для их внедрения (приобретения), так и своевременного правового обеспечения возникновения новых видов деятельности остается за рамками проводимой государственной экономической политики и носит преимущественно частичный либо фрагментарный характер.

Во многом проблема формирования эффективной правовой основы распространения новых технологий в различных сферах обусловлена отсутствием правовой определенности в части установления юридической сущности ключевого объекта рассматриваемых отношений, а именно понятия «новые технологии», являющегося универсальной, всеобъемлющей правовой категорией. Используя данный термин в многочисленных нормативных правовых актах, программных документах и стратегиях, законодатель так и не смог создать целостный правовой механизм, обеспечивающий очевидную экономическую заинтересованность субъектов хозяйствования по внедрению новых технологий в качестве абсолютного приоритета. Белорусское законодательство пошло по пути множественного варианта регламентации общественных отношений с учетом их разнообразия и доминирования государственного интереса в сфере осуществления научной, научно-технической и инновационной деятельности (что, несомненно, необходимо), утратив в результате потребность в формировании единой концептуальной правовой основы, цель которой – поощрение внедрения (приобретения) новых технологий (вне зависимости от их вида, сферы применения и способа производства) непосредственно субъектами хозяйствования.

Масштаб воздействия новых технологий на общественные отношения оказался настолько глобальным, что повлек за собой трансформацию си-

стемы права и законодательства, затронув в том числе форму и содержание самих норм и нормативных правовых актов. В данном исследовании мы рассматриваем понятие «новые технологии» в наиболее широком контексте, как объективную реальность, обусловленную всеобъемлющим характером проникновения новых технологий во все сферы функционирования общества и государства. Процессы цифровизации экономики и перспективы использования искусственного интеллекта в хозяйственной и иной деятельности требуют разработки абсолютно новых стандартов в отношении этапов производства, конечного продукта (товаров, работ и услуг) с учетом развития цифровых технологий бизнес-структур. Правовое оформление возникающего виртуального пространства, включая создание виртуальной личности, появление на рынке виртуальной валюты и электронных документов, принятие решений в процессе осуществления различных видов деятельности с использованием элементов искусственного интеллекта по-новому ставят вопрос об ответственности, а также о поиске оптимальных юридических конструкций, способных защитить права и интересы участников общественных отношений, связанных с использованием новых технологий.

Бурное развитие упомянутых технологий, цифровизация, информатизация, а также увеличение информационных потоков неминуемо ведет к образованию новых социальных связей и изменению существующих общественных процессов. Под влиянием новых технологий происходит трансформация регулятивной функции права ввиду необходимости эффективного упорядочения стремительно меняющихся общественных отношений в самых разнообразных сферах. Вместе с тем новое технологическое развитие сопряжено также с риском неправомерного использования научных достижений, совершения специфических видов правонарушений (киберпреступность, несанкционированный доступ к информации, распространение персональных данных, правонарушения в области биомедицинской этики и др.), что влечет за собой необходимость формирования охранительных правовых механизмов в данной области, которые требуют должного правового закрепления. Изменение регулятивной и охранительной функций права, в свою очередь, вновь становится отправной точкой для развития новых видов технологий и расширения сферы их применения, появления и изменения общественных связей, что обуславливает потребность в правовом регулировании. Таким образом, процесс взаимного влияния новых технологий и права в широком смысле носит циклический характер, что можно визуализировать в виде представленной ниже схемы, где направление стрелки указывает на результат воздействия названных процессов и явлений (рис. 1).

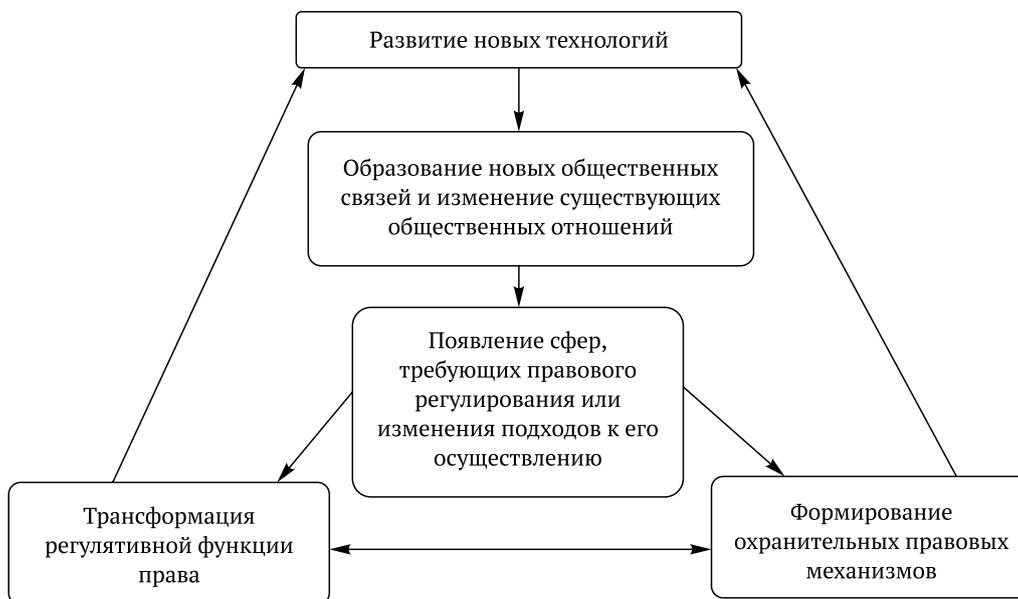

Рис. 1. Влияние новых технологий на регулятивную и охранительную функции права
Fig. 1. The impact of new technologies on the regulatory and protective functions of law

При этом формы трансформации политико-правовой реальности под воздействием новых технологий характеризуются разнообразием, а их влияние на право как социальный институт может иметь разную степень, в том числе осуществляться одновременно по нескольким направлениям, в частности следующим:

- возникновение новых общественных отношений (видов деятельности) ведет к появлению (изменению) норм и правовых институтов в рамках

определенной отраслевой принадлежности (нормы об электромобилях, возобновляемых источниках энергии, беспилотных летательных аппаратах и др.);

- появление новых объектов правоотношений может привести к появлению новых отраслей права и законодательства (космическое право, цифровое право, информационное право и др.);
- проникновение новых технологий в правовую материю влияет на право глобально, меняя его систему, форму и содержание (рис. 2).

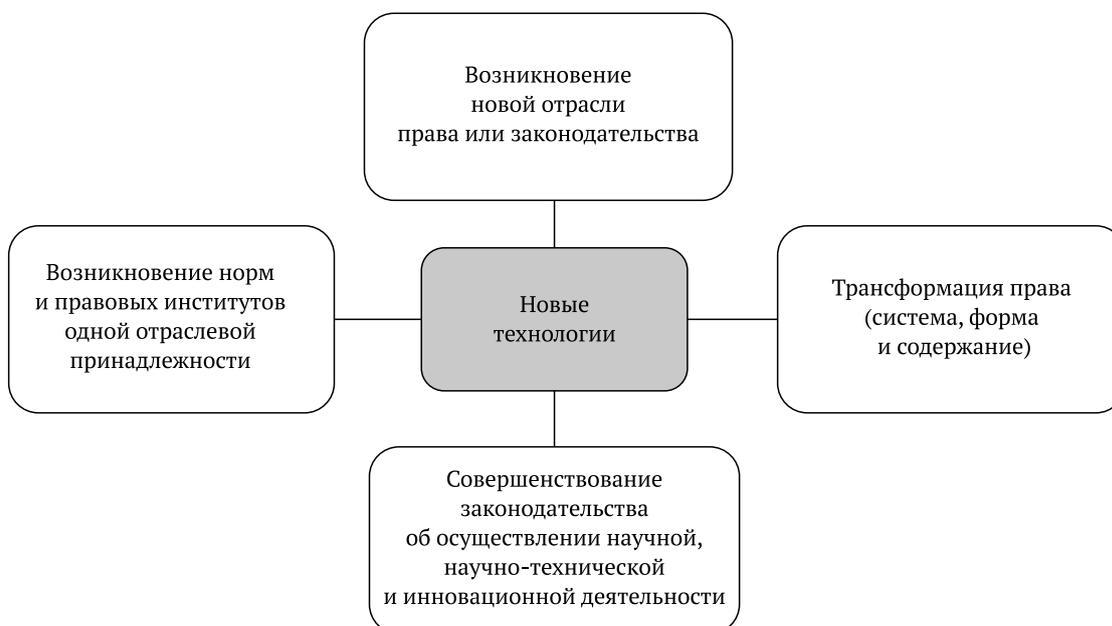

Рис. 2. Воздействие новых технологий на право и законодательство
Fig. 2. The impact of new technologies on law and legislation

Проведенный анализ тенденций развития законодательства Республики Беларусь, а также научных источников позволяет нам сделать определенные выводы.

Во-первых, первоочередной задачей законодателя является создание правовых механизмов практической реализации новых технологий с учетом их разнообразия и всеобъемлющего характера проникновения во все сферы функционирования общества и государства. Пассивная реакция регулятора на происходящие изменения «может привести к неожиданным последствиям и дестабилизации целых отраслей экономики» [4, с. 26]. Между тем зачастую фактическое использование новых технологий в хозяйственной и иной деятельности не сопровождается появлением соответствующих норм в законодательстве Республики Беларусь, а необходимость развития таких технологий находит отражение преимущественно в программных документах (эта тенденция отчетливо прослеживается на примере использования высокотехнологичных способов разведки и инвентаризации природных ресурсов, современных технологий природопользования, точного земледелия, нанотехнологий в сельском хозяйстве и др.). Отсутствие правового регулирования может тормозить практическое внедрение новых технологий либо делать его хаотичным.

Во-вторых, общественные отношения, в которых развиваются новые технологии, тесно пересекаются, следовательно, правовое обеспечение их применения будет эффективным лишь при комплексном подходе к правовому регулированию смежных общественных отношений.

В-третьих, быстрое развитие новых технологий сопровождается «информационным взрывом» (количество данных растет экспоненциально)⁴, а это повышает значимость обработки и освоения огромного объема информации.

В-четвертых, применение новых технологий не исключает использование ручных инструментальных способов обработки данных, измерений и т. п. В юридической литературе отмечается, что в результате внедрения современных технологий в самые разные сферы «появляются многочисленные угрозы и вызовы национальной безопасности в информационной сфере, цифровому суверенитету» [18, с. 131], экологической безопасности (включая негативные последствия в отдаленном будущем, медленное кумулятивное отрицательное воздействие указанных технологий на окружающую среду)⁵. Кроме того, технологические инновации несут в себе риски ущемления прав субъектов соответствующих

общественных отношений. Следовательно, требуется создание правовых механизмов выборочной инструментальной проверки данных, полученных в автоматическом режиме с применением новых технологий, признания таких данных недействительными, а также защиты прав и интересов участников общественных отношений в сфере использования новых технологий.

В-пятых, современные интеграционные процессы влекут необходимость формирования правовой основы единого научного, технологического и информационного пространства для распространения новых технологий и гармонизированных правовых механизмов их внедрения.

Вместе с тем очевидно, что не все общественные отношения, связанные с использованием новых технологий, могут быть подвергнуты правовому воздействию, характер и глубина которого устанавливаются пределами правового регулирования в целом [19; 20], а также специфическими границами, характерными для сферы использования новых технологий. Так, законодательство может закрепить виды и область применения программно-аппаратных комплексов, юридическое значение полученной при этом информации, способы информационного взаимодействия, но алгоритмы анализа и обработки данных регламентируются на уровне требований к технологическим процессам, поскольку их разработка и применение требуют специальных (неюридических) познаний. При этом «в условиях техногенной цивилизации объем технических правил поведения растет лавинообразно», в связи с чем возрастает значение технических нормативных правовых актов, которые «превращаются в основополагающий фактор общественного развития» [21, с. 49].

Еще одним моментом, предопределяющим пределы правового воздействия на рассматриваемые общественные отношения, является усиление процессов межгосударственной интеграции, требующей своевременного правового обеспечения процесса внедрения новых технологий на национальном уровне с учетом опыта и приоритетов, обозначенных в рамках созданных с участием Республики Беларусь союзных и региональных объединений (Союзное государство, СНГ, ЕАЭС), в контексте не только новых возможностей, но и рисков. Согласованность правовых механизмов, способствующих распространению инноваций, поддержка со стороны государства, терминологическое единство понятийного аппарата и взаимосвязь национальных норм с международными стандартами в сфе-

⁴Постановление Совета Министров Союзного государства от 21 октября 2014 г. № 29 «Об утверждении научно-технической программы Союзного государства “Исследования и разработка высокопроизводительных информационно-вычислительных технологий для увеличения и эффективного использования ресурсного потенциала углеводородного сырья Союзного государства” (“СКИФ-НЕДРА”)» [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2022.

⁵Транин А. А., Каспрова Ю. А. Экологические риски научно-технического развития России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.igpran.ru/articles/3460> (дата обращения: 15.01.2022).

ре цифровизации, автоматизации и роботизации производственных процессов – залог конкурентоспособности белорусских субъектов хозяйствования. Следует также отметить, что в ряде случаев развитию правового регулирования тех или иных общественных отношений предшествует признание их значимости на уровне управленческих решений, государственных программ, документов стратегического планирования, международных и межгосударственных соглашений, а также возникновение повышенного интереса общества к использованию новых технологий определенных видов.

Таким образом, степень правового воздействия на общественные отношения в области использования новых технологий имеет объективные и субъективные пределы (рис. 3). Сказанное актуализирует необходимость обеспечения допустимого, необходимого и достаточного воздействия права на исследуемые отношения. Выявление пределов такого воздействия является важным условием эффективного правового регулирования всего спектра общественных отношений, складывающихся в связи с развитием новых технологий, и имеет существенную специфику в различных областях.

Рис. 3. Пределы правового воздействия на общественные отношения в области использования новых технологий

Fig. 3. Limits of legal impact on public relations in the field of the new technologies usage

Заключение

Проникновение технологического развития во все сферы общественной жизни влечет формирование нормативного правового массива на различных уровнях, охватывающего множество отраслей права и законодательства. Помимо прочего, это приводит к появлению норм «безотраслевой» принадлежности, которые пронизывают все законодательство и определяют дальнейшее развитие правовой системы. Трансформация политико-правовой реальности обуславливает необходимость разработки междисциплинарного подхода, учитывающего принципиально новый характер объектов, по поводу которых складываются общественные отношения. Полагаем, что только таким образом удастся

преодолеть следующие характерные для современного белорусского законодательства ключевые проблемы правового регулирования, возникающие в результате распространения новых технологий в различных сферах:

- отсутствие правовой определенности в части установления юридической сущности основного объекта рассматриваемых отношений – понятия «новые технологии» как универсальной правовой категории;
- отставание (зачастую существенное и неоправданное) законодательства от развития общественных отношений, связанных с внедрением новых технологий;

• разрозненность, фрагментарность правовых норм и отражение процессов развития новых технологий во многих областях преимущественно в программных и стратегических документах без должного правового обеспечения.

Таким образом, внедрение новых технологий с учетом их разнообразия должно носить ком-

плексный и последовательный характер, учитывать особенности конкретных видов правоотношений, иметь своевременное и качественное правовое сопровождение, предлагать и закреплять алгоритм действий, в том числе для субъектов хозяйствования, непосредственно апробирующих такие технологии на практике.

Библиографические ссылки

1. Дробязко СГ. Предмет, сфера, объект правового регулирования в условиях формирования социального правового государства и правового гражданского общества. В: Гадуноў ВМ, рэдактар. *Выбраныя навуковыя працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Том 3*. Минск: БДУ; 2001. с. 9–24.
2. Матузов НИ, Малько АВ. *Теория государства и права*. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС; 2020. 528 с.
3. Ковтун ЗЛ. О реализации регулятивной функции права. *Теория и практика общественного развития*. 2016;1:57–59.
4. Овчинников АИ. Тенденции развития права в условиях нового технологического уклада. *Философия права*. 2018;3:26–32.
5. Незнамов АВ, Бакуменко ВВ, Волюнец АД, Архипов ВВ. *Регулирование робототехники: введение в роботоправо. Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта*. Москва: Инфотропик Медиа; 2018. 232 с.
6. Санникова ЛВ, Харитоновна ЮС. Новые технологии и право: современный правовой подход к технологии распределенного реестра. *Актуальные проблемы российского права*. 2019;4:62–69.
7. Сатолина МН. Комплексное правовое обеспечение создания цифрового государства. *Право.ру*. 2018;6:5–9.
8. Маркевич ДС. Закономерности и тенденции развития правового регулирования в условиях формирования цифровой экономики. В: Карпович НА, редактор. *Право в современном белорусском обществе. Выпуск 15*. Минск: НЦП; 2020. с. 44–51.
9. Балашенко СА, Степаненко ДМ. Правовое обеспечение инновационного развития экономики Республики Беларусь. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2021;3:60–70.
10. Мещанова МВ, Фролова ЕЕ. Международный круглый стол «Влияние сквозных цифровых технологий на стабильность национальных финансовых систем и межгосударственное социально-экономическое сотрудничество». *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2021;3:86–89.
11. Платонова НИ. К вопросу об экспериментальном правовом режиме в сфере телемедицинских технологий. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2021;3:32–37.
12. Кузьмич ИП. Проблемы правового обеспечения внедрения новых технологий на примере аграрного законодательства. В: Гурский ВЛ, редактор. *Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы. Том 2*. Минск: Право и экономика; 2021. с. 338–343.
13. Минько НС, Курилович МП, Сулейков АА. Место искусственного интеллекта в современной системе знаний и его влияние на политические, экономические, социальные и иные отношения. В: Бибило ВН, редактор. *Право и экономика. Выпуск 11*. Минск: Право и экономика; 2021. с. 115–132.
14. Плетенев ДА, редактор. *Место информационного права в правовой системе Республики Беларусь: сборник материалов круглого стола; 7 февраля 2014 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2014. 127 с.
15. Василевич ГА, Плетенев ДА, Шалаева ТЗ, Абламейко МС, Василевич СГ, Семашко ЕВ и др. *Информационное право*. Минск: Адукацыя і выхаванне; 2015. 391 с.
16. Ершова ИВ, Петраков АЮ, Цимерман ЮС. Доктрина инновационного права на службе цифрового права. *Вестник университета имени М. Ю. Кутафина*. 2020;11:191–201.
17. Блажеев ВВ, Егорова МА, Белых ВС. *Цифровое право*. Москва: Проспект; 2020. 640 с.
18. Овчинников АИ, Фатхи ВИ. Право и цифровая экономика: основные направления взаимодействия. *Философия права*. 2018;3:128–134.
19. Сильченко НВ. Границы деятельности законодателя. *Государство и право*. 1991;8:14–23.
20. Иванов РЛ. Пределы правового регулирования: понятие и виды. *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. 2011;4:6–18.
21. Сильченко НВ. Технический тип социального регулирования: понятие, элементы и место в системе социального регулирования. *Ленинградский юридический журнал*. 2019;3:47–57.

References

1. Drobyazko SG. [Subject, scope, object of legal regulation in the conditions of the formation of a social legal state and a legal civil society]. In: Gadunow VM, editor. *Vybranyja navukovyja pracy Belaruskaga dzjarzhawnaga wniversitjeta. Tom 3* [Selected scientific works of the Belarusian State University. Volume 3]. Minsk: Belarusian State University; 2001. p. 9–24. Russian.
2. Matuzov NI, Mal'ko AV. *Teoriya gosudarstva i prava* [The theory of state and law]. Moscow: Publishing House «Delo» of the RANEP; 2020. 528 p. Russian.
3. Kovtun ZL. Concerning implementation of the regulatory function of the law. *Theory and practice of social development*. 2016;1:57–59. Russian.
4. Ovchinnikov AI. Development trends of law in the conditions of a new technological structure. *Filosofiya prava*. 2018;3:26–32. Russian.

5. Neznamov AV, Bakumenko VV, Volynets AD, Arkhipov VV. *Regulirovanie robototekhniki: vvedenie v robopravo. Pravovye aspekty razvitiya robototekhniki i tekhnologii iskusstvennogo intellekta* [Regulation of robotics: an introduction to robo-law. Legal aspects of the development of robotics and artificial intelligence technology]. Moscow: Infotropik Media; 2018. 232 p. Russian.
6. Sannikova LV, Kharitonova YuS. New technologies and law: modern legal approach to distributed registry technology. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*. 2019;4:62–69. Russian.
7. Satolina MN. [Comprehensive legal support for the creation of a digital state]. *Pravo.by*. 2018;6:5–9. Russian.
8. Markevich DS. [Patterns and trends in the development of legal regulation in the context of the formation of the digital economy]. In: Karpovich NA, editor. *Pravo v sovremennom belorusskom obshchestve. Vypusk 15* [Law in modern Belarusian society. Issue 15]. Minsk: National Centre of Legal Information of the Republic of Belarus; 2020. p. 44–51. Russian.
9. Balashenko SA, Stepanenko DM. Legal support of innovative development of the economy of the Republic of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Law*. 2021;3:60–70. Russian.
10. Miashchanava MV, Frolova EE. International round table «Impact of end-to-end digital technologies on the stability of national financial systems and interstate socio-economic cooperation». *Journal of the Belarusian State University. Law*. 2021;3:86–89. Russian.
11. Platonova NI. To the issue of the pilot legal regime on telemedicine technologies. *Journal of the Belarusian State University. Law*. 2021;3:32–37. Russian.
12. Kuz'mich IP. [Problems of legal support for the introduction of new technologies on the example of agricultural legislation]. In: Gurskii VL, editor. *Strategiya razvitiya ekonomiki Belarusi: vyzovy, instrumenty realizatsii i perspektivy. Tom 2* [Belarus economy development strategy: challenges, implementation tools and prospects. Volume 2]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2021. p. 338–343. Russian.
13. Min'ko NS, Kurilovich MP, Suleikov AA. [The place of artificial intelligence in the modern system of knowledge and its impact on political, economic, social and other relations]. In: Bibilo VN, editor. *Pravo i ekonomika. Vypusk 11* [Law and economics. Issue 11]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2021. p. 115–132. Russian.
14. Pletenev DA, editor. *Mesto informatsionnogo prava v pravovoi sisteme Respubliki Belarus': sbornik materialov kruglogo stola; 7 fevralya 2014 g.; Minsk, Belarus'* [Place of information law in the legal system of the Republic of Belarus: materials of the round table; 2014 February 7; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2014. 127 p. Russian.
15. Vasilevich GA, Pletenev DA, Shalaeva TZ, Ablameiko MS, Vasilevich SG, Semashko EV, et al. *Informatsionnoe pravo* [Information law]. Minsk: Adukacyja i vyhavanne; 2015. 391 p. Russian.
16. Ershova IV, Petrakov AYu, Tsimerman YuS. [The doctrine of innovation law in the service of digital law]. *Vestnik universiteta imeni M. Yu. Kutafina*. 2020;11:191–201. Russian.
17. Blazheev VV, Egorova MA, Belykh VS. *Tsifrovoe pravo* [Digital law]. Moscow: Prospekt; 2020. 640 p. Russian.
18. Ovchinnikov AI, Fatkhi VI. Law and the digital economy: main areas of interaction. *Filosofiya prava*. 2018;3:128–134. Russian.
19. Sil'chenko NV. [Legislator's limits]. *Gosudarstvo i pravo*. 1991;8:14–23. Russian.
20. Ivanov RL. [Limits of legal regulation: concept and types]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»*. 2011;4:6–18. Russian.
21. Sil'chenko NV. [Technical type of social regulation: concept, elements and place in the system of social regulation]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal*. 2019;3:47–57. Russian.

Статья поступила в редколлегию 11.02.2022.
Received by editorial board 11.02.2022.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

CONSTITUTIONAL LAW AND ADMINISTRATIVE LAW

УДК 342

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОБЪЕКТ ИЛИ СУБЪЕКТ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ?

В. В. ГОНЧАРОВ¹⁾

¹⁾Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина,
ул. Калинина, 13, 350044, г. Краснодар, Россия

Анализируются место и роль политических партий в организации и функционировании института общественного контроля в России. Цель исследования – обоснование решения правовой дилеммы относительно статуса политических партий в Российской Федерации (объект либо субъект общественного контроля). В качестве объекта исследования выступают общественные отношения, связанные с организацией и функционированием института общественного контроля в России. Предмет исследования – нормы российского законодательства, регулирующие вопросы участия политических партий в организации и функционировании института общественного контроля. Автор статьи проводит анализ влияния политических партий на процессы организации и функционирования института общественного контроля в Российской Федерации. Обосновывается позиция, согласно которой политические партии выступают в роли объекта общественного контроля, поскольку основная цель их деятельности состоит в участии в процессах организации и осуществления публичной власти в стране; они наделены избирательным и законодательным правом по выдвижению своих кандидатов на различные выборные должности в органах публичной власти; они получают в России бюджетное финансирование; государственные и муниципальные служащие в Российской Федерации, как правило, являются членами той или иной политической партии; в период правления В. В. Путина в Российской Федерации наблюдается отсутствие равных условий для участия в процессах выборов политических партий, сопряженное с доминированием партии «Единая Россия»; политические партии можно отнести к категории организаций, имеющих отдельные публичные полномочия.

Ключевые слова: политические партии; Российская Федерация; общественный контроль; гражданское общество; объект; субъект; народовластие; конституционные принципы; глобализация; выборы.

Образец цитирования:

Гончаров ВВ. Политические партии в Российской Федерации: объект или субъект общественного контроля? *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2022;1:24–29 (на англ.).

For citation:

Goncharov VV. Political parties in the Russian Federation: object or subject of public control? *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2022;1:24–29.

Автор:

Виталий Викторович Гончаров – кандидат юридических наук; доцент кафедры международного частного и предпринимательского права юридического факультета.

Author:

Vitaly V. Goncharov, PhD (law); associate professor at the department of international private and business law, faculty of law.
niipgergo2009@mail.ru

POLITICAL PARTIES IN THE RUSSIAN FEDERATION: OBJECT OR SUBJECT OF PUBLIC CONTROL?

V. V. GONCHAROV^a

^a*Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin,
13 Kalinina Street, Krasnodar 350044, Russia*

This article is devoted to the analysis of the place and role of political parties in the organisation and functioning of the institute of public control in Russia. The purpose of the research is to substantiate the solution of the legal dilemma as to whether political parties in the Russian Federation are an object or a subject of public control. The object of the research is public relations associated with the organisation and functioning of the institute of public control in Russia. The subject of the research is the norms of Russian legislation governing the participation of political parties in the organisation and functioning of the institute of public control. The article analyses the influence of political parties on the processes of organisation and functioning of the institute of public control in the Russian Federation. The author substantiates the position that political parties act as objects of public control, since the main goal of their activities is to participate in the processes of organising and exercising public power in the country; they are endowed with electoral legislation with the rights of nominating their candidates for various elective positions in public authorities; they receive budgetary funding in Russia; state and municipal employees in the Russian Federation, as a rule, are the members of one or another political party; in the country during the reign of President V. V. Putin, there is a lack of equal conditions for participation in the election processes of political parties, coupled with the dominance of one political party («United Russia»); political parties can be classified as organisations endowed with separate public powers.

Keywords: political parties; the Russian Federation; public control; civil society; object; subject; democracy; constitutional principles; globalisation; elections.

Introduction

The institute of public control in Russia has been widely studied in the works of E. Frolova and A. Alekseeva [1], V. Grib [2; 3], L. Grudtsyna [4], Yu. Dmitriev [5], J. Zalesny and V. Goncharov [6; 7], D. Mikhhev [8] and a number of other authors. These works are important for analysing of this institution of civil society impact on the constitutional principles of democracy implementation and citizens of the Russian Federation participation in the management of state

affairs, as well as their rights, freedoms and legitimate interests. However, the share of researches devoted to the analysis of the place and role of political parties in the organisation and functioning of the institution of public control seems insignificant. In this regard, the main purpose of this study is to substantiate the solution of the legal dilemma as to whether political parties in Russia are the object or the subject of public control.

Main part

The Constitution of the Russian Federation of 1993 enshrined the provision that the multinational people of Russia is the only source of power and bearer of sovereignty in the country. At the same time, the population exercises its powers both directly (through the institutions of elections and referendums) and indirectly (through the activities of public authorities). However, the constitutional principles of democracy and the participation of citizens of the Russian Federation in the management of state affairs need a system of legal guarantees, without which there is a real threat of seizure of the powers delegated by the people, as well as their illegal appropriation by individual public authorities, as well as their officials. The most important place in the system of legal guarantees for the implementation and protection of the above constitutional principles is occupied by the institution of public control, which is regulated in detail in the Federal law of 21 July 2014 No. 212-ФЗ «On the foundations of public control

in the Russian federation» (hereinafter – Federal law of 21 July 2014 No. 212-ФЗ). The institution of public control has acquired particular relevance in connection with the growth of globalisation processes, as well as the COVID-19 pandemic [9–12].

This institution of civil society presupposes the implementation by subjects of public control of appropriate measures for the various objects of public control activities, primarily for the activities of public authorities, as well as their officials and bodies and organisations endowed with certain public powers. This will, according to some authors, ensure the preservation and development of Russian society and the state in the era of globalisation [13].

However, the organisation and implementation of public control in Russia are associated with problems of an objective and subjective nature, including the lack of consolidation in the current legislation of the concept «object of public control», as well as an

exhaustive list of them. The situation is aggravated by the fact that a huge list of objects of public control is removed from the jurisdiction of the aforementioned federal law (for example, the activities of courts, police, prosecutors) under the pretext that these objects of public control will be regulated by separate federal laws however, none of which has yet been adopted. In turn, a significant problem is the lack of consolidation in the Russian legislation of an exhaustive list of subjects of public control, as well as their features that allow them to be identified among other subjects of law.

In this regard, in relation to some subjects of Russian law, there is legal uncertainty regarding their place and role in the processes of organising and implementing the institution of public control. Among these subjects, one can single out, for example, Russian political parties, under which Federal law of 11 July 2001 No. 95-ФЗ «On political parties» (hereinafter – Federal law of 11 July 2001 No. 95-ФЗ) means a kind of «public associations created for the participation of citizens of the Russian Federation in the political life of society through the formation and expression of their political will, participation in public and political actions, in elections and referendums, as well as in order to represent the interests of citizens in government and local government bodies». At the same time, as noted by a number of authors, political parties are an essential element of Russian civil society [14; 15].

The following question arises: whether political parties in Russia are objects or subjects of public control?

Let's consider the arguments for and against the attribution of political parties to the category of subjects or objects of public control.

Thus, Federal law of 21 July 2014 No. 212-ФЗ, detailing in art. 3 the right of citizens to participate in the exercise of public control, enshrines the provision that citizens of the country can exercise their right to public control both personally and as part of public associations and other non-governmental non-profit organisations. At the same time, the latter can be the organisations of various forms of public control provided for by the current Russian legislation.

Political parties, as follows from the definition above, are a kind of public associations. In addition, art. 3 of the Federal law of 21 July 2014 No. 212-ФЗ does not fix any restrictions for participation in public control events of certain types of public associations.

However, a detailed analysis of art. 9 of the aforementioned law shows that the subjects of public control in Russia are conditionally divided into two groups.

The first group is directly listed in part 1 of art. 9 of this law. It includes the Public Chamber of Russian Federation, public chambers of the constituent entities of the Russian Federation, public chambers and councils of municipalities, public councils under federal executive, as well as regional executive and legislative (representative) authorities. The subjects of pub-

lic control included in this group are distinguished by the constant nature of their activities, have being formed for a long time, and work, as a rule, on the basis of normative legal acts on their creation and activities.

The second group of subjects of public control consists of temporary (situational) subjects. Some of them are established for a long time (for example, public oversight commissions, public inspections). Others, on the contrary, are formed exclusively situationally (in particular, groups of public control).

The legislator did not fix an exhaustive list of subjects of public control, pointing to another open type of their composition – other organisational structures of public control (which, probably, can be both permanent and situational in nature). At the same time, the concept of these other organisational structures of public control is not fixed in the law.

Of all the listed types of public control, political parties can be conditionally attributed only to other organisational structures of public control, and even then, due to the fact that the law does not define them.

However, an analysis of the Federal law of 11 July 2001 No. 95-ФЗ shows that none of its articles says anything about the possibility of political parties exercising public control. And Federal law of 21 July 2014 No. 212-ФЗ connects the possibility of organising and exercising public control with the presence of relevant provisions in the current legislation of the federal, regional level, as well as regulatory legal acts of local self-government bodies. Political parties in Russia can be created and operate only in the form of all-Russian parties and only on the basis of the federal law. Moreover, part 4 of art. 3 of the Federal law of 21 July 2014 No. 212-ФЗ connects the possibility of participation of public associations in the functioning of the public control institution only with the direct consolidation of this possibility in this federal law or other federal laws. Consequently, the participation of political parties in the organisation and implementation of public control should be provided exclusively at the level of the federal law (in particular, in the Federal law of 11 July 2001 No. 95-ФЗ), which we do not observe.

The following arguments can be given in favour of classifying political parties as objects of public control.

Firstly, art. 1 of the Federal law of 21 July 2014 No. 212-ФЗ provides for the possibility of exercising public control over the activities of bodies and organisations exercising certain public powers in accordance with federal laws. The following question arises: do political parties exercise any public powers? Obviously, they do. For example, in accordance with art. 26.3 of the Federal law of 11 July 2001 No. 95-ФЗ, political parties have the authority and are obligatory participants in the process of putting forward proposals by political parties for the position of a senior official of a constituent entity of the Russian Federation (head of the supreme executive body of state federation). One

of the purposes of the activities of political parties is, in accordance with part 4 of art. 3 of the above mentioned federal law, political education and upbringing of citizens. As rightly noted by a number of authors, in a number of countries, for example, the Republic of Kazakhstan, legislation provides for the exercise of public control over the public activities of political parties [16].

Secondly, in accordance with the legislation on elections and referendums, political parties are obligatory participants of the electoral process (for example, half of the State Duma members are elected only on the basis of lists of political parties). And art. 2 of the Federal law of 21 July 2014 No. 212-ФЗ classified public relations regulated by the legislation on elections and referendums as objects of public control, although it removed this object from the jurisdiction of this federal law, arguing that it was necessary to adopt a separate federal law on this question (which has not been adopted to date). Consequently, the activity of political parties to participate in elections in the Russian Federation at all levels (federal, regional, municipal) acts as an object of public control, and requires the adoption of a separate federal law. At the same time, as a number of authors rightly point out, not only the activities of political parties need public control, but also the documents they create that participate in the political process [17–19].

Thirdly, political parties in the Russian Federation enjoy state support measures. At the same time, political parties, for example, represented in the State Duma, or whose candidates participated in the elections of the President of the Russian Federation and were supported

by a certain number of voters, can also count on state funding from the federal budget on the basis of art. 33 of the Federal law of 11 July 2001 No. 95-ФЗ. However, as it is rightly noted by a number of authors, the allocated budget funds need not only state, but also public control, since they are taxpayers' money [20; 21].

Fourthly, due to the fact that a significant part of state and municipal employees, as well as elected officials of federal, regional and municipal government bodies in the Russian Federation are not only members of a political party (as a rule, «United Russia»), but are also its nominees, removing the activities of political parties from among the objects of public control would significantly complicate the organisation and implementation of public control over the activities of the above mentioned persons, since it is not possible to determine which of their actions were carried out within the framework of the governing decisions of the political parties in which they are, and which were carried out by them independently on an initiative basis.

Fifthly, during the presidency of V. V. Putin in the Russian Federation, there has been created a situation when, in practice, political parties do not enjoy equal rights, including state support. The political party «United Russia», which is identified with the activities of V. V. Putin, enjoys a clear priority in state support, dominating the political field, reminiscent of the political dictatorship of the Communist party of the Soviet Union. The lack of real public control over the activities of political parties (first of all «United Russia»), in fact, makes the activities of the entire system of executive power in Russia partly uncontrolled.

Conclusion

After the analysis that has been carried out above the author can make the following conclusions.

1. Due to the fact that in Russian legislation there is no definition of such concept as an objects of public control and their list is not formalised, as well as an exhaustive list of subjects of public control is not enshrined, a legal conflict in terms of classifying political parties as subjects or objects of public control arises.

2. In the Russian educational and scientific literature, there is also no consensus regarding the place and role of political parties in the mechanism of organising and implementing the institute of public control in the Russian Federation.

3. It seems that the aforementioned legal conflict is resolved by classifying political parties as a variety of public control objects due to the fact that their activities are mainly devoted to participation in the formation and functioning of public authorities in Russia. For this they are empowered by law to nominate candidates for various elections, positions in public authorities, the work of members of political parties in them in the status of state and municipal employees, most of whom

are members of the political party «United Russia». This party dominates among other political parties in the Russian Federation, taking advantage of the lack of equal conditions for participation in election processes for other political parties. At the same time, parliamentary political parties in Russia receive budgetary funding in direct proportion to the number of votes cast by voters for these political parties in the last federal elections, and they can be classified as organisations endowed with separate public powers.

4. The categorisation of political parties as objects of public control requires a system of amendments to the current Russian legislation (both in terms of fixing the list of objects of public control, one of the varieties of which political parties will be identified, and in terms of developing a system of specific forms, methods and measures of public control in relation to the activities of political parties in Russia).

In particular, it should be done the following:

- fixing in the Federal law of 21 July 2014 No. 212-ФЗ of a clear definition of the concepts «objects of public control» and «subjects of public control», indicating their characteristic features, as well as securing an

exhaustive list of them, including in the list of objects of public control, the activities of political parties;

- indicating in the Federal law of 11 July 2001 No. 95-ФЗ that the activities of political parties related to the exercise of public powers, as well as the use of budgetary funding, are subject of public control;

- adopting a separate federal law on public control during elections and referendums in the Russian Federation, which should provide for specific forms, methods and measures of public control over the activities of political parties during the organisation and conduct

of elections and referendums in the country at the federal, regional and municipal levels;

- preparing an addition to the Federal law of 21 July 2014 No. 212-ФЗ, according to which the organisation and participation in public control is allowed for all types of public associations, except for political parties (which, by the way, are the only type of public associations that can nominate candidates in Russia for various elective positions in public authorities) due to the fact that the activities of political parties are directly related to the implementation of political power in the country.

Библиографические ссылки

1. Алексеева А, Фролова Е. Развитие гражданского общества в Российской Федерации. *Новое поколение*. 2018; 15:3–8.

2. Гриб ВВ. Нормативное закрепление и научное видение системы объектов общественного контроля. *Юридическое образование и наука*. 2016;3:154–160.

3. Гриб ВВ. Актуальные проблемы формирования правовых основ общественного контроля. *Конституционное и муниципальное право*. 2014;12:32–37.

4. Грудцына ЛЮ. Общественная палата – это спектакль национального масштаба. *Адвокат*. 2006;5:79–87.

5. Дмитриев ЮА. Осуществление общественного контроля в России без участия гражданского общества. *Современное право*. 2014;8:43–44.

6. Zalesny J, Goncharov VV. View of the social concept of global constitutionalism on the legal system [Internet; cited 2022 January 3]. Available from: <https://www.abacademies.org/articles/View-of-the-social-concept-of-global-constitutionalism-on-the-legal-system-1544-0044-23-2-473.pdf>.

7. Zalesny J, Goncharov VV. Correlation of legal regulation and political violence in the social concept of global constitutionalism [Internet; cited 2022 January 3]. Available from: <https://www.abacademies.org/articles/Correlation-of-legal-regulation-and-political-violence-in-the-social-concept-of-global-constitutionalism-1544-0044-23-6-557.pdf>.

8. Михеев ДС. Обеспечение общественного контроля – ключевое направление в развитии принципа гласности местного самоуправления. *Lex Russica*. 2015;4:24–32.

9. Zalesny J, Goncharov VV, Savchenko M. Model of the evolution of social development in the philosophy of global constitutionalism. *Wisdom*. 2019;13(2):51–61. DOI: 10.24234/wisdom.v13i2.277.

10. Sakhbieva A, Goncharov V, Zatsarinnaya E, Gordeeva D, Kalyakina I, Ignatyeva O. Some global economic realities and environmental impact in the context of the pandemic: causes and trends [Internet; cited 2022 January 3]. Available from: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2021/34/e3sconf_uesf2021_06054.pdf.

11. Goncharov V, Zalesny J, Balashenko S, Vasilevich G, Pukhov A. On the importance of philosophical principles to the social concept of global constitutionalism. *Wisdom*. 2020;16(3):78–90. DOI: 10.24234/wisdom.v16i3.332.

12. Goncharov V, Zalesny J, Balashenko S, Vasilevich G, Pukhov A. The place of a person in the ontological principles of global constitutionalism. *Wisdom*. 2020;15(2):93–106. DOI: 10.24234/wisdom.v15i2.333.

13. Moros E, Goncharov V. Modern dangers in the development of the Russian education system and ways to overcome them: socio-philosophical analysis. *Wisdom*. 2020;15(2):114–128.

14. Кольсариева НС. Политические партии как ключевой элемент гражданского общества. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2016;2–4:178–181.

15. Аверкина СГ, Ермаков ДН. Политические партии в формировании гражданского общества России. *Образование и право*. 2020;6:27–33. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10503.

16. Еремекбаева ЖК. Общественный контроль за деятельностью политических партий в Республике Казахстан. *Вестник Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. Серия: Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология*. 2020;1:107–116.

17. Чистякова ЕВ, Яковлев ИВ. Гражданский контроль в программных документах и публичном дискурсе политических партий. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2017;17(3):341–344.

18. Долгих ФИ. Общественный контроль за деятельностью политических партий – к постановке вопроса. *Проблемы в российском законодательстве*. 2016;26:13–18.

19. Zelenko VI. Political parties and civil society in the Russian Federation (some political and legal aspects). *Law and Politics*. 2003;3:41–58.

20. Долгих ФИ. Общественный контроль за финансовой деятельностью политических партий. *Проблемы экономики и юридической практики*. 2017;1:84–88.

21. Goncharov V, Mikhaleva T, Vasilevich G, Balashenko S, Zalesny J, Pukhov A. Development of state ideology as a basis for improving the executive power [Internet; cited 2022 January 3]. Available from: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2021/34/e3sconf_uesf2021_05031.pdf.

References

1. Alekseeva A, Frolova E. [Development of civil society in the Russian Federation]. *Novoe pokolenie*. 2018;15:3–8. Russian.

2. Grib VV. [Normative consolidation and scientific vision of the system of objects of public control]. *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka*. 2016;3:154–160. Russian.

3. Grib VV. [Actual problems of formation of legal bases of public control]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 2014;12:32–37. Russian.
4. Grudtsyna LYu. [The Public Chamber is a national-scale performance]. *Advokat*. 2006;5:79–87. Russian.
5. Dmitriev YuA. [Implementation of social control in Russia without the participation of civil society]. *Sovremennoe pravo*. 2014;8:43–44. Russian.
6. Zalesny J, Goncharov VV. View of the social concept of global constitutionalism on the legal system [Internet; cited 2022 January 3]. Available from: <https://www.abacademies.org/articles/View-of-the-social-concept-of-global-constitutionalism-on-the-legal-system-1544-0044-23-2-473.pdf>.
7. Zalesny J, Goncharov VV. Correlation of legal regulation and political violence in the social concept of global constitutionalism [Internet; cited 2022 January 3]. Available from: <https://www.abacademies.org/articles/Correlation-of-legal-regulation-and-political-violence-in-the-social-concept-of-global-constitutionalism-1544-0044-23-6-557.pdf>.
8. Mikheev DS. [Ensuring public control is a key direction in the development of the principle of transparency of local self-government]. *Lex Russica*. 2015;4:24–32. Russian.
9. Zalesny J, Goncharov VV, Savchenko M. Model of the evolution of social development in the philosophy of global constitutionalism. *Wisdom*. 2019;13(2):51–61. DOI: 10.24234/wisdom.v13i2.277.
10. Sakhbieva A, Goncharov V, Zatsarinnaya E, Gordeeva D, Kalyakina I, Ignatyeva O. Some global economic realities and environmental impact in the context of the pandemic: causes and trends [Internet; cited 2022 January 3]. Available from: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2021/34/e3sconf_uesf2021_06054.pdf.
11. Goncharov V, Zalesny J, Balashenko S, Vasilevich G, Pukhov A. On the importance of philosophical principles to the social concept of global constitutionalism. *Wisdom*. 2020;16(3):78–90. DOI: 10.24234/wisdom.v16i3.332.
12. Goncharov V, Zalesny J, Balashenko S, Vasilevich G, Pukhov A. The place of a person in the ontological principles of global constitutionalism. *Wisdom*. 2020;15(2):93–106. DOI: 10.24234/wisdom.v15i2.333.
13. Moros E, Goncharov V. Modern dangers in the development of the Russian education system and ways to overcome them: socio-philosophical analysis. *Wisdom*. 2020;15(2):114–128.
14. Kol'sarieva NS. [Political parties as a key element of civil society]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. 2016;2–4:178–181. Russian.
15. Averkina SG, Ermakov DN. Political parties in the formation of Russian civil society. *Obrazovanie i pravo*. 2020;6:27–33. Russian. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10503.
16. Yermekbayeva ZK. Public control over the activities of political parties in the Republic of Kazakhstan. *Bulletin of the L. N. Gumilyov Eurasian National University. Series: Political Sciences. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology*. 2020;1:107–116. Russian.
17. Chistyakova, EV, Yakovlev IV. Civil control in policy documents and public discourse of political parties. *Izvestiya of Saratov University. A New Series. Series: Sociology. Politology*. 2017;17(3):341–344. Russian.
18. Dolgikh FI. Public control over the activities of political parties – to raise the issue. *Gaps in Russian Legislation*. 2016;26:13–18. Russian.
19. Zelenko VI. Political parties and civil society in the Russian Federation (some political and legal aspects). *Law and Politics*. 2003;3:41–58.
20. Dolgikh FI. Public control over the financial activities of political parties. *Economic Problems and Legal Practice*. 2017;1:84–88. Russian.
21. Goncharov V, Mikhaleva T, Vasilevich G, Balashenko S, Zalesny J, Pukhov A. Development of state ideology as a basis for improving the executive power [Internet; cited 2022 January 3]. Available from: https://www.e3s-conferences.org/articles/e3sconf/pdf/2021/34/e3sconf_uesf2021_05031.pdf.

Received by editorial board 28.01.2022.

УДК 37.014.1

ИНКЛЮЗИЯ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ С ОСОБЕННОСТЯМИ РАЗВИТИЯ В РОССИИ

Е. А. КАЗЬМИНА¹⁾

¹⁾Сибирский институт управления, ул. Нижегородская, 6, корп. 2, 630102, г. Новосибирск, Россия

Изучаются проблемы поиска баланса во внедрении инклюзивного образования и получении основного общего образования в специализированных (коррекционных) образовательных организациях. Инклюзивное образование, несмотря на несомненные достоинства, обеспечивающие реализацию международных стандартов в части социализации личности, может иметь недостатки из-за невозможности обеспечить персонализированное обучение и укомплектовать штат высококвалифицированными кадрами, обладающими навыками работы с детьми, имеющими различного рода трудности в обучении. Между тем сложившееся в обществе негативное отношение к специализированным учреждениям требует переосмысления. Здесь сложно переоценить роль государственных институтов. Возможность выбора форм обучения в условиях тщательной психологической, медицинской и педагогической диагностики в дошкольном возрасте может способствовать более эффективному обучению и развитию личности.

Ключевые слова: право на образование; инклюзивное образование; права инвалидов; дети с особыми образовательными потребностями.

INCLUSION: LEGAL ASPECTS OF REINFORCING AND IMPLEMENTING THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO EDUCATE CHILDREN WITH SPECIAL NEEDS IN RUSSIA

Е. А. KAZMINA^a

^aSiberian Institute of Management, 6 Nizhegorodskaya Street, 2 building, Novosibirsk 603102, Russia

The article is devoted to the problem of finding a balance in the implementation of inclusive education and general education in specialised (correctional) educational organisations. Inclusive education, despite its undoubted qualities, high accuracy of assessment in terms of the socialisation of the individual, can be especially true in terms of the quality of education due to the possibility of providing personalised learning and providing highly qualified personnel with the skills to work with children with a high level of learning ability. Meanwhile, the negative attitude towards specialised institutions that has developed in society requires rethinking, in which it is difficult to overestimate the role of state institutions. The presence of a choice of forms of education in conditions of careful psychological, medical and pedagogical diagnostics at preschool age can contribute to more effective learning and personal development.

Keywords: right to education; inclusive education; rights of persons with disabilities; children with special educational needs.

Образец цитирования:

Казьмина ЕА. Инклюзия: правовые аспекты закрепления и реализации конституционного права на образование детей с особенностями развития в России. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2022;1:30–36.

For citation:

Kazmina EA. Inclusion: legal aspects of reinforcing and implementing the constitutional right to educate children with special needs in Russia. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2022;1:30–36. Russian.

Автор:

Екатерина Алексеевна Казьмина – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета.

Author:

Ekaterina A. Kazmina, PhD (law), docent; associate professor at the department of constitutional and municipal law, faculty of law.
eakazmina@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4402-0463>

Введение

Цели, которое ставит перед собой любое современное демократическое общество, всегда сводятся к достижению благополучия и даже счастья. Процветание государства невозможно без создания условий для достойного развития любого человека начиная с рождения. Дети, находящиеся под особой защитой современного государства, являясь будущим человечества, требуют пристального внимания, а дети, имеющие особенности развития, нуждаются в трепетном отношении законодателя, чья деятельность должна быть сконцентрирована не только на социализации ребенка, столкнувшегося с трудностями, но и на формировании его личности, интеллекта, закладывая основы для его профессиональной деятельности. Существующая в последние годы тенденция к повсеместному внедрению инклюзивного образования не показала высокой эффективности: качество образования детей с ограниченными возможностями здоровья оставляет желать лучшего. К качеству общего образования также много претензий. Особенно усилилось негативное отношение к российской школе в период пандемии, когда в условиях дистанционного обучения проявилась не только неготовность к использованию цифровых технологий, но и негибкость, узость педагогических взглядов. Для некоторых учеников с ограниченными физическими возможностями, наоборот, во время дистанционного обучения появились условия для более тесного взаимодействия с учителем и одноклассниками. Другие же дети, имеющие труд-

ности психологического или ментального характера в обучении, потеряли возможность получения качественного образования. Все это свидетельствует о необходимости формирования новых взглядов на инклюзивное образование. Способна ли школа обеспечить качественное образование в условиях инклюзии? Готов ли каждый ребенок, даже легко социализирующийся, к инклюзии в школе? Какие подходы в правовом регулировании стоит принять, а какие требуют новой оценки? Вопросы инклюзии исследуются преимущественно педагогами и психологами [1], и лишь немногие исследователи-правоведы уделяют внимание этим проблемам. В числе таковых можно назвать Э. Ю. Балаян [2], Р. Н. Жаворонкова [3], коллектив авторов под руководством профессора Н. Е. Борисовой [4], отдельные вопросы по данной теме затрагивались юристами в выступлениях на различных конференциях [5]. Между тем комплексное исследование инклюзивного образования не проводилось. В настоящей статье предпринимается попытка соединить социальные и правовые проблемы реализации права на образование посредством инклюзии, оценить ее достоинства и недостатки, а также сформулировать предложения по преодолению предубеждения в отношении коррекционных форм обучения и созданию правовых механизмов для более широкого распространения вариативных возможностей в выборе образовательной организации для каждого ребенка с учетом его особенностей.

Материалы и методы исследования

При написании работы применялись различные методы как общенаучного, так и отраслевого характера. В частности, в статье использовались данные статистических и социологических исследований. Кроме того, наряду с формально-юридическим методом использовался метод научного познания су-

дебной практики, описанный в исследованиях некоторых современных юристов [6]. В качестве судебной практики выступили позиции Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), касающиеся вопросов обеспечения детей с инвалидностью полноценным образованием.

Результаты и их обсуждение

Уровень благополучия общества определяется различными критериями и в первую очередь условиями, предоставляемыми государством для развития детей. Именно их благополучие предопределяет дальнейшее становление общества в условиях эволюции способов реализации прав и свобод детей с пристальным вниманием к тем, кто имеет специальные потребности для своего существования, роста, счастья. Конституция Российской Федерации, закрепляя равенство всех граждан, предполагает и равенство в различных сферах жизнедеятельности ребенка. Так, в ст. 43 признается право на образование для каждого. Изменения Основного Закона, реализованные в 2020 г., повлекли включение

в его текст ст. 67.1. Данная норма, не устанавливая новых подходов к детям, между тем подчеркивает обязательства, взятые на себя государством в части создания условий, способствующих всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей в условиях признания их важнейшим приоритетом государственной политики. Именно на организации и органы в сфере образования возлагаются основные надежды на реализацию указанных положений.

Социальное благополучие человека в настоящих условиях невозможно без обеспечения достойного уровня образования, необходимого для жизни в современном обществе. Это является важнейшим

условием развития, именно поэтому государство ставит перед собой задачу обеспечить глобальную конкурентоспособность российского образования, вхождение России в десятку стран с лучшим образованием¹.

Российская Федерация достаточно давно взяла курс на реализацию прав детей с ограниченными возможностями здоровья. Значительное количество международных правовых актов, к которым Россия присоединилась либо заняла позицию их поддержки в части общих принципов, свидетельствуют о схожих взглядах с мировым сообществом по созданию совместных требований в обеспечении образования детей². Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации») также содержит необходимые положения, исполнение которых может обеспечить доступность и эффективность образования для каждого. Данный документ определяет все требования как для инклюзивного, так и для коррекционного образования, вводит понятие «обучающиеся с ограниченными возможностями здоровья» и предусматривает гибкие условия как для инвалидов, так и для детей с особыми образовательными потребностями. На практике именно инклюзивный характер общего образования видится в качестве ключевого направления для реализации поставленных перед государством задач в этой области.

Основополагающее значение для формирования принципов инклюзивного образования имела Саламанакская декларация, принятие которой в первую очередь выявило проблемы реформирования общеобразовательных учреждений, создало условия для возникновения в них совершенно новых процессов. Именно она подчеркнула «необходимость и безотлагательность обеспечения образования для детей, молодежи и взрослых с особыми образовательными потребностями в рамках обычной системы образования»³. Но в России особое значение для внедрения инклюзивного образования имело присоединение к Конвенции о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г. (далее – Конвенция о правах

инвалидов), вступившей в силу на территории государства в 2012 г.

Изначально идея инклюзивного образования инициировалась и продвигалась родительским и частично педагогическим сообществами, в том числе в ходе состоявшегося в 2010 г. публичного обсуждения проекта Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» на уже не существующем, к сожалению, сайте «Общественное обсуждение законопроектов» (zakonoproekt2010.ru).

Официально к числу детей, признанных инвалидами, в 2021 г. в России отнесено 704 тыс. человек. Следует отметить, что количество детей-инвалидов неуклонно растет. Так, в 2012 г. их было 560 тыс. человек⁴. При этом особые потребности есть у гораздо большего числа детей, имеющих особенности развития, однако не признанных инвалидами. К этой группе можно отнести лиц с диагнозами дисграфия, дислексия, дискалькулия, синдром дефицита внимания и гиперактивности. В таких случаях необходимы специальные образовательные технологии, педагогические подходы. Зачастую наличие перечисленных особенностей требует индивидуальных занятий не только и не столько с педагогом общеобразовательной школы, сколько с коррекционным педагогом, тьютором, психологом, нейропсихологом. При этом школа оказывается заложником требований законодательства и реальности. Отсутствие квалифицированной психологической и коррекционной помощи, нехватка высококвалифицированных педагогов, имеющих навыки работы с детьми с такими особенностями, влекут за собой резкое снижение качества образования детей, оказавшихся в инклюзивной среде.

Ни для кого не секрет, что общеобразовательная школа в крупных городах переполнена, численность учеников в классах составляет больше чем 30 детей. В каждом из таких классов может быть несколько человек, имеющих особые потребности. Нехватка кадров в сельской местности ощущается еще сильнее. В результате возникает вопрос: является ли инклюзия формой решения существующих проблем и обеспечения качественного образования? Стоит

¹Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 20. Ст. 2817. (Эти же задачи ставились и в неопубликованном паспорте национального проекта «Образование».)

²Всеобщая декларация прав человека от декабря 1948 г.; Декларация прав ребенка от 20 ноября 1959 г.; Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования от 14 декабря 1960 г.; Декларация социального прогресса и развития от 11 декабря 1969 г.; Декларация о правах умственно отсталых лиц от 20 декабря 1971 г.; Декларация о правах инвалидов от 9 декабря 1975 г.; Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г.; Сан-бергская декларация от 7 ноября 1981 г.; Всемирная программа действий в отношении инвалидов от 3 декабря 1982 г.; Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г.; Всемирная декларация об образовании для всех – удовлетворение базовых образовательных потребностей от 9 марта 1990 г.; Стандартные правила ООН по обеспечению равных возможностей для инвалидов от 20 декабря 1993 г.; Дакарские Рамки действий. Образование для всех: выполнение наших общих обязательств (2000).

³Саламанакская декларация о принципах, политике и практической деятельности в сфере образования лиц с особыми потребностями от 10 июня 1994 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/salamanka.pdf (дата обращения: 28.01.2022).

⁴Статистика: численность инвалидов в России [Электронный ресурс]. URL: https://ruxpert.ru/Статистика:Численность_инвалидов_в_России (дата обращения: 28.01.2022).

обратить внимание и на то, что большинство указанных нарушений в развитии ребенка могут быть устранены при раннем вмешательстве и высоком уровне педагогической и психологической работы.

На мероприятии «Всемирная конференция по образованию для лиц с особыми потребностями: доступ и качество» был принят документ «Рамки действий по образованию лиц с особыми потребностями», где правительства всех стран-участниц призывают уделять первоочередное внимание необходимости придать включающий (инклюзивный) характер системе образования, определить принцип инклюзивного образования как компонент правовой или политической систем. Однако, помимо общих требований, в документе содержатся и требования финансировать стратегию ранней диагностики и раннего вмешательства, развивать профессиональные аспекты инклюзивного образования, обеспечивать наличие должных программ по подготовке учителей⁵.

В соответствии с Конвенцией о правах инвалидов образование должно быть направлено на развитие умственных и физических способностей в полном объеме, доступ инвалидов к образованию необходимо организовать в местах их непосредственного проживания, при этом нужно разумно удовлетворять потребности таких лиц, предоставлять эффективные меры индивидуальной поддержки в общей системе образования, облегчающие процесс обучения, и др. Возможно ли говорить об эффективности существующих сейчас мер для достижения обозначенных целей?

Видится, что ключевым приоритетом должно стать не наличие инклюзии как таковой, а выработка эффективных механизмов для реальной реализации права на образование каждого ребенка, имеющего особые потребности. Следует отметить, что выбор все-таки остается за государством. ЕСПЧ, несмотря на то что отмечает высокую степень важности обеспечения равенства при получении образования, сохраняет позицию предоставления государствам достаточно широкой свободы усмотрения при выборе модели реализации упомянутого права.

Это относится и к инклюзивному образованию. Позиция ЕСПЧ сводится к тому, что у государств нет обязанности обеспечить инклюзивное образование для всех без исключения во всех без исключения образовательных учреждениях.

Одним из ключевых при рассмотрении данного вопроса можно назвать решение о неприемлемо-

сти жалобы «Дюпен против Франции», в котором суд признал обоснованным определение ребенка заявительницы, страдающего аутизмом, в образовательное учреждение специализированного типа, а не в общеобразовательную школу, как на том настаивала мать. Причем государство в данном случае подтвердило, что такое решение было принято на основании мнения широкого круга экспертов, установивших отсутствие сформированных навыков по поддержанию минимальных требований необходимого поведения в школьном коллективе⁶. Имеется целый ряд решений ЕСПЧ, подтверждающих широту усмотрения государства при отказе в приеме как в общеобразовательные, так и в конкретные негосударственные школы при наличии особенностей в развитии ребенка. Так, в деле «Санлисой против Турции» суд подчеркнул, что отказ в приеме ребенка с аутизмом в конкретную частную школу (хотя и связанный с состоянием его здоровья) нельзя считать системным отказом в получении образования⁷.

ЕСПЧ также настаивает на своей субсидиарной роли и некомпетентности в вопросе оценки достаточности принятых государством в каждом конкретном случае мер, направленных на приспособление образовательной среды. В данных условиях суд в большей степени полагается на национальные власти, однако ожидает от них соответствующих разъяснений. В деле «Кэм против Турции» ЕСПЧ увидел нарушения принципа равенства при отказе в приеме в Музыкальную академию абсолютно незрячей абитуриентки даже при успешном прохождении вступительного испытания. Суд не получил объяснений по поводу того, каким образом состояние здоровья в данном случае препятствует получению образования. И в то же время ЕСПЧ усмотрел, что никаких действий, направленных на внедрение «разумных приспособлений» для содействия получению заявительницей образования, не было предпринято⁸.

В то же время в деле «Стоян против Румынии» были отмечены усилия национальных властей по внедрению «разумного приспособления» образовательной среды (в том числе адаптация здания для передвигающегося на инвалидной коляске ребенка, предоставление услуг сопровождающего тьютора, логопеда, психолога и даже физиотерапевта, а также попытка подобрать индивидуального ассистента, способного оказывать личную помощь в обучении) для страдающего квадриплегией ребенка. И несмотря на то что мать ребенка, являющаяся заявителем,

⁵Дакарские рамки действий. Образование для всех: выполнение наших общих обязательств [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ifap.ru/efa/ofdocs/002.pdf> (дата обращения: 28.01.2022).

⁶Requête No. 2282/17 Bettina Dupin contre la France [Ressource électronique]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-189671> (date de la demande: 28.01.2022).

⁷Requête No. 77023/12 Ozan Barış Sanlisoy contre la Turquie [Electronic resource]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-169450> (date of access: 28.01.2022).

⁸Case of Çam v. Turkey [Electronic resource]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-161149> (date of access: 28.01.2022).

не считала эти действия достаточными, суд высоко оценил действия властей, направленные на обеспечение инклюзии⁹.

Заключительный в данной статье пример касается весьма актуального для России вопроса – состояния доступной среды для маломобильных групп населения. Несмотря на следование минимальным требованиям в части установления пандусов, расширения дверных проемов, выделения специальных помещений для туалетов школы, особенно построенных в более ранние годы, не могут быть, по сути, «перекрыты» под все критерии доступной среды, предъявляемые Конвенцией о правах инвалидов. Так, в деле «Энвер Сахин против Турции» суд посчитал недостаточным предоставление со стороны государства услуг ассистента, способного оказать помощь по перемещению колясочника с этажа на этаж, отметив, что такой вариант не способствует автономности и независимости заявителя. ЕСПЧ настаивает на необходимости создания среды, доступной для передвижения лица на коляске. Между тем, хотя для России и большей части постсоветского пространства отсутствие комфортных помещений является серьезной проблемой, не менее важен вопрос получения образования детьми без физических нарушений, но с особенностями в части обучения¹⁰.

Если обратиться к Федеральному Закону «Об образовании в Российской Федерации», то, в соответствии с п. 4 ст. 79, обучение детей с особыми образовательными потребностями может быть организовано как совместно с другими обучающимися, так и в отдельных классах, группах или организациях, осуществляющих образовательную деятельность. Между тем стоит отметить, что на 17 млн детей, обучающихся в российских школах, по данным Министерства просвещения Российской Федерации, приходится 1664 коррекционные школы¹¹. При этом Национальный проект «Образование» в качестве ключевого направления выделяет модернизацию специализированных (коррекционных) школ. Кроме того, государство ставит задачей не только модернизацию помещений, но и разработку адаптированных программ, обеспеченных учебно-методически, подготовку высококвалифицированных кадров (тифлопедагогов, коррекционных педагогов, логопедов, дефектологов, психологов), способных проводить качественную работу с детьми, нуждающимися в сопровождении. Как видится, развитие таких полноценно оборудованных, обеспеченных кадрами специализированных школ, об-

ладающих возможностями персонализированного (в том числе в условиях небольших классов), а также индивидуального обучения, позволит обеспечить более эффективную подготовку учащихся в соответствии с требованиями Конвенции о правах инвалидов и иными актами. Представляется также, что следование политике развития специализированных образовательных учреждений может способствовать развитию в целом позитивного отношения к подобного рода образовательным организациям.

В настоящее время для того, чтобы определить адаптированную образовательную программу, подходящую ребенку, и выбрать учреждение в случае такой необходимости, нужно заключение специальной комиссии, действующей в соответствии с письмом Министерства образования Российской Федерации от 14 июля 2003 г. № 27/2967-6 «О психолого-медико-педагогической комиссии». Согласно названному письму и действующим законам¹², прохождение такого рода обследования является добровольным. В этом, как видится, и заключается основная проблема нашего общества. Граждане опасаются ярлыка особенного ребенка, отказываются от прохождения комиссии, а сами комиссии остерегаются давать жесткие заключения, чтобы не провоцировать конфликтные ситуации с родителями и школой. Члены комиссии понимают, что в общеобразовательной школе нет условий для обеспечения персонализированного, а иногда и индивидуального обучения.

Предлагается попробовать найти некий компромисс между императивным подходом, который, безусловно, может вести к дискриминации, и отсутствием массового психологического, педагогического обследования, не позволяющего выбрать верную образовательную траекторию для каждого конкретного ребенка и обеспечить возможность полноценного функционирования школ, как общеобразовательных, так и специализированных (коррекционных). Для этого в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» необходимо предусмотреть обязательную диагностику ребенка, после которой родителю и педагогам будут даны рекомендации по выбору образовательной организации, виду адаптированной программы, необходимости привлечения дополнительных специалистов, ассистентов (тьюторов), применению тех или иных образовательных технологий.

Более того, следует обратить внимание и на то, что законодатель, формулируя основания для обращения к экспертам упомянутой комиссии, ис-

⁹Case of Stoian v. Romania [Electronic resource]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-145317> (date of access: 28.01.2022).

¹⁰Case of Enver Şahin v. Turkey [Electronic resource]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus?i=001-180499> (date of access: 28.01.2022).

¹¹Из коррекционных школ сделают методические центры для детей и родителей [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7775939> (дата обращения: 28.01.2022).

¹²Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724 ; Закон Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» // Ведомости Съезда нар. депутатов Рос. Федерации и Верхов. Совета Рос. Федерации. 1992. № 33. Ст. 1913.

пользует весьма корректную формулировку в ст. 42 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» («дети, испытывающие трудности в освоении основных общеобразовательных программ, развитии и социальной адаптации»), которая не предполагает негативной и дискриминационной коннотации. Более того, приведенная формулировка позволяет, наоборот, наделять более широкими правами указанные категории детей в целях максимально возможного достижения социального равенства, гарантируемого ст. 19 Конституции Российской Федерации и международными принци-

пами и нормами. Закон предусматривает широкое взаимодействие комиссий с образовательными организациями, родителями, содействие развитию учебно-методической готовности к работе с детьми, имеющими различного рода особенности.

Все сказанное свидетельствует о необходимости не только совершенствования нормативных положений, но и изменения концептуальных подходов к формированию мер психологической, социальной, методической поддержки семей, имеющих детей, по тем или иным причинам не способных легко усваивать традиционные образовательные программы.

Заключение

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» отвечает всем требованиям международного законодательства, регулирующего вопросы предоставления образования детям с особыми потребностями здоровья. При этом названный документ создает условия как для обеспечения инклюзивного образования, так и для развития коррекционных организаций. В то же время для реализации задач, поставленных мировым сообществом в части обеспечения качественным образованием в целях наиболее эффективной социализации и дальнейшего профессионального самоопределения для детей, имеющих трудности в обучении, детей с ограниченными возможностями здоровья, а также для детей, признанных инвалидами, необходимо участие государства в формировании различных образовательных сред и подборе оптимального образовательного учреждения. Предлагается посредством закрепления

в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» внедрить независимую, но при этом обязательную психолого-медико-педагогическую диагностику при поступлении в школу для того, чтобы предложить родителям различные варианты образовательных организаций или адаптивных программ, содействовать выработке подходов со стороны выбранной родителями образовательной организации. При этом в ходе реализации Национального проекта «Образование» и иных стратегий и концепций среди ключевых направлений необходимо предусмотреть подготовку высококвалифицированных кадров, обеспечивающих как инклюзивное, так и коррекционное обучение в специализированных организациях, усилить меры психолого-педагогической поддержки родителей и ребенка в случае выявления особых потребностей в обучении, а также в организациях, осуществляющих инклюзивное образование.

Библиографические ссылки

1. Борисов БЮ, Шакирова НМ. Инклюзивное образование как реальное воплощение в жизнь идеи права всех детей на образование. В: Михайлова ЕЛ, редактор. *Социально-психологические проблемы современного общества и человека: пути решения: сборник научных статей памяти профессора А. П. Орловой*. Витебск: Витебский государственный университет имени П. М. Машерова; 2020. с. 59–63.
2. Балаян ЭЮ. Некоторые вопросы осуществления права человека на инклюзивное образование. В: Волков ВА, редактор. *Реализация Конвенции ООН о правах инвалидов: опыт, проблемы, пути их решения: сборник научных статей, материалов докладов и выступлений Международной научно-практической конференции; 14 декабря 2016 г.; Кемерово, Россия*. Кемерово: Примула; 2017. с. 39–43.
3. Жаворонков РН. Проблемы толкования Конвенции ООН о правах инвалидов: инклюзивное образование. *Ежегодник российского образовательного законодательства*. 2018;13:119–136.
4. Борисова НВ, Прушинский СА. *Инклюзивное образование: право, принципы, практика*. Москва: [б. и.]; 2009. 127 с.
5. Кавилов А, Дмитриева ЮЛ, Бурдо ЕП, Гаранина ИГ. Место инклюзивного образования в международном праве прав человека на современном этапе. В: Иванцова НВ, Швецова НМ, редакторы. *Адвокатура как институт гражданского общества: тенденции развития и перспективы: сборник статей по материалам II Международной научно-практической конференции; 2 марта 2016 г.; Йошкар-Ола, Россия*. Йошкар-Ола: Межрегиональный открытый социальный институт; 2016. с. 27–33.
6. Гук ПА. Судебная практика: методология исследования. *Правовая политика и правовая жизнь*. 2011;3:132–136.

References

1. Borisov BYu, Shakirova NM. [Inclusive education as a real embodiment of the idea of the all the children's right to education]. In: Mikhailova EL, editor. *Sotsial'no-psikhologicheskie problemy sovremennogo obshchestva i cheloveka: puti resheniya: sbornik nauchnykh statei pamyati professora A. P. Orlovoi* [Socio-psychological problems of modern society and man: solutions: collection of scientific articles in memory of professor A. P. Orlova]. Vitebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masherov; 2020. p. 59–63. Russian.

2. Balayan EYu. [Some issues of the implementation of the human right to inclusive education]. In: Volkov VA, editor. *Realizatsiya Konventsii OON o pravakh invalidov: opyt, problemy, puti ikh resheniya: sbornik nauchnykh statei, materialov dokladov i vystuplenii Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 14 dekabrya 2016 g.; Kemerovo, Rossiya* [Implementation of the UN Convention on the rights of persons with disabilities: experience, problems, ways to solve them: collection of scientific articles, materials of reports and speeches of the International scientific and practical conference; 2016 December 14; Kemerovo, Russia]. Kemerovo: Primula; 2017. p. 39–43. Russian.

3. Zhavoronkov RN. Problems of interpretation of the UN Convention on the rights of persons with disabilities: inclusive education. *Ezhegodnik rossiiskogo obrazovatel'nogo zakonodatel'stva*. 2018;13:119–136. Russian.

4. Borisova NV, Prushinskii SA. *Inklyuzivnoe obrazovanie: pravo, printsipy, praktika* [Inclusive education: law, principles, practice]. Moscow: [s. n.]; 2009. 127 p. Russian.

5. Kaviev A, Dmitrieva Yu, Burdo E, Garanina I. [The place of inclusive education in the international human rights law at the present stage]. In: Ivantsova NV, Shvetsova NM, editors. *Advokatura kak institut grazhdanskogo obshchestva: tendentsii razvitiya i perspektivy: sbornik statei po materialam II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 2 marta 2016 g.; Ioshkar-Ola, Rossiya* [Advocacy as an institution of civil society: development trends and prospects: collection of articles based on the materials of the 2nd International scientific and practical conference; 2016 March 2; Yoshkar-Ola, Russia]. Yoshkar-Ola: Interregional Open Social Institute; 2016. p. 27–33. Russian.

6. Guk PA. Judicial practice: methodology of research. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. 2011;3:132–136. Russian.

Статья поступила в редколлегию 11.02.2022.
Received by editorial board 11.02.2022.

УДК 342.5

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ

Н. С. МАЛЮТИН¹⁾

¹⁾Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Ленинские горы, 1, 119991, г. Москва, Россия

Анализируются последствия конституционной реформы 2020 г. в Российской Федерации, закрепившей особый конституционный статус Государственного Совета Российской Федерации, ранее функционировавшего на основании специального указа Президента Российской Федерации и выполнявшего исключительно консультативные функции. Ключевой исследовательской задачей является сопоставление действующего (федеральный закон) и прежнего (указ Президента Российской Федерации) нормативного регулирования Государственного Совета в целях выявления тенденций изменения правового статуса последнего. Критической оценке подвергаются высказываемые обоснования необходимости придания Государственному Совету Российской Федерации статуса специфического конституционного органа, участвующего в обеспечении согласованного функционирования единой системы публичной власти. Проведенное исследование показывает, что фактически конституционная реформа коснулась только формы закрепления статуса Государственного Совета Российской Федерации, сохранив при этом основное содержательное регулирование. Кроме того, делается вывод о том, что ряд статусных проблем, связанных с существованием и деятельностью данного государственного органа и ранее неоднократно отмечаемых в научной литературе, к сожалению, не были решены в ходе масштабного реформирования правового регулирования указанных отношений.

Ключевые слова: Российская Федерация; конституционная реформа; публичная власть; Государственный Совет Российской Федерации; Президент Российской Федерации.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований в рамках научного проекта № 21-011-31220.

STATE COUNCIL OF THE RUSSIAN FEDERATION: RESULTS OF THE CONSTITUTIONAL REFORM

N. S. MALYUTIN^a

^aLomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

This article analyses the consequences of the constitutional reform of 2020 in the Russian Federation, which enshrined the special constitutional status of the State Council of the Russian Federation. It previously functioned on the basis of a special decree of the President of the Russian Federation and performed exclusively advisory functions. The key research task is to compare the current (federal law) and the former (decree of the President of the Russian Federation) regulation of the institute of the State Council of the Russian Federation in order to identify trends in the legal status of the latter. The reasons expressed for the need to give the State Council of the Russian Federation the status of a specific constitutional body involved in ensuring the coordinated functioning of a unified system of public power are critically evaluated. The conducted research shows that, in fact, the constitutional reform concerned only the form of securing the status of the State Council of the Russian Federation, while retaining the main regulation substantially the same. In addition, the article concludes that

Образец цитирования:

Малютин НС. Государственный Совет Российской Федерации: результаты конституционной реформы. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2022;1:37–44.

For citation:

Malyutin NS. State Council of the Russian Federation: results of the constitutional reform. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2022;1:37–44. Russian.

Автор:

Никита Сергеевич Малютин – кандидат юридических наук; доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета.

Author:

Nikita S. Malyutin, PhD (law); associate professor at the department of constitutional and municipal law, faculty of law.
n_malyutin@mail.ru

a number of status problems related to the existence and activities of the State Council of the Russian Federation and previously repeatedly noted in the scientific literature, unfortunately, were not resolved during the large-scale reform of the legal regulation of these relations.

Keywords: Russian Federation; constitutional reform; public authority; State Council of the Russian Federation; President of the Russian Federation.

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Fundamental Research and the Expert Institute for Social Research within the framework of scientific project No. 21-011-31220.

Постановка проблемы

Масштабная конституционная реформа, состоявшаяся в 2020 г.¹, затронула многие конституционные правоотношения. При этом особое внимание было уделено вопросам организации (а вернее, реорганизации) сложившейся системы государственной власти, получившей конституционное закрепление в виде выражения «единая система публичной власти» в ст. 71, 80 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция).

Важно отметить, что наряду с закреплением в Конституции указанного принципа, положившего начало массовой корректировке отраслевого законодательства в части усиления централистских тенденций в построении взаимоотношений между федерацией и субъектами², а также субъектами и муниципальными образованиями³, состоявшаяся реформа не обошла стороной и субъектный состав

отношений в сфере государственного управления. Прежде всего речь идет о включении в текст Основного Закона положений о Государственном Совете Российской Федерации (далее – Госсовет) и его роли в осуществлении государственной власти на территории Российской Федерации. Усиление статусной составляющей названного органа обосновывалось авторами конституционной реформы расширением коллективных начал в процессе выработки государственно значимых решений⁴. В то же время едва ли можно рассматривать данный аргумент в качестве необходимого и достаточного для подобных конституционных корректировок, в связи с чем возникает объективная потребность в рассмотрении трансформации правового статуса Госсовета в новой конституционной реальности Российского государства.

Правовые основы возникновения и функционирования Госсовета

Начать разговор о Госсовете следует с того, что конституционная поправка 2020 г. не учредила новый конституционный орган, а лишь повысила, как уже отмечалось выше, его правовой статус. Фактически, Госсовет был создан как совещательный орган при Президенте Российской Федерации (далее – Президент РФ) для согласования важнейших направлений политики, социально-экономического развития Российской Федерации в целом и каждого

ее субъекта в частности на основании Указа Президента Российской Федерации от 1 сентября 2000 г. № 1602 «О Государственном Совете Российской Федерации» (далее – Указ Президента РФ).

Как справедливо отмечается в литературе [1–3], учреждение Госсовета стало своего рода компромиссом между новой президентской администрацией и главами субъектов федерации, связанным с изменением порядка формирования Совета Фе-

¹Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.

²См.: Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации».

³Проект федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» предусматривает пересмотр существующего закона о местном самоуправлении. Важно отметить, что несмотря на статус законопроекта, анализ субъектов законодательной инициативы, содержания предлагаемого регулирования, а также общего тренда конституционных реформ в сфере организации публичной власти можно ожидать скорого принятия данного закона с незначительными (преимущественно редакционными) изменениями.

⁴В частности, Т. Я. Хабриева отмечает, что «введение в Конституцию нормы о статусе Государственного Совета РФ не только создает новую “площадку” для согласования различных интересов, но и позволяет привести в действие обновленный конституционный механизм для выработки на коллективных началах консолидированных и наиболее обоснованных решений органами государственной власти. Это усложнит институциональную основу их принятия за счет расширения состава государственных органов, вовлеченных в указанный процесс, но сделает его более открытым, внесет в него элементы коллегиальности, что будет способствовать демократизации правотворчества и прозрачности деятельности органов исполнительной власти» (Цит. по: Хабриева Т. Я., Клишас А. А. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». М. : Норма, 2020. 240 с.).

дерации и отстранения таким образом последних от непосредственного участия в осуществлении государственной политики⁵.

Названное выше обстоятельство фактически предопределило основной состав Госсовета как совещательного органа: в него вошли все главы субъектов федерации. Однако стоит отметить, что со временем состав рассматриваемого государственного органа постепенно расширялся за счет представителей федеральной власти, что в целом можно рассматривать как самостоятельную тенденцию к укреплению централистских начал даже на уровне совещательного органа. Так, в частности, в 2012 г. состав Госсовета был скорректирован, и наряду с традиционными главами субъектов в состав консультативного органа вошли по должности председатели палат Федерального Собрания Российской Федерации, а также руководители фракций в Государственной Думе Российской Федерации⁶. Затем в состав Госсовета вошли полномочные представители Президента РФ в федеральных округах⁷. Кроме того, президент сохранил за собой право дополнительно включать в состав Госсовета бывших глав субъектов, имеющих большой опыт публичной (государственной и общественной) деятельности.

Важным элементом структуры Госсовета с 2007 г. стала специальная консультативная комиссия, формируемая для оказания соответствующей помощи членам Госсовета и его президиума по вопросам, включенным в план работы (п. 8.1. Указа Президента РФ в редакции Указа Президента Российской Федерации от 23 февраля 2007 г. № 241 «О внесении изменений в Положение о Государственном совете Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 1 сентября 2000 г. № 1602»). При этом важно подчеркнуть, что члены данной комиссии, в отличие от членов Госсовета, могут участвовать в ее работе *на платной основе*. Однако объем и характер оплаты ни в Указе Президента РФ, ни в каком-либо ином нормативном акте не определен. При этом фактически под сомнение ставится общественный характер данного органа. Интерес вызывает и тот факт, что консультативная комиссия Госсовета в значительной степени состояла из его членов, и это само по себе создавало некое

ощущение рекурсии, при которой в совещательном органе формируется самостоятельный совещательный орган.

Основной функцией Госсовета, как она формулировалась в обозначенном указе, стало *содействие Президенту РФ при реализации полномочий главы государства по вопросам обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти*. В рамках данной функции для Госсовета определялись следующие основные задачи:

- обсуждение имеющих особое государственное значение проблем, касающихся взаимоотношений Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, важнейших вопросов государственного строительства и укрепления основ федерализма, внесение необходимых предложений Президенту РФ;

- обсуждения вопросов, касающихся исполнения (соблюдения) федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, их должностными лицами Конституции, федеральных конституционных законов, федеральных законов, указов и распоряжений Президента РФ, постановлений и распоряжений Правительства Российской Федерации и внесение соответствующих предложений Президенту РФ;

- содействие Президенту РФ при использовании им согласительных процедур для разрешения разногласий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации;

- рассмотрение по предложению главы государства проектов федеральных законов и указов Президента РФ, имеющих общегосударственное значение;

- обсуждение проекта федерального закона о федеральном бюджете;

- обсуждение информации Правительства Российской Федерации о ходе исполнения федерального бюджета;

- обсуждение основных вопросов кадровой политики в Российской Федерации;

- обсуждение по предложению Президента РФ иных вопросов, имеющих важное государственное значение.

Реформа 2020 г. и формирование нового Госсовета

Как уже отмечалось ранее, поправка 2020 г. включила упоминание Госсовета в конституционном тексте, закрепив полномочие Президента РФ по его

формированию, чтобы обеспечить согласованное функционирование и взаимодействие органов публичной власти, определить основные направления

⁵Важно отметить, что инициатива создания Госсовета возникла «снизу», непосредственно от глав субъектов федерации, а также действующих членов Совета Федерации, что нашло отражение в нормативных документах, касающихся учреждения Госсовета (см., например, п. 1 Распоряжения Президента Российской Федерации от 27 июля 2000 г. № 313-рп «О создании Государственного Совета Российской Федерации», а также преамбулу Указа Президента РФ).

⁶Указ Президента Российской Федерации от 11 июля 2012 г. № 946 «Вопросы Государственного Совета Российской Федерации».

⁷Указ Президента Российской Федерации от 10 августа 2012 г. № 1153 «О внесении изменения в Положение о Государственном Совете Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 1 сентября 2000 г. № 1602, и о признании утратившим силу пункта 3 Указа Президента Российской Федерации от 23 июня 2008 г. № 992».

внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетные направления социально-экономического развития государства. При этом в указанном положении отдельно отмечается, что статус Госсовета с настоящего времени будет определяться не указом Президента РФ, а *федеральным законом* (п. «е. 5» ст. 83 Конституции).

Во исполнение данного конституционного предписания был принят Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» (далее – ФЗ о Госсовете), который, по мнению отдельных авторов, внес существенные изменения в статус, функции и задачи ставшего теперь конституционным органа [4–6]. Такая ситуация позволяет условно рассматривать вновь образованный Госсовет как обновленную, усовершенствованную версию существовавшего ранее.

ФЗ о Госсовете установил большую степень независимости данного органа, нежели это предусматривалось Указом Президента РФ. Так, названный закон в ст. 3 предусматривает, что Госсовет является конституционным государственным органом, формируемым Президентом РФ в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства. В отличие от прежнего регулирования, действующее положение не содержит указания на вспомогательный характер деятельности Госсовета, а также расширяет сферу его компетенции, включая в нее, наряду с обеспечением согласованного функционирования единой системы публичной власти, определение основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации, а также приоритетных направлений социально-экономического развития государства.

Подвергся корректировке и состав Госсовета. Согласно ФЗ о Госсовете основу названного органа все также составляют высшие должностные лица субъектов Российской Федерации. В то же время в состав Госсовета включаются целый ряд федеральных чиновников, приобретающих членство по следующим должностям:

- Председатель Правительства Российской Федерации;
- Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации;
- Председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации;
- Руководитель Администрации Президента РФ.

Кроме того, нельзя не отметить и более широкую в сравнении с предыдущим регулированием дискрецию Президента РФ в вопросе назначения экстраординарных членов Госсовета: в соответствии с ФЗ о Госсовете он фактически имеет неограничен-

ные возможности по расширению состава данного органа при условии соблюдения соискателями базовых требований к членам, предусмотренных ч. 3 ст. 7 названного закона.

Достаточно подробное регулирование получили и вопросы внутренней организации Госсовета. Так, во исполнение положений ФЗ о Госсовете, предусматривающих учреждение комиссий, рабочих групп и иных рабочих органов (ст. 11), был принят Указ Президента Российской Федерации от 21 декабря 2020 г. № 800 «Вопросы Государственного Совета Российской Федерации». Названный документ учреждает 18 профильных комиссий Госсовета по основным направлениям социально-экономического развития Российской Федерации, а также утверждает положение о рабочих органах Госсовета, предусматривающее обязательное учреждение еще двух самостоятельных комиссий по основным направлениям деятельности:

- комиссии Госсовета по обеспечению согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти;
- комиссии Госсовета по координации и оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Обозначенная выше конкретизация правового статуса и конституционного предназначения Госсовета не могла не отразиться на уточнении его функций и основных задач. В отличие от прежнего регулирования, ФЗ о Госсовете разграничивает названные категории. При этом перечень основных задач сформулирован открыто, что предоставляет Президенту РФ неограниченную компетенцию по возложению на Госсовет любых задач, формально отвечающих требованию «важного государственного значения» (ч. 2 ст. 5 ФЗ о Госсовете).

К *основным задачам* Госсовета, согласно ст. 5 упомянутого выше закона, относятся следующие:

- содействие Президенту РФ по вопросам обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства;
- подготовка предложений Президенту РФ по вопросам, связанным с определением приоритетных направлений и целей социально-экономического развития государства, основных направлений регионального и муниципального развития, а также формирование механизмов эффективного осуществления такого развития и содействие их реализации, в том числе на созданных в соответствии с федеральным законом федеральных территориях;
- подготовка предложений Президенту РФ по важнейшим вопросам государственного строительства, укрепления основ федерализма и местного самоуправления, а также по вопросам, касаю-

щимся взаимоотношений Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований;

- подготовка предложений Президенту РФ по вопросам формирования механизмов согласованного функционирования и взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, повышения эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации (руководителей высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации), глав муниципальных образований (глав местных администраций);
- содействие Президенту РФ при использовании им согласительных процедур для разрешения разногласий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации;
- рассмотрение по предложению Президента РФ проектов федеральных законов и указов Президента РФ, имеющих общегосударственное значение;
- обсуждение основных параметров проекта федерального закона о федеральном бюджете на очередной финансовый год и на плановый период, а также информации Правительства Российской Федерации о ходе исполнения федерального бюджета и о реализации национальных целей развития Российской Федерации;
- обсуждение основных вопросов кадровой политики в Российской Федерации.

Для решения основных задач Госсовет осуществляет следующие функции (ст. 6 ФЗ о Госсовете):

- рассматривает вопросы, касающиеся взаимодействия органов публичной власти, обсуждает основные направления внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетные направления социально-экономического развития государства, в том числе основные направления регионального и муниципального развития;
- рассматривает вопросы, касающиеся согласованного функционирования и взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов

государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, в том числе по вопросам передачи полномочий между названными органами, в целях достижения согласованного их решения;

- анализирует практики государственного и муниципального управления, разрабатывает предложения по их совершенствованию;
- участвует в определении, согласовании и утверждении критериев и показателей эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления;
- обеспечивает мониторинг планируемых субъектами Российской Федерации и достигнутых ими за отчетный период значений (уровней) показателей деятельности, представляет соответствующий доклад Президенту РФ;
- участвует в разработке и определении мер поощрения субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в целях содействия достижению и (или) поощрения достижения ими наилучших значений (уровней) показателей деятельности;
- осуществляет иные функции в соответствии с федеральными конституционными законами, федеральными законами, решениями Президента РФ.

Стоит отметить, что Указ Президента РФ не предусматривал какого-либо разделения на задачи и функции Госсовета, и это на первый взгляд может быть расценено как некоторое расширение сферы его деятельности с учетом принятия профильного федерального закона. Однако анализ приведенных формулировок свидетельствует об их смысловой схожести, что, в свою очередь, едва ли позволяет обнаружить обозначенное расширение. Кроме того, текстуальное сопоставление сформулированных в федеральном законе основных задач и функций с прежними основными задачами, перечисленными в упомянутом указе, позволяет утверждать, что какого-либо существенного изменения в вопросах, рассматриваемых Госсоветом, а также в характере его участия в принятии Президентом РФ решений по данным вопросам не произошло.

Некоторые выводы и проблемные моменты

Анализ приведенных положений позволяет сделать некоторые выводы как относительно самой реформы Госсовета, так и в отношении причин ее проведения.

Прежде всего, хотелось бы отметить некоторую несостоятельность приводимых авторами реформы аргументов, которые уже упоминались ранее. Так, вызывает некоторые сомнения усиление коллегиальности при принятии решений государственного значения в связи с изменением правового статуса и уровня правовой регламентации Госсовета.

Представляется, что коллегиальность как способ принятия решений имеет ценность только в той ситуации, когда каждый из участников коллегиального органа (коллектива) имеет достаточную автономию, позволяющую ему свободно выражать свою позицию (в том числе критическую) по любому вопросу повестки. Такого рода автономия может обеспечиваться специальной процедурой формирования органа или наличием специальных гарантий независимости членов коллегиального органа. Сравнительный анализ регулирования процедуры

формирования Госсовета позволяет констатировать важную роль Президента РФ в этой процедуре, что подтверждается следующим:

- председательство главы государства в Госсовете;
- назначение им должностных лиц, входящих в состав Госсовета по должности (Председатель Правительства Российской Федерации, Руководитель Администрации Президента Российской Федерации);
- неограниченные возможности Президента РФ по включению любых лиц в состав Госсовета.

Кроме того, отдельно следует сказать о том, что с учетом действующего законодательства, регламентирующего вопросы назначения высших должностных лиц в субъектах Российской Федерации, а также сложившейся конституционно-правовой практики по данному вопросу очевидной представляется ситуация, при которой главы субъектов также будут иметь высокую степень лояльности по отношению к действующему Президенту РФ⁸.

При таком положении вещей может сложиться (или фактически складывается) ситуация, когда Президент РФ при осуществлении обозначенных полномочий совещается сам с собой, что едва ли можно рассматривать как эффективную площадку для согласования различных интересов. Подобная позиция существовала в науке и в отношении прежнего Госсовета [7].

Некоторые вопросы вызывает и отнесение отдельными авторами [8] Госсовета к числу самостоятельных органов публичной власти, предусмотренных Конституцией. Стоит отметить, что согласно устоявшемуся в теории права подходу одной из ключевых характеристик органа государственной (публичной) власти является наличие у него специальной компетенции и полномочий по ее осуществлению [9; 10, с. 260–262; 11; 12]. Кроме того, данный подход разделяется и федеральным законодателем⁹. В свою очередь, полномочие предполагает установленную законом возможность субъекта, наделенного им, совершать юридические действия и принимать решения от имени другого лица [13].

Анализ принятого ФЗ о Госсовете позволяет сделать несколько выводов относительно обозначенных понятий. Прежде всего, сам закон не выделяет

полномочия Госсовета в качестве самостоятельной категории. В то же время названные в ст. 5, 6 ФЗ о Госсовете основные задачи и функции не могут рассматриваться как полномочия данного органа, поскольку не предполагают возможности совершения Госсоветом действий и принятия решений от имени другого лица. Обратное означало бы, что фактически на Госсовет возлагалась бы задача по осуществлению полномочий Президента РФ от его имени, а это не соответствует как положениям действующей Конституции (даже с учетом поправок), так и предназначению Госсовета, сформулированному в новом законе. Изложенное позволяет говорить о том, что Госсовет нельзя рассматривать в качестве полноценного органа публичной власти. В то же время отсутствие определенности в понимании правовой природы данного органа едва ли идет на пользу эффективному осуществлению тех задач, ради которых ему придавался конституционный статус. Кроме того, само по себе дополнительное выделение производных от Президента РФ органов в качестве самостоятельных участников системы публичной власти также весьма убедительно критикуется в юридической науке [14].

Не вполне обоснованным представляется избранный законодателем подход к составу Госсовета. В соответствии с Указом Президента РФ формирование данного органа осуществлялось на основании положений ст. 80 Конституции в прежней редакции, предусматривающей в числе функций Президента РФ обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти. Именно по этой причине необходимость существования консультативного органа, сформированного из представителей субъектов федерации и осуществляющего свои функции при Президенте РФ, представлялась в определенной степени обоснованной. Стоит отметить, что включение в состав Госсовета только глав субъектов Российской Федерации также подвергалось критике со стороны научного сообщества. В частности, в литературе отмечается, что подобный функциональный крен в сторону исполнительной власти в вопросах определения основных направлений внутренней и внешней политики не в полной мере соотносится с положениями ст. 3 Конституции о принадлежности государ-

⁸Так, это может быть обусловлено корректировкой законодательства в части, касающейся основания досрочного прекращения полномочий высшего должностного лица субъекта Российской Федерации. В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 28 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» скорректировано основание применения такой меры конституционно-правовой ответственности, как утрата доверия Президента РФ. В рамках действующего правового регулирования президент имеет гораздо большую дискрецию при решении вопроса о досрочном прекращении полномочий высшего должностного лица субъекта Российской Федерации. Данная мера может быть особенно эффективной в ситуации, когда в рамках данного субъекта в соответствии с его конституцией (уставом) применяется не прямая система формирования высшего должностного лица, т. е. избрания законодательным (представительным) органом, а не населением (ст. 23).

⁹В частности, о наличии полномочий у органов публичной власти говорит упоминавшийся уже ранее Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (ст. 4), а также Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ст. 2).

ственной власти российскому многонациональному народу, который призван ее реализовывать непосредственно или через представительные органы, избранные на основе всеобщего равного прямого избирательного права тайным голосованием [15; 16]. Однако с учетом изменившейся конституционной формулировки, предусматривающей вместо государственных органы, входящие в единую систему публичной власти, а также с учетом избранного федеральным законодателем вектора полного встраивания местного самоуправления в единую властную вертикаль не вполне понятно отсутствие в составе Госсовета представителей муниципального уровня публичной власти. И хотя ФЗ о Госсовете предоставляет Президенту РФ право включать в состав данного органа представителей местного самоуправления (ч. 2 ст. 9 ФЗ о Госсовете), данное регулирование представляется недостаточным в рамках системного анализа конструкции единой публичной власти, формируемой сегодня в России.

Наконец, едва ли можно говорить о революционном изменении статуса Госсовета в части закрепления основных задач и функций. Как уже отмечалось ранее, неоднозначная правовая природа Госсовета, его производный от Президента РФ характер предопределили отсутствие специализированной компетенции данного органа как таковой, что фактически было отражено в новом нормативном акте, регламентирующем статус Госсовета. Кроме того, сравнительный анализ функций и основных задач указанного органа свидетельствует о том, что законодатель использовал исключительно редакционные приемы в процессе конкретизации компетенции Госсовета. При этом можно констатировать, что фактическое предназначение рассматриваемого органа не из-

менилось – основные задачи и функции остались прежними.

Отдельного внимания заслуживает вопрос деятельности Госсовета. Представляется, что усиление его роли, как оно обозначалось в числе результатов конституционной реформы 2020 г., должно быть связано с системным анализом сформировавшейся за более чем 20-летний период функционирования практики. Однако какие-либо открытые данные, содержащие информацию о деятельности Госсовета, о принимаемых им решениях, а также о его роли в процессе осуществления Президентом РФ своих полномочий, к сожалению, отсутствуют¹⁰. Учитывая то обстоятельство, что профильный федеральный закон не предусматривает какой-либо иной формы работы Госсовета, а также каких-либо иных подходов к ее верификации, нежели предусматривал Указ Президента РФ, можно заключить, что эффективность деятельности Госсовета едва ли возрастет в связи с изменением уровня правового регулирования статуса последнего.

Таким образом, подводя некоторые итоги, можно сделать вывод, что конституционная реформа 2020 г. создала предпосылки для изменения правового статуса Госсовета. Однако принятые законодателем и Президентом РФ меры едва ли можно назвать удачными в части воплощения того потенциала, который заложила Конституция, лишь упомянув данный орган в одной из своих статей. Как представляется, реформа Госсовета была реализована только на бумаге, поскольку основные содержательные характеристики статуса, за исключением уровня их закрепления, остались неизменными, а проблемы, связанные с существованием и функционированием данного органа, – неразрешенными.

Библиографические ссылки

1. Гончаров ВВ. Роль и место Государственного Совета Российской Федерации и полномочных представителей Президента России в федеральных округах в координации системы исполнительной власти в стране и преодолении центробежных политических тенденций. *Юридический мир*. 2008;3:23–28.
2. Жученко АА. Способы обеспечения соответствия конституций республик федеральной Конституции. В: Авакьян СА, редактор. *Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран*. Москва: Издательство МГУ; 2001. с. 245–251.
3. Матюхина ЮВ. Развитие российской федеративной государственности на основе конституционной модели. *Право и политика*. 2005;10:65–75.
4. Клишас АА. Госсовет утвердил себя в качестве одного из значимых политических институтов страны. *Парламентская газета* [Интернет]. 2020 [прочитано 21 декабря 2021 г.]. Доступно по: <https://www.pnp.ru/politics/gossovet-utverdil-sebya-v-kachestve-odnogo-iz-znachimyykh-politicheskikh-institutov-strany.html>.
5. Тетерин АВ. Роль Государственного Совета Российской Федерации в профилактике конституционных конфликтов. *Государственная власть и местное самоуправление*. 2021;6:56–60. DOI: 10.18572/1813-1247-2021-6-56-60.
6. Чеботарев ГН. Публичная служба и общественное представительство: синергия сотрудничества. *Конституционное и муниципальное право*. 2021;7:21–24. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-7-21-24.

¹⁰Единственным на сегодняшний день официальным источником информации о деятельности Госсовета является страница на сайте Президента РФ, содержащая, помимо общих сведений (цитаты базовых положений из профильного федерального закона), только информацию новостного характера о состоявшихся заседаниях Госсовета и его рабочих органов, включающую в себя преимущественно стенографические записи выступлений главы государства и иных должностных лиц на данных заседаниях. Какие-либо аналитические и иные документы, отражающие результаты работы Госсовета как консультативного органа, на данном ресурсе не представлены. См.: Государственный Совет [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/state-council> (дата обращения: 21.12.2021).

7. Лучин ВО, Данилов ИС. Государственный совет Российской Федерации: проблемы становления. *Право и политика*. 2001;4:19–28.
8. Безруков АВ, Кожевников ОА, Мещерягина ВА. Конституционная реформа 2020 года как основа построения устойчивой и эффективной системы публичного управления в России. *Конституционное и муниципальное право*. 2021;9:28–32.
9. Ильин ИА. *Теория права и государства*. Москва: Зерцало; 2008. 550 с.
10. Марченко МН, редактор. *Общая теория государства и права. Том 1*. Москва: Зерцало-М; 2002. 516 с.
11. Хропанюк ВН. *Теория государства и права*. Москва: [б. и.]; 1993. 343 с.
12. Zippelius R. *Allgemeine Staatslehre*. München: C.H.BECK; 2017. 480 S.
13. Лексин ИВ. Полномочие как категория отечественной юриспруденции: диалектика многозначности и унифицированности. *Журнал российского права*. 2021;4:37–58. DOI: 10.12737/jrl.2021.044.
14. Кондрашев АА. Особенности современного формирования политической системы России в контексте характеристики государственного режима. *Конституционное и муниципальное право*. 2012;5:21–32.
15. Киреева ЕЮ, Нудненко ЛА, Тхабисимова ЛА. Тенденции правовой регламентации взаимодействия Президента Российской Федерации с Правительством Российской Федерации. *Конституционное и муниципальное право*. 2020;10:37–40.
16. Нудненко ЛА. К вопросу о правовом регулировании народовластия в России. *Государство и право*. 2012;7:13–21.

References

1. Goncharov VV. [The role and place of the State Council of the Russian Federation and plenipotentiary representatives of the President of Russia in federal districts in coordinating the system of executive power in the country and overcoming centrifugal political trends]. *Yuridicheskii mir*. 2008;3:23–28. Russian.
2. Zhuchenko AA. [Ways to ensure compliance of the constitutions of the republics with the federal Constitution]. In: Avak'yan SA, editor. *Konstitutsionno-pravovaya otvetstvennost': problemy Rossii, opyt zarubezhnykh stran* [Constitutional and legal responsibility: problems of Russia, experience of foreign countries]. Moscow: Publishing House of Lomonosov Moscow State University; 2001. p. 245–251. Russian.
3. Matyukhina YuV. [Development of the Russian federal statehood on the basis of the constitutional model]. *Pravo i politika*. 2005;10:65–75. Russian.
4. Klishas AA. The State Council has established itself as one of the most significant political institutions of the country. *Parlamentskaya gazeta* [Internet]. 2020 [cited 2021 December 21]. Available from: <https://www.pnp.ru/politics/gossovvet-utverdil-sebya-v-kachestve-odnogo-iz-znachimyykh-politicheskikh-institutov-strany.html>. Russian.
5. Teterin AV. [The role of the State Council of the Russian Federation in the prevention of constitutional conflicts]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 2021;6:56–60. Russian. DOI: 10.18572/1813-1247-2021-6-56-60.
6. Chebotarev GN. Public service and public representation: the cooperation synergy. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 2021;7:21–24. Russian. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-7-21-24.
7. Luchin VO, Danilov IS. [The State Council of the Russian Federation: problems of formation]. *Pravo i politika*. 2001;4:19–28. Russian.
8. Bezrukov AV, Kozhevnikov OA, Meshcheryagina VA. The constitutional reform 2020 as the basis for establishing a sustainable and effective public administration system in Russia. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 2021;9:28–32. Russian.
9. Il'in IA. *Teoriya prava i gosudarstva* [Theory of law and the state]. Moscow: Zertsalo; 2008. 550 p. Russian.
10. Marchenko MN, editor. *Obshchaya teoriya gosudarstva i prava. Tom 1* [General theory of state and law. Volume 1]. Moscow: Zertsalo-M; 2002. 516 p. Russian.
11. Khropanyuk VN. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow: [s. n.]; 1993. 343 p. Russian.
12. Zippelius R. *Allgemeine Staatslehre*. München: C.H.BECK; 2017. 480 S.
13. Leksin IV. Authority as a category of Russian jurisprudence: dialectics of polysemy and unification. *Journal of Russian Law*. 2021;4:37–58. Russian. DOI: 10.12737/jrl.2021.044.
14. Kondrashev AA. [Features of the modern formation of the political system of Russia in the context of the characteristics of the state regime]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 2012;5:21–32. Russian.
15. Kireeva EYu, Nudnenko LA, Thabisimova LA. [Trends in legal regulation of interaction between the President of the Russian Federation and the Government of the Russian Federation]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*. 2020;10:37–40. Russian.
16. Nudnenko LA. [On the question of the legal regulation of democracy in Russia]. *Gosudarstvo i pravo*. 2012;7:13–21. Russian.

Статья поступила в редакцию 11.02.2022.
Received by editorial board 11.02.2022.

УДК 342.4

ПРАВИЛА ПЕРЕСМОТРА КОНСТИТУЦИИ В ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

Т. С. МАСЛОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются правила пересмотра конституции, включая требования, относящиеся к порядку пересмотра конституции, а также требования, относящиеся к предмету пересмотра конституции. Анализируются факторы, влияющие на «набор» правил пересмотра, включаемых в конституционный текст. Уделяется внимание элементам жесткого порядка пересмотра конституции. Исследуются требования, связанные со временем пересмотра, определенными обстоятельствами и содержанием пересматриваемых норм. Анализ проводится на основе опыта европейских государств.

Ключевые слова: конституция; пересмотр конституции; правила пересмотра конституции; пределы пересмотра конституции; европейские государства.

RULES FOR THE REVISION OF THE CONSTITUTION IN THE EUROPEAN STATES

T. S. MASLOVSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article discusses the rules for constitutional revision, including requirements related to the procedure for constitutional revision, as well as requirements related to the subject of constitutional revision. The factors influencing the «set» of revision rules included in the constitutional text are analysed. Attention is paid to the elements of a hard procedure for reviewing the constitution. The requirements related to the time of revision, certain circumstances and the content of the revised norms are examined. The analysis is based on the experience of European states.

Keywords: constitution; revision of the constitution; constitutional revision rules; limits of constitutional revision; European countries.

Введение

Конституция как основной закон государства характеризуется таким качеством, как стабильность, которое не означает ее абсолютной неизменяемости. Изменяются общественные отношения, закрепленные в момент принятия основного закона, экономические, социальные и политические условия, в которых он действует. Все это требу-

ет периодического приведения конституционных норм в соответствие с происходящими изменениями. В противном случае конституция рискует превратиться в исторический документ, не имеющий ничего общего с действительностью [1, с. 104]. Более того, она не должна препятствовать дальнейшему развитию государства и общества, поскольку

Образец цитирования:

Масловская Т.С. Правила пересмотра конституции в европейских государствах. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2022;1:45–54.

For citation:

Maslovskaya TS. Rules for the revision of the constitution in the European states. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2022;1:45–54. Russian.

Автор:

Татьяна Станиславовна Масловская – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры конституционного права юридического факультета.

Author:

Tatiana S. Maslovskaya, PhD (law), docent; associate professor at the department of constitutional law, faculty of law.
maslovskayat@bsu.by

«конституция является правовой основой для проведения экономических, социальных и иных преобразований. Именно по этой причине она при необходимости подвергается изменениям и дополнениям» [2, с. 220–221].

Таким образом, конституцию необходимо наполнять актуальными нормами, обновлять, адаптировать к изменяющимся общественным отношениям и одновременно стараться сохранять ее статус стабильного документа.

Стабильность конституции обеспечивается посредством включения в ее текст определенных правил пересмотра. Такая практика характерна для всех европейских государств, за исключением Великобритании. Вместе с тем вопросы, касающиеся требований материального и нематериального характера пересмотра конституции, в том числе его пределов, возможности или невозможности на практике отходить от существующих правил пересмотра,

требуют научного осмысления, поиска обоснованных решений, позволяющих обеспечить разумную стабильность конституции в современных условиях динамично развивающихся общества и государства.

Учитывая многообразие подходов в отношении употребления специальных терминов, относящихся к текстуальному преобразованию конституции (изменение, дополнение, поправки, пересмотр и др.), и их смысловую дифференциацию, в рамках настоящей статьи мы будем использовать термин «пересмотр» в силу наиболее частого его употребления в текстах конституций европейских государств (Бельгия, Греция, Италия, Испания, Люксембург, Монако, Португалия, Швейцария), на опыте которых будет прежде всего акцентировано внимание в рамках данного исследования. Более того, термин «пересмотр конституции» широко используется в европейской конституционной доктрине.

Основная часть

Писанные конституции содержат в своих текстах положения о порядке внесения в них изменений. Необходимость включения в конституции подобных положений не вызывает сомнений в силу значительности их роли. С одной стороны, закрепленные в конституционном тексте правила пересмотра служат *гарантией стабильности, устойчивости содержания основного закона*, с другой – они *обеспечивают возможность дальнейшего конституционного развития*. Представляется, что значение и роль закрепленных в конституции правил пересмотра велики: они выступают в качестве сдерживающего фактора при проведении конституционных изменений, но не исключают будущие преобразования, а наоборот, выступают гарантией их проведения, поскольку нельзя запретить учредительной власти (первичной или производной, базирующейся на источнике власти и носителе суверенитета – народе (нации)) изменять конституцию. Показательна в этом плане ст. 28 Конституции Франции от 24 июня 1793 г., закрепившая, что «народ всегда сохраняет за собой право пересмотра, преобразования и изменения своей конституции. Ни одно поколение не может подчинить своим законам поколения будущие» (цит. по: [3, с. 106]).

Правила пересмотра основного закона более или менее детально закрепляются в текстах европейских конституций. Следует обратить внимание на

наличие во многих из них *самостоятельных разделов или глав, посвященных пересмотру* и состоящих из разного количества статей. Так, в Конституции Французской Республики 1958 г. имеется разд. XVI «О пересмотре», включающий в себя одну ст. 89, в Конституции Королевства Испания 1978 г. – разд. X «О конституционной реформе», состоящий из трех статей (ст. 166–169), в Конституции Княжества Монако 1962 г. – титул XI «Пересмотр Конституции» (ст. 93–95), в Конституции Княжества Андорра 1993 г. – титул IX «Пересмотр Конституции» (ст. 105–107), в Конституции Королевства Бельгия 1831 г. в редакции 1993 г. – ч. VIII «О пересмотре Конституции» (ст. 195–198).

В некоторых европейских конституциях положения, относящиеся к их пересмотру, *структурно располагаются в иных частях документа, где выделены самостоятельный раздел или глава о пересмотре* (как в Греции¹, Италии, Португалии, Лихтенштейне, Швейцарии²) *либо не выделены* (в частности, в Конституции Великого Герцогства Люксембург 1868 г. в редакции 2003 г. сведения о пересмотре содержатся в гл. XI «Общие положения» (ст. 144–145)).

Отметим, что *отдельные европейские конституции связывают нормы о пересмотре основного закона с конституционными гарантиями*, что отражается на их расположении в конституционном тексте (Лихтенштейн, Португалия, Италия)³.

¹Например, в Конституции Греческой Республики 1975 г. разд. II «Пересмотр Конституции» (ст. 110) включен в ч. 4 «Специальные, заключительные и переходные положения».

²В Федеральной Конституции Швейцарской Конфедерации 1999 г. в разд. VI «Пересмотр Конституции и переходные положения» содержится гл. 1 «Пересмотр Конституции» (ст. 192–194).

³Так, в Конституции Княжества Лихтенштейн 1921 г. в редакции 2003 г. соответствующие положения содержатся в гл. IX «Конституционные гарантии и заключительные положения» (ст. 111), в Конституции Португальской Республики 1976 г. – в ч. IV «Гарантия и пересмотр Конституции» (разд. 2 «Пересмотр Конституции» (ст. 284–288)). В Конституции Итальянской Республики 1947 г. отдел II «Пересмотр Конституции. Конституционные законы» включен вместе с положениями о Конституционном Суде в разд. VI «Конституционные гарантии», состоящий из ст. 138 и 139.

В некоторых европейских государствах используется иной подход. В Австрии и Германии положения, относящиеся к внесению изменений и дополнений в конституцию, располагаются в структурных частях основного закона, относящихся к законодательному процессу. Так, правила изменения или дополнения текста Основного Закона Федеративной Республики Германии 1949 г. (далее – Основной Закон ФРГ) устанавливаются в разд. VII «Законодательство федерации» (ст. 79).

Обратим внимание на тот факт, что примерами детального регулирования правил пересмотра конституций выступают действующие конституции Испании, Португалии, Швейцарии, а лаконичного – конституции Исландии, Лихтенштейна, Германии.

Общий анализ конституционных норм, определяющих правила пересмотра конституции, свидетельствует о том, что они могут включать в себя *два блока положений*:

- 1) требования, относящиеся к порядку пересмотра конституции;
- 2) требования, относящиеся к предмету пересмотра конституции.

При этом полагаем, что *обязательным* выступает наличие в основном законе первого блока норм, закрепляющих используемый способ пересмотра (пересмотр парламентом, референдум, их сочетание), особенности процедуры (круг субъектов инициативы пересмотра, требуемое большинство членов парламента для принятия поправки, правило двойного вотума и др.). Второй блок конституционных норм, закрепляя материальные пределы пересмотра, по нашему мнению, является *факультативным*, однако его роль велика.

Российский исследователь Д. Г. Шустров полагает, что правила изменения конституции – это конституционные нормы, которые закрепляют порядок ее реформирования, а также устанавливают формальные и материальные пределы изменения конституции [4, с. 41]. На формальные и содержательные пределы пересмотра конституции указывает А. А. Троицкая [5]. Полагаем, что в целях более точного использования конституционной терминологии в отношении правил пересмотра конституции возможно вести речь о требованиях, в том числе пределах, материального и нематериального характера.

Таким образом, *правила пересмотра конституции устанавливают порядок и пределы изменения конституционных положений, включают в себя требования материального и нематериального характера*.

Ряд факторов влияет на «набор» правил пересмотра, которые включаются в конституционный текст. В первую очередь такие правила обусловлены степенью жесткости основного закона, а также возможностью осуществлять полный или частич-

ный пересмотр конституции. Однако правила пересмотра конституции во многом предопределяются той общественно-политической ситуацией, которая сложилась в конкретный исторический момент принятия этого документа. По нашему мнению, на формальное закрепление в конституции правил ее пересмотра также оказывают влияние конституционные традиции государства, наличие развитой правовой доктрины, форма политической организации государства (прямая демократия, как в Швейцарии, или представительная демократия, как во Франции).

Известно, что в зависимости от способа изменения различают гибкие и жесткие конституции. Последние изменяются в усложненном порядке (т. е. для их изменения предусматривается специальная, более сложная процедура), а гибкие – в том же порядке, что и текущие законы (это свойственно для неписаных конституций). По мнению профессоров В. В. Маклакова и Б. А. Страшуна, жесткие конституции условно можно разделить на два подвиды: жесткие и особо жесткие. Авторы уточняют, что «критерия, который позволил бы определить степень жесткости, не существует» [3, с. 107]. Соглашаясь с высказанной позицией в целом, позволим себе некоторое уточнение. На наш взгляд, критерием определения степени жесткости основного закона может выступать количество используемых элементов усложненного порядка пересмотра конституции. Опираясь на данный критерий, жесткие конституции условно могут быть разделены на особо жесткие, средней степени жесткости и менее жесткие. В этом смысле, например, Основной Закон ФРГ можно отнести к менее жестким конституциям, поскольку для его изменения требуется только одобрение $\frac{2}{3}$ членов Бундестага и $\frac{2}{3}$ голосов Бундесрата (ч. 2 ст. 79 Основного закона ФРГ).

Элементы жесткого порядка пересмотра конституции разнообразны. К ним прежде всего относят *специальный круг субъектов инициативы пересмотра*. Он чаще всего имеет ограниченный характер по сравнению с обычной законодательной инициативой и в некоторых странах включает в свой состав, помимо традиционных субъектов (правительство, парламент (палата парламента) или определенное количество парламентариев), два особых субъекта конституционно-правовых отношений: народ и главу государства. Например, в Швейцарии народ может выступать инициатором как полного, так и частичного пересмотра Конституции (ч. 1 ст. 193, ч. 1 ст. 194 Федеральной Конституции Швейцарской Конфедерации).

Многие европейские конституции содержат крайнее положение о принадлежности власти народу в виде закрепления различных формул: например, «вся государственная власть исходит от народа» (ч. 2 ст. 20 Основного Закона ФРГ), «суверенитет

принадлежит народу» (ч. 2 ст. 1 Конституции Итальянской Республики), «национальный суверенитет принадлежит народу» (ч. 1 ст. 3 Конституции Французской Республики). Иной подход (более узкий и конкретный) закреплен в ч. 1 ст. 2 Конституции Словацкой Республики 1992 г., где зафиксировано, что «государственная власть исходит от граждан».

Слово «народ» имеет в конституционном праве определенный смысл. Данный термин тесно связан с иными понятиями, выраженными словами «население», «общество» и т. п. Вместе с тем понятие «народ» не тождественно им. Народ – категория политическая, а не демографическая или социальная. Понятие «народ», употребляемое в конституционных текстах, подразумевает совокупность граждан государства, обладающих политическими правами. Вместе с тем осуществление таких политических прав граждан, как участие в референдуме, выборах, реализация законодательной инициативы, предполагает соблюдение дополнительных условий. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что понятие «народ», употребляемое в тексте конституции, тождественно словосочетанию «граждане государства», а в случаях, когда речь идет об участии в выборах, референдуме, реализации законодательной инициативы, данное понятие сводится к термину «избирательный корпус».

Необходимо отметить, что народная конституционная инициатива используется прежде всего в государствах с развитыми институтами прямой демократии (Швейцария). Однако некоторые сверхновые конституции стран Центральной и Восточной Европы также предусматривают данную возможность для граждан, обладающих избирательным правом. Так, в Словении предложение о начале процедуры изменения могут вносить 20 депутатов Государственного Собрания, правительство или не менее 30 000 избирателей (ч. 1 ст. 168 Конституции Республики Словения 1993 г.). В Румынии с инициативой пересмотра Конституции может выступить президент по предложению правительства, не менее $\frac{1}{4}$ депутатов или сенаторов, а также не менее 500 000 граждан, обладающих правом голоса. Более того, граждане, которые выступают с предложением пересмотра, должны происходить не менее чем из половины уездов страны, а в каждом из этих уездов или в муниципии Бухарест в поддержку данной инициативы должны быть зарегистрированы не менее 20 000 подписей (ст. 146 Конституции Румынии 1991 г.). В Сербии предложение о внесении изменений в Конституцию могут подать не менее $\frac{1}{3}$ общего количества депутатов, президент, правительство и не менее 150 000 избирателей (ч. 1 ст. 203 Конституции Республики Сербия 2006 г.).

Расширение круга субъектов инициирования конституционного пересмотра за счет включения

в тексты основных законов народной конституционной инициативы характерно, помимо Швейцарии, для постсоциалистических государств и обусловлено, на наш взгляд, необходимостью укрепить роль народа в процессе конституционных преобразований.

В отношении такого специального субъекта, как глава государства, отметим, что предоставление ему права инициирования конституционного пересмотра (особенно при отсутствии такого права для реализации обычной законодательной инициативы) обусловлено его особым статусом. Иницируя конституционные преобразования, глава государства определяет их стратегические направления, реализуя стратегию развития государства, а также выполняет свою функцию гаранта конституции. Следовательно, роль главы государства в иницировании пересмотра конституции значительна, однако зависит от ряда факторов (существующая конституционная модель, форма правления, государственный режим).

Так, во Франции инициатива пересмотра конституции принадлежит президенту республики, действующему по инициативе премьер-министра, и членам парламента (ч. 1 ст. 89 Конституции Французской Республики), в отличие от обычной законодательной инициативы, которая принадлежит премьер-министру и членам парламента (ч. 1 ст. 39 Конституции Французской Республики). Необходимо обратить внимание на то, что роль президента в процедуре пересмотра конституции велика: помимо права законодательной инициативы он также решает, передать ли проект конституционного закона на рассмотрение парламента, созываемому в формате конгресса, или вынести на референдум.

В Андорре инициатива по пересмотру конституции принадлежит соправителям⁴ или $\frac{1}{3}$ членов Генерального Совета (парламента) (ст. 105 Конституции Княжества Андорра).

В большинстве европейских государств возможность инициирования конституционного пересмотра принадлежит тем же субъектам права законодательной инициативы, что и для принятия текущих законов (Австрия, Италия (здесь применяется также народная законодательная инициатива), Испания, Люксембург, Норвегия, Германия). В конституциях некоторых европейских государств закрепляется, что законодательная власть имеет право заявить о необходимости пересмотра того или иного указанного ею конституционного положения (ч. 1 ст. 195 Конституции Королевства Бельгия) либо что необходимость пересмотра основного закона констатируется решением парламента по предложению не менее чем 50 депутатов (ч. 2 ст. 110 Конституции Греческой Республики). Это не запрещает, на наш взгляд, любому субъекту конституционно-правовых

⁴Соправители – дуальный глава государства. Соправителями в данном случае являются Епископ Урхельский и Президент Французской Республики.

отношений обращаться к парламентариям с предложением о заявлении необходимости пересмотра конституции, несмотря на отсутствие формального закрепления такого права. Парламентарии, в свою очередь, могут поставить данный вопрос перед парламентом в установленном конституцией порядке.

Вместе с тем, по нашему мнению, *наличие и выделение в конституционных текстах специальных субъектов инициативы конституционного пересмотра целесообразно*, поскольку они являются одной из отличительных черт процедуры конституционного пересмотра по сравнению с обычной законодательной процедурой, что свойственно жестким конституциям. Наряду с этим, предпочтительным, полагаем, выступает *закрепление в конституции нескольких субъектов права инициирования конституционного пересмотра*, поскольку монополия в этом вопросе одного органа (например, только парламента или только правительства) может привести к риску блокирования проведения конституционной реформы в государстве.

К иным элементам жесткого порядка пересмотра конституции можно отнести требование повышенного большинства голосов парламентариев для принятия закона о внесении изменений и (или) дополнений в конституцию (чаще квалифицированного большинства, например $\frac{2}{3}$ от полного состава парламента или каждой из его палат, как в Андорре, Бельгии, Люксембурге, Монако, $\frac{3}{5}$ – в Греции); использование правила двойного вотума (простого вотума в Италии, Люксембурге, усложненного вотума в Греции, Исландии, Норвегии); проведение референдума для внесения изменений в конституцию (в обязательном порядке в Швейцарии, в факультативном – в Испании, Франции) как способа принятия или ратификации поправки.

Следует отметить, что европейские конституции закрепляют различные «наборы» элементов жесткости для пересмотра основного закона, зачастую комбинируя их. Так, в Андорре пересмотр Конституции осуществляется Генеральным советом большинством не менее двух третей его членов, затем оно выносится на ратификационный референдум, а после ратификации конституционный текст санкционируют соправители (ст. 105–107 Конституции Княжества Андорра).

Например, в соответствии со ст. 114 Конституции Великого Герцогства Люксембург любая поправка в этот документ должна быть принята в одинаковые сроки Палатой депутатов двумя последовательными голосованиями с промежутком не менее чем три месяца. Никакая поправка не может быть принята, если за нее не проголосовали не менее чем $\frac{2}{3}$ членов Палаты депутатов, голосование по доверенности не допускается. Принятый Палатой депутатов в первом чтении текст передается на референдум, который заменяет собой второе чтение, если в течение

двух месяцев, следующих за первым голосованием, это потребует более $\frac{1}{4}$ голосов членов Палаты депутатов либо 25 тыс. избирателей, внесенных в списки для голосования на парламентских выборах. Поправка принимается, только если она получит большинство действительно поданных голосов. Таким образом, при пересмотре Конституции Великого Герцогства Люксембург используются такие элементы жесткости, как простой двойной вотум (факультативно), квалифицированное большинство голосов депутатов для принятия поправки, а также референдум (факультативно).

Отметим, что при принятии поправки парламентом в конституционных текстах могут быть предусмотрены и иные процедурные формальности: например, проведение заседаний парламента (его палат) по праву, а не их созыв уполномоченным субъектом, что предопределяется его ролью в конституционном процессе; рассмотрение поправки в комиссии, фиксирование сроков рассмотрения поправки, принятие поправки обеими палатами парламента в идентичной редакции и др.

В ряде европейских конституций закрепляется обязанность, а не право президента промульгировать или подписать поправки, что препятствует использованию им права вето. В данном случае речь идет об ограниченном вето президента [6, с. 112–113]. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 286 Конституции Португальской Республики президент страны не может отказать в промульгации закона о пересмотре; в п. 5 ст. 46 Конституции Ирландии 1937 г. предусмотрена обязанность президента подписать закон об изменении Конституции либо промульгировать его, если предложение об изменении было принято на референдуме.

Особый интерес вызывает вопрос о возможности (невозможности) на практике отходить от существующих правил пересмотра конституции. Насколько конституционно допустимо использование негласных правил, исключительных и единично применяемых для пересмотра конституции? При ответе на этот вопрос обратимся к практике Франции. В 1962 г. президент Ш. де Голль, предлагая поправку к Конституции, предусматривающую избрание президента прямым всеобщим голосованием, использовал ст. 11 Основного Закона вместо ст. 89, посвященной исключительно пересмотру. Прибегая к ст. 11, посвященной референдуму, президент в обход голосования парламента напрямую обратился с этим вопросом к народу, что было расценено многими французскими юристами как способ изменения, противоречащий Конституции. Вместе с тем обращение к референдуму демонстрирует идею, в соответствии с которой народ проявляет верховную власть. Решения Конституционного Совета Франции об учредительном референдуме и о законодательном референдуме обозначают

идентичную концепцию народного суверенитета. В 1962 г., как и в 1992 г., Конституционный Совет Франции посчитал, что он некомпетентен оценить конституционность законов, принятых на референдуме, независимо от того, идет ли речь о текущем или конституционном законе, поскольку «ввиду равновесия властей, установленных Конституцией... законы, принятые французским народом путем референдума... составляют прямое выражение национального суверенитета»⁵ [7, р. 98]. Таким образом, когда народ изменял Конституцию в соответствии со ст. 11, он осуществлял действие, возникающее из его суверенитета. Данный пример иллюстрирует возможность на практике отходить от существующих закрепленных правил пересмотра конституции. Однако такая ситуация возможна в исключительных случаях и, полагаем, может носить разовый характер.

Основные законы отдельных государств устанавливают разные правила изменения в отношении различных частей конституции. Таким образом, можно говорить о *разной степени жесткости частей, входящих в основной закон государства*, когда одни структурные элементы конституции выступают более «укрепленными» по сравнению с другими и могут изменяться в соответствии с более строгими требованиями, нежели иные части. Такой подход достаточно редко используется в конституциях европейских государств и свидетельствует о повышенной защите наиболее важных (с точки зрения национального конституционного законодателя) конституционных положений или структурных частей основного закона. Следует обратить внимание, что отдельные авторы (В. В. Маклаков, Б. А. Страшун) выделяют конституции смешанного типа, в которых различные части изменяются по-разному [3, с. 108]. Это, по нашему мнению, не совсем точно отражает указанную специфику. Д. Г. Шустров использует термин «разноуровневая модель изменения конституции», которая предполагает, что конституционные положения изменяются различным образом: для некоторых из них (наиболее важных) установлены более строгие правила, чем для других [8]. Предлагаем для обозначения данного феномена использовать термин «разнопорядковая модель пересмотра конституции», который учитывает, что на одном уровне (конституционном) может быть предусмотрен различный порядок пересмотра основного закона, устанавливаться различная степень жесткости для отдельных «укрепленных» конституционных положений или конкретных структурных частей конституции.

Таким образом, наряду с общей процедурой пересмотра, в отношении некоторых конституционных положений применяется усложненная специальная процедура.

Например, в Конституции Республики Исландия 1944 г. относительно поправки, касающейся положения церкви (определено в ст. 62), предусматривается, что в случае принятия Альтингом данной поправки она передается на референдум для принятия или отклонения тайным голосованием всеми лицами, пользующимися активным избирательным правом (ч. 2 ст. 69 Конституции Республики Исландия). Речь идет о норме, закрепляющей за евангелическо-лютеранской церковью статус государственной, пользующейся поддержкой и покровительством государства. Данное положение относится к числу «укрепленных» и нуждается в случае его изменения, помимо общего, предусмотренного для всех конституционных норм, порядка пересмотра, в использовании дополнительной процедуры – референдума.

Конституция Республики Болгария 1991 г. закрепляет возможность изменения некоторых «укрепленных» конституционных положений (§ 2, 4 ст. 5; § 1, 3 ст. 57), а также наиболее важной структурной части Конституции – гл. 9 «Изменение и дополнение Конституции. Принятие Конституции» – с использованием исключительного порядка: посредством созыва Великого народного собрания, которое среди прочего, согласно ст. 157–159, правомочно принимать новую Конституцию. Отметим, что в качестве «укрепленных» норм выступают положения о том, что предписания Конституции имеют непосредственное действие; международные договоры, ратифицированные в конституционном порядке, опубликованные и вступившие в силу для Болгарии, являются частью внутреннего права страны, имеют преимущество перед теми нормами внутреннего законодательства, которые им противоречат. К таким положениям относятся также нормы о невозможности отмены основных прав граждан и нормы, гласящие, что при объявлении войны, военного или другого чрезвычайного положения закон может временно ограничить осуществление отдельных прав граждан, за исключением предусмотренных в ст. 28, 29, абзацах 1–3 ст. 31, абзаце 1 ст. 32 и ст. 37 Конституции Республики Болгария.

Особый усложненный порядок пересмотра, затрагивающего вводный раздел (закрепляющий основы конституционного строя), разд. 1 отдела 1 гл. 2 «Основные права и гражданские свободы» или разд. 2 (Корона), предусмотрен Конституцией Королевства Испания.

Таким образом, некоторые конституции европейских государств «укрепляют» отдельные положения, относящиеся к основам конституционного строя (включая статус церкви), правам и свободам граждан, статусу монарха.

В целом введение в конституции «разнопорядковых» механизмов пересмотра, использование

⁵Здесь и далее перевод наш. – Т. М.

более усложненных специальных процедур в отношении отдельных конституционных положений или элементов структуры конституции направлено на сохранение фундаментальных норм, лежащих в основе конституционного правопорядка государства. Конституционно закрепленные процедуры для пересмотра различных конституционных положений (обычный и особый порядок пересмотра), разнообразие применяемых процедурных форм свидетельствуют не только о важности отдельных конституционных норм или структурных элементов основного закона, но также об определенной иерархии защищаемых конституционных ценностей.

Положительно оценивая введение усложненного порядка пересмотра разделов (глав) конституции, закрепляющих правила ее пересмотра, обратим внимание на тот факт, что европейские конституции достаточно редко относят их к «укрепленным» положениям, что, на наш взгляд, является определенным недостатком, поскольку относительная простота изменения данных положений может привести к их упрощению и впоследствии к частым и не всегда необходимым пересмотрам.

Полагаем целесообразным отнесение к «укрепленным» конституционным положениям, требующим усложненной специальной процедуры изменения, преамбулы как структурной части конституции, обладающей повышенной значимостью. По нашему мнению, преамбула выступает концентрированным выражением конституции, отражает господствующие в конкретный исторический период в данном обществе ценности, определяет стратегические цели, ориентиры развития государства, общества. В силу этого она нуждается в повышенной правовой защите.

Применяемые правила пересмотра конституции зависят также от того, какой по объему осуществляется пересмотр – полный или частичный. Так, Федеральная Конституция Швейцарской Конфедерации закрепляет, что Основной Закон может быть пересмотрен в любое время как полностью, так и частично (ч. 1 ст. 192). В некоторых конституциях не только присутствует упоминание о возможности полного и частичного ее пересмотра (Монако), но и обозначены различные процедуры для его осуществления (Швейцария, Испания), в иных формально предусмотрена возможность только частичного пересмотра (Бельгия, Люксембург), что, как представляется, не исключает на практике возможность реализации процедуры полного пересмотра конституции, в том числе посредством принятия нового основного закона в зависимости от конкретных исторических условий при участии носителя государственного суверенитета. Некоторые аспекты процесса подготовки и особенности содержания проекта новой Конституции Великого Герцогства Люксембург автором рассматривались ранее [9]. Следует согласиться

с Т. Я. Хабриевой в том, что в зависимости от этих условий «возможна замена не только конституции, но и конституционной модели» [10, с. 69].

Принятие новой конституции должно основываться на правилах, закрепленных в действующей конституции (даже если возможность полного пересмотра не подразумевается) в целях сохранения конституционной преемственности.

По мнению Д. Г. Шустрова, правила пересмотра конституции должны оставаться неизменными в рамках действия данной конституции, их изменение возможно только на основании полного пересмотра основного закона или конституционной революции [4, с. 54]. Не соглашаясь с данной позицией автора, полагаем, что учредительная власть обладает суверенным правом изменять правила пересмотра в рамках действия определенной конституции. Об этом свидетельствует практика конституционных пересмотров некоторых европейских государств. Так, в 1986 и 2001 гг. были подвергнуты изменениям соответствующие статьи Конституции Греческой Республики посредством закрепления содержательных пределов пересмотра, введения двойного вето; в 2003 г. была пересмотрена ст. 114 Конституции Великого Герцогства Люксембург. Данные примеры свидетельствуют об усилении жесткого порядка пересмотра конституции.

Вместе с тем важной проблемой в этой сфере, по нашему мнению, выступает возможность изменения правил пересмотра конституции, связанная со снижением степени жесткости основного закона, и целесообразность таких изменений. Отметим, что снижение степени жесткости конституции может быть обусловлено объективными обстоятельствами, например повышением уровня абсентеизма в государстве, вызванным различными причинами. Полагаем, что только в этом случае изменение существующих правил о пересмотре конституции, направленных на борьбу с абсентеизмом, будет целесообразным.

Большинство европейских конституций не делают оговорок, не устанавливают границ в отношении пересмотра конституции. Так, ч. 1 ст. 46 Конституции Ирландии провозглашает, что *любое положение Конституции может быть изменено* путем поправки, изменения или отмены способом, установленным в данной статье; Федеративная Конституция Швейцарской Конфедерации в ст. 192 подчеркивает возможность пересмотра (как полного, так и частичного) *в любое время*.

Вместе с тем, помимо требований, относящихся к различным процедурам полного и частичного пересмотра конституции, в конституционных текстах устанавливаются *требования, связанные со временем пересмотра, определенными обстоятельствами и содержанием пересматриваемых норм*, т. е. закрепляются темпоральные, условные и материальные

(содержательные) пределы пересмотра, которые, как границы возможностей пересмотра, выступают в качестве препятствий к изменению конституций и могут носить как постоянный, так и временный характер.

Темпоральные пределы пересмотра закрепляются в целях сохранения конституционных положений нерушимыми в течение определенного периода времени после принятия конституции для формирования устойчивой конституционной практики. В частности, Конституция Греческой Республики содержит норму, в соответствии с которой «не допускается пересмотр Конституции ранее, чем по прошествии пяти лет с момента завершения предыдущего пересмотра» (ч. 6 ст. 110). Аналогичное положение содержится в Конституции Португальской Республики в отношении обычного закона о пересмотре (ч. 1 ст. 284), однако предусмотрено, что Ассамблея Республики вместе с тем может взять на себя в любой момент полномочия по чрезвычайному пересмотру Конституции решением, принятым $\frac{4}{5}$ от общего числа полномочных депутатов (ч. 2 ст. 284), что означает возможность внесения конституционных изменений ранее установленного срока в случае особой необходимости.

Так, ряд европейских конституций содержат норму, в соответствии с которой пересмотр их положений не может быть начат и (или) осуществляться при определенных обстоятельствах. Во-первых, никакое действие по пересмотру конституции не может быть осуществлено во время войны, ее угрозы, чрезвычайного или осадного положения (Испания); во время осадного или чрезвычайного положения (Португалия); во время войны или в период, когда палаты не могут свободно собраться на федеральной территории (Бельгия); при посягательстве на целостность территории (Франция).

Во-вторых, пересмотр конституции не может быть начат в период временного осуществления полномочий главы государства. Так, во время регентства ни одна поправка, которая касается конституционных прерогатив Великого Герцога, его статуса, а также порядка престолонаследия, не может быть внесена в Конституцию Великого Герцогства Люксембург (ст. 115). Согласно Конституции Королевства Бельгия, во время регентства никакое изменение не может быть внесено в Конституцию в части конституционных полномочий короля и ст. 85–88, 91–95, 106 и 107 (ст. 197). Например, во Франции пересмотр Конституции не может осуществляться, пока должность президента является вакантной (в этот период его полномочия возлагаются на Председателя Сената, а если у него возникнут препятствия к их исполнению, – на правительство (ч. 4 ст. 7 Конституции Французской Республики) или в период между заявлением о необратимости препятствия, возникшего у президента республики, и избранием его преемника (абз. 11 ст. 7 Конституции Французской Республики).

Таким образом, начинает действовать запрет на осуществление конституционного пересмотра в сложный для страны период, обусловленный введением чрезвычайного режима либо временного осуществления полномочий органами власти или должностными лицами, замещающими соответствующие органы или должностных лиц, уполномоченных принимать решения по изменению конституции, что обусловлено необходимостью не допустить злоупотреблений со стороны данных субъектов, спорных решений по изменению конституции, а также обеспечить конституционную стабильность.

К материальным (содержательным) пределам пересмотра конституции относят закрепленные в ее тексте неизменяемые положения. Данные нормы служат гарантией конституционной преемственности и предсказуемости конституционного развития. Так, конституции Франции и Италии закрепляют, что республиканская форма правления не может быть предметом пересмотра, Основной Закон ФРГ не допускает изменений, затрагивающих разделение федерации на земли, принципы участия земель в законодательстве или принципы, изложенные в ст. 1 (защита достоинства человека), ст. 20 (основы государственного строя; право на сопротивление). Конституция Португальской Республики содержит самый большой среди европейских конституций перечень, закрепляющий материальные пределы пересмотра Основного Закона, который состоит из 14 пунктов и включает вопросы, относящиеся к основам конституционного строя (ст. 288). Таким образом, данные положения не могут быть изменены в рамках существующей Конституции. Однако в случае необходимости не исключен вариант проведения двойного пересмотра, предполагающего изменение данного положения, а затем иных конституционных норм, связанных с установленным запретом.

Отметим, что во французской доктрине ведутся дебаты о существовании надконституционных норм (фр. *supraconstitutionalite* 'сверхконституционность'), которые не могут быть предметом пересмотра [11, с. 112]. По мнению профессора Б. Матье, сама идея о надконституционности неприемлема: народ является сувереном, и учредительная власть, которая исходит от него, не связана надконституционными нормами [7, р. 91]. Ситуация прояснилась после принятия Конституционным Советом Франции решения от 2 сентября 1992 г. (Маастрихт II), согласно которому существование надконституционных норм будет противоречить принципу суверенитета учредительной власти, «учитывая, что... учредительная власть является сувереном», а значит она безгранична [7, р. 91].

Признавая право народа как источника власти подвергать изменению любую конституционную норму, полагаем, что материальные (содержательные) пределы пересмотра играют роль определенного барьера, задача которого – не допустить

кардинального изменения пути эволюционного конституционного развития государства. Закрепление материальных (содержательных) пределов пересмотра конституции имеет важное значение

для органов конституционного контроля, особенно в тех странах, где они обладают правом осуществлять конституционный контроль в отношении предлагаемых проектов пересмотра конституции.

Заключение

Правила пересмотра, закрепляемые в текстах европейских конституций, устанавливают порядок и пределы изменения положений основного закона, включают в себя требования материального и нематериального характера. Данные правила, с одной стороны, закрепляют возможность изменения конституции, а с другой – содержат определенные ограничения, пределы таких изменений. Они служат гарантией стабильности основного закона, а также обеспечивают возможность дальнейшего конституционного развития. Наличие в конституции правил ее пересмотра свидетельствует о непрерывности конституционного процесса, возможности дальней-

ших конституционных преобразований. Реализованный конституционный пересмотр – это начало, отправная точка для будущих конституционных пересмотров.

Конституция не может оставаться неизменной, сопротивляясь эволюции общества. Она нуждается в корректировках, дополнениях, изменениях. Конституционный законодатель должен обладать мудростью, чтобы предусмотреть и включить в текст основного закона процедуры, позволяющие исправить недостатки, улучшить содержание данного документа. Парадоксально, но *возможность пересмотра конституции обеспечивает ее долголетие.*

Библиографические ссылки

1. Кондратович НМ. Конституция Республики Беларусь в контексте конституционных преобразований на постсоветском пространстве. В: Василевич ГА, редактор. *Теоретико-методологические и конституционные основы развития системы права Республики Беларусь*. Минск: Право и экономика; 2011. с. 97–105.
2. Василевич ГА. Наука конституционного права как основа развития государственно-правовой системы. *Весті Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук*. 2021;2:217–226.
3. Страшун БА, редактор. *Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть*. Москва: Норма; 2005. 896 с.
4. Шустров ДГ. Конституционно-правовая природа правил изменения конституции. *Вестник Московского университета. Серия 11. Право*. 2021;2:41–54.
5. Троицкая АА. Пределы пересмотра конституции: формальный и содержательный аспекты. *Вестник Московского университета. Серия 11. Право*. 2010;1:58–67.
6. Масловская ТС. *Институт президентства в Республике Беларусь: теоретические и конституционные основы*. Минск: БГУ; 2010. 183 с.
7. Ardant Ph, Mathieu B. *Droit constitutionnel et institutions politiques*. Paris: LGD; 2021. 638 p.
8. Шустров ДГ. Механизмы обеспечения стабильности конституции в постсоветских государствах. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2018;4:20–29.
9. Масловская ТС. Конституционная модернизация социальных и государственных институтов в европейской традиции (опыт Франции и Люксембурга). *Вестні Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь*. 2020;1:99–111.
10. Хабриева ТЯ. *Конституционная реформа в современном мире*. Москва: Наука; 2016. 320 с.
11. Жакке ЖП. *Конституционное право и политические институты*. Москва: Юристъ; 2002. 365 с.

References

1. Kondratovich NM. [The Constitution of the Republic of Belarus in the context of constitutional transformations in the post-Soviet space]. In: Vasilevich GA, editor. *Teoretiko-metodologicheskie i konstitutsionnye osnovy razvitiya sistemy prava Respubliki Belarus'* [Theoretical, methodological and constitutional foundations of the development of the legal system of the Republic of Belarus]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2011. p. 97–105. Russian.
2. Vasilevich GA. [The science of constitutional law as the basis for the development of the state-legal system]. *Vesci Nacyjanal'naj akadzemii navuk Belarusi. Seryja humanitarnyh navuk*. 2021;2:217–226. Russian.
3. Strashun BA, editor. *Konstitutsionnoe (gosudarstvennoe) pravo zarubezhnykh stran. Obshchaya chast'* [Constitutional (state) law of foreign countries. The general part]. Moscow: Norma; 2005. 896 p. Russian.
4. Shustrov DG. [The constitutional and legal nature of the rules for changing the constitution]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo*. 2021;2:41–54. Russian.
5. Troitskaya AA. [Limits of revision of the constitution: formal and substantive aspects]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo*. 2010;1:58–67. Russian.
6. Maslovskaya TS. *Institut prezidentstva v Respublike Belarus': teoreticheskie i konstitutsionnye osnovy* [Institute of the presidency in the Republic of Belarus: theoretical and constitutional foundations]. Minsk: Belarusian State University; 2010. 183 p. Russian.

7. Ardant Ph, Mathieu B. *Droit constitutionnel et institutions politiques*. Paris: LGDJ; 2021. 638 p.
8. Shustrov DG. Mechanisms of ensuring the stability of the constitution in post-Soviet states. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2018;4:20–29. Russian.
9. Maslovskaya TS. [Constitutional modernisation of social and state institutions in the European tradition (the experience of France and Luxembourg)]. *Vesnik Kanstytucyjnaga Suda Rjespubliki Belarus'*. 2020;1:99–111. Russian.
10. Khabrieva TYa. *Konstitutsionnaya reforma v sovremennom mire* [Constitutional reform in the modern world]. Moscow: Nauka; 2016. 320 p. Russian.
11. Zhakke JP. *Konstitutsionnoe pravo i politicheskie instituty* [Constitutional law and political institutions]. Moscow: Yurist; 2002. 365 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 22.02.2022.
Received by editorial board 22.02.2022.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

УДК 347.9(476)

О КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ВОПРОСАХ ПРИМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

В. П. СКОБЕЛЕВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются концептуальные вопросы использования современных информационных технологий в цивилистическом процессе. В частности, автор исследует предпосылки внедрения данных технологий в судопроизводство, анализирует приемлемость терминов «электронное правосудие», «электронное судопроизводство», «электронный суд», классифицирует информационные технологии через призму процессуальных явлений (феноменов, категорий). Классификация информационных технологий осуществлена по разным критериям (в зависимости от категорий субъектов процесса, способа взаимодействия с процессуальной информацией, сегментов судопроизводства, сложности дела, стадии процесса, последствий нарушения и т. д.), при этом показана практическая значимость каждой из классификаций. На основе проведенного исследования сделано множество предложений по совершенствованию процессуального законодательства и практики его применения.

Ключевые слова: цивилистический процесс; информационно-коммуникационные технологии; электронное правосудие; электронное судопроизводство; электронный суд; интернет; видео-конференц-связь; судебные извещения; электронные доказательства; фиксирование хода процесса; основания к отмене судебных постановлений.

Образец цитирования:

Скобелев В.П. О концептуальных вопросах применения современных информационно-коммуникационных технологий в цивилистическом процессе. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2022; 1:55–72.

For citation:

Skobelev VP. On the conceptual issues of the application of modern information and communication technologies in the civil process. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2022;1:55–72. Russian.

Автор:

Владимир Петрович Скобелев – кандидат юридических наук, доцент; заместитель декана по заочному обучению юридического факультета, доцент кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета.

Author:

Vladimir P. Skobelev, PhD (law), docent; deputy dean for distance learning, faculty of law, and associate professor at the department of civil procedure and labour law, faculty of law.
s_v_p@tut.by

ON THE CONCEPTUAL ISSUES OF THE APPLICATION OF MODERN INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN THE CIVIL PROCESS

V. P. SKOBELEV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article deals with the conceptual issues of modern information technologies using in the civil process. In particular, the author explores the prerequisites for the introduction of these technologies in legal proceedings, analyses the acceptability of the terms «electronic litigation», «electronic justice», «electronic court», classifies information technologies through the prism of procedural phenomena (concepts, categories). The classification of information technologies is carried out according to different criteria (depending on the categories of subjects of the process, the method of interaction with procedural information, the segments of legal proceedings, the complexity of the case, the stage of the process, the consequences of the violation, etc.), while showing the practical significance of each of classifications. On this basis, the work made a lot of proposals for improving the procedural legislation and the practice of its application.

Keywords: civil process; information and communication technologies; electronic justice; electronic litigation; electronic court; Internet; videoconferencing; court notices; electronic evidence; fixing the progress of the process; grounds for annulment of judgments.

Введение

Стремительное развитие современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) ставит на повестку дня вопрос о направлениях и способах их использования в самых различных сферах человеческой деятельности, в том числе и в цивилистическом процессе (т. е. гражданском и хозяйственном судопроизводстве). Внедрение ИКТ в цивилистический процесс, безусловно, должно сопровождаться теоретическим осмыслением соответствующих явлений. Но, как указывал В. А. Пономаренко, «доктринальное осмысление перспектив электронного правосудия очевидно запаздывает. Стало не слишком хорошей традицией критиковать введенные в действие законодательные инновации вместо того, чтобы своевременно их направлять, наполняя научно обоснованным содержанием. Показательным в этой связи представляется полное отсутствие фундаментальных монографических исследований тематики, связанной с информатизацией гражданского судопроизводства. Думается, это не в последнюю очередь обуславливает отставание России на пути к электронному правосудию в сравнении с иностранным опытом» [1, с. 8]. Приведенное мнение в полной мере актуально и для Республики

Беларусь, где глубоких научных исследований по обозначенной тематике тоже практически нет.

Полагаем, что концептуальной разработке вопросов информатизации правосудия в значительной мере может поспособствовать классификация ИКТ через призму именно процессуальных категорий (феноменов). Подобная классификация возможна по различным критериям, а ее результаты помогут лучше понять, какие ИКТ целесообразно использовать в судопроизводстве и в каких пределах, какими должны быть общие подходы к правовому регулированию соответствующих вопросов, каким образом следует регламентировать особенности применения отдельных видов ИКТ, какие гарантии необходимо обеспечивать участникам гражданских и экономических дел в ходе применения достижений научно-технического прогресса и т. д. Причем проведение указанной классификации невозможно без предварительного уяснения предпосылок (прежде всего правовых) использования ИКТ в отечественном судопроизводстве, а также критического анализа (на предмет приемлемости) терминов «электронное правосудие», «электронное судопроизводство» и «электронный суд».

Основная часть¹

1. Потребность внедрения в гражданское и хозяйственное судопроизводство ИКТ неоднократно подчеркивалась на уровне самых различных правовых актов программного характера, в частности в Концепции судебной-правовой реформы, одобрен-

ной постановлением Верховного Совета Республики Беларусь от 23 апреля 1992 г. № 1611-XII (см. разд. V, X), Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь, одобренной Указом Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г.

¹В настоящей работе цифрами с точкой обозначается нумерация имеющих отношение к теме исследования проблемных вопросов, которая (нумерация) отражает логические взаимосвязи между данными вопросами и соответствует избранной автором последовательности освещения их в статье.

№ 205 (см. подп. 49.2 п. 49), Директиве Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2006 г. № 2 «О дебиюрократизации государственного аппарата и повышении качества обеспечения жизнедеятельности населения» (см. абзацы 5, 6 преамбулы, подп. 3.1 п. 3), Директиве Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» (см. подп. 3.3 п. 3), Стратегии деятельности хозяйственных судов Республики Беларусь на 2011–2015 годы, утвержденной постановлением Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 4 марта 2011 г. № 1 (см. подп. 1.2–1.4 п. 1, подп. 2.1 п. 2, подп. 3.1 п. 3 разд. II «Приоритетные направления деятельности»).

Послание о перспективах развития системы судов общей юрисдикции Республики Беларусь, утвержденное Указом Президента Республики Беларусь от 10 октября 2011 г. № 454 (далее – Послание), также закрепило ряд положений относительно информатизации судебной сферы. Это такие положения, как разработка специального банка данных судебных решений, интегрированного в информационно-поисковую систему «ЭТАЛОН» (абзац 10 ч. 2 п. 1 Послания); обеспечение материально-технической базы и нормативного регулирования фиксации и хранения информации о ходе судебного процесса на электронных носителях, поэтапное внедрение в 2012–2013 гг. в деятельность судов по осуществлению правосудия средств аудио-, видеозаписи (абзац 8 ч. 2 п. 2 Послания); внедрение видео-конференц-связи между судами общей юрисдикции всех уровней (абзац 9 ч. 2 п. 2 Послания); расширение форм и методов извещения участников процесса о времени и месте рассмотрения дела (абзац 11 ч. 2 п. 2 Послания) и др. (см. абзац 14 ч. 2 п. 2, абзац 4 ч. 2 п. 5 Послания).

2. На потребность использования в ходе правосудия современных информационных технологий многократно указывалось и представителями юриспруденции, прежде всего теми из них, кто задействован в практической судебной деятельности. Так, в свое время председатель Брестского областного суда констатировала, что «бумажная система делопроизводства, действующая в большинстве судов, морально устарела и должна быть заменена электронным документооборотом (хотя бы в рамках учреждений юстиции), который позволит сократить издержки, повысит эффективность внутреннего контроля. Так, в двусоставном суде Жабинковского района при самой низкой в области нагрузке число исходящих документов составило более 13 тысяч, в суде Московского района г. Бреста – более 65,5 тысячи, а это – бумага, конверты, огромная нагрузка работников канцелярий» [2, с. 10].

Председатель Верховного Суда Республики Беларусь В. О. Сукало отмечал, что «в судах, к сожалению, лишь в незначительной степени используются те возможности, которые предоставляют новейшие информационные технологии. В то время как высокое качество отечественного правосудия невозможно без современной организации самого процесса правосудия, его технического, информационного, материального и финансового обеспечения» [3, с. 5]. Он также говорил, что нужно «постепенно переходить с бумажного на электронный документооборот, шире использовать банки данных наших коллег из правоохранительных и других органов», и это (в совокупности с иными мероприятиями) «не только будет способствовать более оперативной судебной защите, но и позволит принять дальнейшие меры к снижению среднемесячной нагрузки на судей, сконцентрировать усилия на разрешении сложных и неоднозначных многотомных дел» [4, с. 9]. Наконец, по мнению В. О. Сукало, «сегодня правосудие невозможно представить без широкого внедрения новых информационных технологий. Следует признать, что скорость внедрения электронного судопроизводства пока отстает от современных тенденций... Судам необходимо двигаться вперед, причем стремительно, в том же направлении, в каком движется Правительство, другие государственные органы, иначе мы безнадежно отстанем» [5, с. 9].

С позицией Председателя Верховного Суда Республики Беларусь полностью солидарен его заместитель А. А. Забара: «Мы не можем отказаться от достижений научного прогресса. Введение в судах электронного документооборота, создание электронного банка судебных решений, доступ судов к электронным базам данных других организаций, безусловно, позволяют гражданскому судопроизводству идти в ногу со временем, делают его современным, более мобильным и экономичным» [6, с. 7]. Аналогичную точку зрения высказывает и другой заместитель Председателя Верховного Суда Республики Беларусь Ж. Б. Шкурдюк: «Внедрение электронного судопроизводства – это, бесспорно, революционный шаг. Сегодня использование информационных технологий должно лечь в основу рациональной организации работы судебной системы и служить базой современного судебного процесса»².

3. Акцентирование внимания различными субъектами (нормотворческими органами, представителями науки, работниками правоприменительной сферы) на необходимости использования в судопроизводстве современных ИКТ вкупе с фактическим внедрением некоторых из них в практическую судебную деятельность (использование электронных носителей информации в качестве средств доказывания, извещение участников процессов с помощью средств мобильной связи и электронной почты,

²Роль суда в обществе не исчерпывается отправлением правосудия (интервью с заместителем Председателя Верховного Суда Республики Беларусь Ж. Б. Шкурдюк) // Суд. весн. 2020. № 2. С. 8.

проведение судебных заседаний посредством видео-конференц-связи и пр.) привели к выработке таких категорий, как «электронное правосудие», «электронное судопроизводство», «электронный суд». Данные термины активно используются в зарубежной, в частности российской, процессуальной науке [1; 7–10] и уже достаточно прочно вошли в терминологический обиход отечественных юристов³ [5, с. 9; 11; 12, с. 295, 296, 298; 13; 14; 15, с. 79].

Отдельные из указанных терминов получили в Республике Беларусь закрепление даже на уровне нормативных правовых актов. Так, словосочетание «электронное правосудие» можно встретить в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 18 февраля 2011 г. № 216 «Об утверждении Программы деятельности Правительства Республики Беларусь на 2011–2015 годы», постановлении Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 7 августа 2009 г. № 11 «Об утверждении примерных нормативов материально-технического обеспечения хозяйственных судов Республики Беларусь», постановлении Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 4 марта 2011 г. № 1 «Об утверждении Стратегии деятельности хозяйственных судов Республики Беларусь на 2011–2015 годы». Упоминание про электронное судопроизводство присутствует в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 23 февраля 2016 г. № 149 «О Государственной программе “Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь” на 2016–2020 годы».

4. Вместе с тем, по нашему мнению, термины «электронное правосудие», «электронное судопроизводство», «электронный суд» являются не вполне удачными и приемлемыми. Сущность правосудия, соответственно, суть деятельности суда или суть судопроизводства, заключается в определении (установлении) материально-правового положения непосредственно заинтересованных в исходе дела лиц (собственно, это следует уже из буквального смысла самого слова «правосудие» – суждение о праве). Данная деятельность предполагает осуществление правовой квалификации произошедшего конфликта, выяснение его фактических обстоятельств и, наконец, констатацию правовых последствий установленных фактов.

Правовая квалификация – это поиск из огромного массива юридических норм именно тех, которые регулируют возникшую спорную ситуацию. Такой поиск требует принятия во внимание множества факторов (предмет регулирования, сфера действия норм во времени, пространстве и по кругу лиц), соотнесения нормативных правовых актов по

юридической силе, разрешения коллизий в правовом регулировании, преодоления неясностей в содержании юридических норм и пр. Для выяснения фактических обстоятельств требуется определение предмета доказывания, т. е. вычленение из регулирующих спорные отношения нормативных правовых актов именно тех юридических фактов, которые имеют значение для правильного разрешения данного конкретного дела. И это традиционно сложная для судов (не говоря уже о заинтересованных лицах) задача, решение которой, как свидетельствует правоприменительная практика, вызывает у судей наибольшее число ошибок.

Далее установление фактических обстоятельств сопряжено с необходимостью физического восприятия (исследования) различными способами, а затем оценки по внутреннему убеждению и на основе ряда критериев (их убедительности, достаточности, допустимости, законности вовлечения в дело и т. д.) самых разнообразных по характеру и способу получения доказательств. Определение правовых последствий произошедшего конфликта – тоже непростая задача, она требует учета особенностей каждого конкретного случая, тем более если гипотеза и (или) диспозиция юридической нормы имеют недостаточно конкретизированный характер и изначально рассчитаны на использование правоприменительного усмотрения.

Как видно, правосудие по своей сущности является очень сложной и в значительной мере интеллектуальной (мыслительной) деятельностью. Поэтому данную деятельность нельзя «уложить» в какие-то заранее заданные формальные алгоритмы, ее невозможно автоматизировать, заменить или подменить какими-либо информационными технологиями и программно-техническими средствами. Между тем выражения «электронное правосудие», «электронное судопроизводство», «электронный суд» создают обманчивое (ложное) представление об обратном. В связи с этим совершенно справедливым видится утверждение В. Л. Калинковича о том, что «внедрение технических новаций в судопроизводство не должно вытеснять сущность правосудия. Правосудие по своей сути – живая и органичная процедура, призванная определять дальнейшее направление не только финансовых потоков, но и человеческих судеб... Поэтому не машина, а судья – человек – есть и остается центральной фигурой, призванной в соответствии с законом осуществлять правосудие. Нельзя допустить его вытеснение или обезличивание информационными технологиями. Следует говорить об эффективном использовании современных технологий для нужд правосудия и не

³Внедрение технических новаций в судопроизводство не должно вытеснять суть правосудия (по материалам Международной конференции «Информационные технологии и право (Правовая информатизация – 2015)» // Суд. весн. 2015. № 3. С. 9, 11–12.

злоупотреблять тиражированием словосочетания «электронное правосудие»⁴.

В контексте сказанного любопытно обратить внимание на некоторые определения понятия «электронное правосудие» («электронное судопроизводство»), предлагаемые в литературе. Так, В. А. Пономаренко на протяжении всей своей монографии отстаивает точку зрения о том, что под электронным правосудием⁵ следует понимать такой судебно-юрисдикционный порядок рассмотрения гражданских дел, который всецело (включая совершение всех необходимых процессуальных действий) опосредуется электронной формой выражения (закрепления) процессуальной информации и взаимодействия участников гражданского судопроизводства [1, с. 11–12, 57, 70, 76–77, 152]. Как видим, понятие «электронное правосудие» охватывает у автора лишь внешние (формально-технические) стороны правосудия (форму выражения процессуальной информации⁶ и форму взаимодействия участников судопроизводства) и оставляет за рамками его содержательную (гораздо более сложную, объемную и важную) часть – интеллектуальную деятельность, которая предшествует объективации процессуальной информации вовне, т. е. является источником данной информации; интеллектуальную деятельность по обработке (оценке) полученной процессуальной информации⁷; интеллектуальную деятельность, которая направляет и сопровождает то или иное физическое (внешнее) взаимодействие субъектов процесса. Таким образом, в концепции электронного правосудия В. А. Пономаренко без «живого» судьи и «живых» участников процесса не обойтись, а электронная составляющая имеет отношение лишь к отдельным аспектам правосудия.

Аналогичный подход можно встретить и у С. В. Васильковой, которая пишет, что «электронное правосудие в цивилистическом процессе – установленная законом процессуальная деятельность по отправлению правосудия по подведомственным ему делам, при которой дистанционное (удаленное) общение с участниками цивилистического процесса и без-

документарная форма передачи данных (сведений, документов и др.) производятся с использованием информационных технологий (сети Интернет, других средств телекоммуникационной связи), являющихся альтернативным или субсидиарным средством общения (извещения, слушания) по отношению к существующей документарной форме передачи данных»⁸. Автор (и, думается, совершенно оправданно) связывает электронное правосудие только с двумя элементами судопроизводства, причем имеющими отношение исключительно к его внешней форме: возможностью дистанционных коммуникаций субъектов процесса и возможностью передачи данных в бездокументарном виде.

Наоборот, диссонирующей в этом плане выглядит точка зрения И. Ю. Кирвель. Она полагает, что «на современном этапе под электронным правосудием следует понимать государственную деятельность, осуществляемую судом по рассмотрению и разрешению гражданских и уголовных дел, с использованием информационных коммуникационных технологий в процессуальной форме (процессуально-электронной форме)», поясняя при этом, что процессуально-электронная форма означает «определенный порядок рассмотрения и разрешения дел судом, в рамках которого процессуальные действия совершаются в электронном виде» [14, с. 339], т. е. автор считает, что абсолютно любые действия в ходе судопроизводства могут быть совершены в электронном виде. Однако такая позиция является заблуждением: посредством ИКТ могут быть совершены далеко не все действия, связанные с рассмотрением дела, и уже тем более в электронной форме не может быть осуществлено разрешение гражданского (так же, как и уголовного) дела.

Изложенное выше позволяет сделать вывод, что круг проблем (вопросов), которые традиционно принято обозначать терминами «электронное правосудие», «электронное судопроизводство» и «электронный суд», очевидно, связан не с тем, чтобы подменить судью и его деятельность по осуществлению правосудия, равно как и деятельность

⁴Внедрение технических новаций в судопроизводство... С. 9.

⁵Термин «электронное правосудие» автор считает не вполне приемлемым, однако принципиального значения это не имеет, так как причины такой неприемлемости В. А. Пономаренко усматривает в иных факторах, нежели мы, и в итоге предлагает данный термин заменить синонимичным выражением «электронное гражданское судопроизводство» [1, с. 7, 50, 56–69, 152].

⁶По мнению ученого, процессуальная информация служит организационно-судопроизводственным целям (состоит из сведений относительно ходатайств, отводов, даты и времени судебного заседания и пр.) и является частью более широкого понятия «судебно-правоприменительная информация». Последнее обозначает весь объем информации, воспринимаемой и обрабатываемой (анализируемой, оцениваемой) судом и иными субъектами гражданского процесса, и, помимо процессуальной информации, включает в себя также фактический материал дела, нормативный материал дела, мотивы решения (см.: [1, с. 37–42, 153]). Получается, что даже не все внешние проявления судопроизводства, которые потенциально могут иметь электронную форму, подпадают у автора под понятие «электронное правосудие», в частности, есть все основания полагать, что вопросы использования в судопроизводстве так называемых электронных доказательств к феномену электронного правосудия ученым не относятся.

⁷Автор даже сам подчеркивает, что «обработка судебно-правоприменительной информации всегда представляет собой субъективный процесс, не имеющий внешнего выражения» [1, с. 43].

⁸Василькова С. В. Электронное правосудие в цивилистическом процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15. Саратов, 2018. С. 9.

участников судопроизводства, какими-то информационными технологиями, а с тем, чтобы с помощью данных технологий оказать суду и участникам процесса определенное содействие в разбирательстве гражданских и экономических дел. Соответственно, термины «электронное правосудие», «электронное судопроизводство», «электронный суд» не могут пониматься в буквальном смысле, эти термины имеют образный (условный, переносный) характер⁹ и отражают факт применения в правосудии современных ИКТ для решения (облегчения решения) лишь отдельных, преимущественно обеспечительных, вспомогательных задач. Эффективность использования в судопроизводстве ИКТ напрямую зависит от теоретической проработки соответствующих вопросов. В значительной мере поспособствовать этому может классификация ИКТ через призму процессуальных явлений (феноменов, категорий).

5. В контексте процессуальных явлений (феноменов, категорий) ИКТ могут быть классифицированы по разным критериям. Так, в зависимости от категорий (видов) субъектов, взаимодействие которых опосредовано ИКТ, последние возможно разделить на используемые в коммуникациях между следующими категориями субъектов:

- судом и участниками судопроизводства;
- судом и не участвующими в судопроизводстве лицами;
- судом и лицами, которые как участвуют, так и не участвуют в судопроизводстве;
- судами и их должностными лицами.

Очевидно, что правоотношения между судом и участниками судопроизводства являются главным видом взаимодействия в сфере правосудия, поэтому применение ИКТ в данных взаимоотношениях необходимо обеспечивать повышенными гарантиями, а именно: использование ИКТ должно санкционироваться на уровне законодательных актов (прежде всего Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) и Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК)), иметь достаточную (беспроблемную) правовую регламентацию и допускаться как общее правило лишь с согласия (или с учетом мнения) участников процесса.

Данные требования касаются прежде всего взаимодействия суда с непосредственно заинтересованными в исходе дела лицами, поскольку результаты процесса оказывают прямое влияние на матери-

ально-правовое положение последних (в решении суда находит отражение материально-правовое положение данных лиц). Вместе с тем есть основания обеспечивать подобные гарантии и для некоторых из тех лиц, которые не имеют непосредственной заинтересованности в исходе дела, в частности для свидетелей, переводчиков, экспертов, специалистов, потому что, во-первых, эти субъекты оказывают суду значительную помощь в осуществлении правосудия (нередко без их содействия установление по делу истины невозможно), во-вторых, несут (за исключением специалистов) уголовную ответственность за уклонение от исполнения своих обязанностей или ненадлежащее их осуществление.

Напротив, применение ИКТ во взаимодействии между судами и их должностными лицами (в частности, для целей ведения делопроизводства, судебного администрирования и т. п.) вполне допустимо на основе подзаконных нормативных правовых актов (или вообще в отсутствие правового регулирования) и без получения одобрения со стороны участников процесса. Так, нет никаких причин для получения от участников судопроизводства согласия на использование в суде автоматизированной информационной системы, позволяющей отслеживать график движения дела (возбуждения по нему производства, осуществления подготовки, назначения к рассмотрению в судебном заседании и т. д.). Причем такая система вполне может применяться в условиях отсутствия на данный счет каких-либо предписаний в законодательстве. Как показывает практика, подобные автоматизированные компьютерные системы начали применяться (на отмеченных нами условиях, т. е. в отсутствие на этот счет правового регулирования и без получения согласия от участников процессов) в судах уже достаточно давно [16, с. 8].

Что же касается остальных упомянутых выше направлений взаимодействия, то применение в них ИКТ может иметь свою специфику. Так, если в рамках взаимодействия *суд – не участвующие в судопроизводстве лица* речь идет о получении судом посредством ИКТ от различных государственных органов (организаций) информации, необходимой для решения сугубо организационно-процессуальных вопросов, то особых правовых гарантий, на наш взгляд, для этого не требуется. Например, это вопросы, касающиеся подведомственности (по трудовым делам уточнение на предприятии, создана ли там комиссия по трудовым спорам), подсудности (полу-

⁹Примечательно, что В. А. Пономаренко, обращаясь к анализу термина «электронное государство», непосредственно говорит, что здесь «слово “электронное” условно обозначает новые информационно-коммуникативные каналы связи государственных органов и граждан» [1, с. 23]. Без сомнения, в том же условном смысле необходимо понимать и выражение «электронное правосудие». Заметим, что это не единственный случай, когда используемая в сфере правосудия терминология имеет условное (образное) значение и в силу своего буквального смысла не в состоянии точно отразить суть обозначаемых ею явлений. Ярким тому примером может служить применяемое на протяжении уже нескольких столетий в русскоязычных законодательстве и науке выражение «законная сила решения суда», которое явилось (и продолжает оставаться) причиной немалого числа теоретических путаниц, заблуждений и споров. Более подробно об этом см.: Скобелев В. П. Законная сила постановлений суда первой инстанции в гражданском процессе. Минск : БГУ, 2018. С. 127–150.

чение у органа внутренних дел информации о месте регистрации или нахождения ответчика), уплаты государственной пошлины (получение из системы ЕРИП данных о произведенном платеже), полномочий представителя (получение из нотариата информации об отмене нотариально удостоверенной доверенности) и пр.

Вместе с тем иное положение дел складывается, когда посредством ИКТ суд стремится получить от не участвующих в судопроизводстве лиц ту информацию, которая подтверждает (опровергает) заявленные по делу материально-правовые требования. Как правило, речь идет о сведениях из различных государственных информационных ресурсов и банков данных тех или иных государственных органов (организаций). Так, по делам, связанным с предпринимательской деятельностью, указанными сведениями выступает информация о государственной регистрации субъектов хозяйствования, их форме собственности, составе учредителей (участников) и прочая; по делам, касающимся недвижимого имущества, в том числе земельных участков, информация о государственной регистрации такого имущества, его характеристиках, собственниках, обременениях; по трудовым спорам – информация о нанимателе, о нахождении работника в социальных отпусках, его временной нетрудоспособности, размере заработной платы. Подобная деятельность есть не что иное, как собирание доказательств, поэтому процессуальный закон должен прямо отвечать на вопрос, вправе суд совершать данные действия по собственной инициативе или может делать это только на основании ходатайств юридически заинтересованных в исходе дела лиц. Заметим, что в настоящее время эти вопросы фактически оставлены без регулирования и в силу сложившейся практики суды по собственной инициативе (даже не уведомляя об этом участников процесса) получают сведения из соответствующих информационных ресурсов и банков данных. Более того, подобная деятельность в силу простоты ее осуществления (достаточно нажатия всего лишь нескольких кнопок на клавиатуре компьютера) даже не рассматривается представителями судейского корпуса как собирание доказательств.

Взаимодействие суд – лица, как участвующие, так и не участвующие в судопроизводстве обычно связано с обнародованием (преданием гласности) той или иной информации о судебном процессе. Соответственно, применение в ходе такой деятельности ИКТ требует учета интересов как публики, т. е. посторонних процессу лиц (их интерес в силу разных причин – потребность правового воспитания, правового просвещения и так далее – состо-

ит в получении как можно большей информации о правосудии), так и участников судопроизводства (судебные процессы рассматриваются ими как элементы частной жизни лица, которые по вполне понятным причинам никто не желает выносить на всеобщее обозрение). Так, интересы публики могли бы удовлетворяться через формирование автоматизированных информационных банков судебных решений (в том числе с доступом к ним через интернет), более широкое освещение судебных процессов в интернете. Интересы же участников судопроизводства могут обеспечиваться, например, при размещении в интернете, в информационно-справочных автоматизированных системах текстов судебных постановлений, путем обезличивания, изъятия (или шифрования) из них данных, которые позволяют идентифицировать участвовавших в деле физических и юридических лиц (полагаем, что это требование касается и тех участников процесса, которые не имеют заинтересованности в исходе дела или чья заинтересованность носит только государственный, общественный и тому подобный характер, поскольку данные субъекты тоже могут иметь весомые мотивы к деперсонализации своей личности)¹⁰. Что же касается прямой трансляции хода судебного заседания в радио- или телеэфире, то подобные действия, по нашему убеждению, могут допускаться только с прямого согласия всех юридически заинтересованных в исходе дела лиц, одного только учета мнения участников процесса, как об этом написано в ч. 4 ст. 271 ГПК, ч. 6 ст. 176 ХПК, здесь недостаточно.

6. По объему (глубине) отражения в нормативных правовых актах вопросов использования в судопроизводстве ИКТ соответствующие технологии могут быть классифицированы следующим образом:

- ИКТ, требующие подробной правовой регламентации;
- ИКТ, регулирование которых может быть осуществлено только в самых общих чертах;
- ИКТ, регламентация которых не требуется.

Как уже отмечалось выше, в отсутствие правового регулирования ИКТ вполне могут применяться во взаимодействии между судами и их должностными лицами (при ведении делопроизводства, в ходе судебного администрирования и пр.). В настоящее время ч. 2 подп. 1.1 п. 1 Инструкции по делопроизводству в судах общей юрисдикции Республики Беларусь, утвержденной приказом Верховного Суда Республики Беларусь от 3 ноября 2021 г. № 84, прямо предусматривает, что делопроизводство в судах организуется с использованием автоматизированной информационной системы судов общей юрисдикции Республики Беларусь (далее – АИС СОЮ). Закрепление данного положения можно только

¹⁰По всей видимости, в тексте обнародованного судебного постановления должны оставаться оригинальными (неизменными) только фамилии, имена, отчества судей, участвовавших в рассмотрении дела, по причине публичности осуществляемой ими функции. Хотя здесь не исключены и иные подходы к решению вопроса.

приветствовать, однако стоит сказать, что само по себе такое закрепление не является безусловно необходимым условием для применения АИС СОЮ в практической деятельности судов, к тому же стоит напомнить, что с формальной точки зрения названная инструкция к числу нормативных правовых актов не относится¹¹.

Без правовой регламентации ИКТ могут использоваться судами и в целях получения информации, необходимой для решений сугубо организационно-процессуальных вопросов. Получение судом по собственной инициативе из государственных информационных ресурсов или банков данных тех сведений, которые подтверждают (опровергают) заявленные по делу материально-правовые требования, на что мы уже обращали внимание выше, требует санкционирования на уровне закона, однако сам процесс (алгоритм) обмена информацией между судом и соответствующим государственным органом (организацией) – владельцем информационного ресурса или банка данных в законодательном регулировании не нуждается. В этом плане весьма показательно, что процессы (алгоритмы) обмена такой информацией (равно как и информацией иного характера) опосредуются преимущественно соглашениями (гражданско-правовыми договорами) судов с соответствующими государственными органами (организациями)¹² [17, с. 11].

В общих чертах могут быть регламентированы технологии, уже прочно вошедшие в социальный обиход и понимание, применение которых ни у кого не способно вызвать затруднений. Так, на наш взгляд, в процессуальном законодательстве не требуют разъяснения такие ставшие уже общеизвестными понятия, как «интернет», «сайт в интернете», «социальная сеть в интернете». Данные термины могут быть употреблены в процессуальном законодательстве без каких-либо дополнительных пояснений и дефиниций. В то же время фраза процессуального закона о том, что «в необходимых случаях участники гражданского судопроизводства могут быть извещены или вызваны... с использованием... глобальной компьютерной сети Интернет, в том числе электронной почты» (ч. 2 ст. 143 ГПК), или что «суд, рассматривающий экономические дела, вправе известить участников хозяйственного процесса посредством... глобальной компьютерной сети Интернет, в том числе электронной почты» (ч. 2 ст. 140 ХПК), является очень абстрактной и требует конкретизации. Так, остается неясным, каким еще образом, помимо электронной почты, может быть использован интернет для целей извещения

(вызова) участников правосудия. Ведь интернет служит основной для функционирования самых разнообразных ИКТ и информационных решений, отдельные из которых, очевидно, могут быть неприемлемы для судопроизводства.

Казалось бы, не требует разъяснений и ставший для всех привычным термин «СМС-сообщение» (см. ч. 2 ст. 143 ГПК). Однако конкретизация здесь все-таки требуется, во-первых, чтобы провести четкую грань между сообщениями, отправляемыми с помощью соответствующего сервиса средств мобильной связи, и сообщениями, передаваемыми через социальные сети (*Вконтакте*, *Facebook* и т. п.) и социальные мессенджеры (*Viber* и т. д.); во-вторых, чтобы дать прямой ответ на вопрос о допустимости использования сотрудниками суда собственных мобильных телефонов для отправки участникам судопроизводства СМС-сообщений; в-третьих, чтобы легализовать возможность применения для рассылки СМС-сообщений специальных интернет-платформ (в настоящее время такие платформы активно используются судами, но реализованные в этих платформах технологии таковы, что позволяют отправлять информацию лишь в одном направлении, т. е. адресат сообщения не имеет возможности связаться с отправителем сообщения).

Еще одним примером не вполне удачного регулирования современных ИКТ в судопроизводстве может служить правило ч. 1 п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 31 марта 2021 г. № 1 «О практике применения судами норм Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, регулирующих производство дел в апелляционном порядке» (далее – постановление от 31 марта 2021 г. № 1), где разъяснено, что участники гражданского судопроизводства «могут участвовать в заседании суда апелляционной инстанции путем использования систем видео-конференц-связи в порядке, установленном статьей 419 ГПК, если явка конкретного участника невозможна по объективным причинам. В исключительных случаях при наличии технической возможности и зафиксированного согласия юридически заинтересованных в исходе дела лиц в открытом судебном заседании также могут использоваться и другие незапрещенные программные и аппаратные средства видеосвязи, позволяющие дистанционно участвовать в судопроизводстве». Помимо того, что данное правило отличается значительной неконкретностью (так как неясно, что значит «исключительные случаи», «наличие технической возможности», «другие незапрещенные программные

¹¹Скобелев В. П. О подзаконных источниках регулирования гражданского и хозяйственного судопроизводства // Юстиция Беларуси. 2019. № 12. С. 32.

¹²Судебная реформа в действии // Суд. весн. 2014. № 3. С. 8 ; Работу судов – на принципиально новый организационный, качественный и технический уровень (интервью с первым заместителем Председателя Верховного Суда Республики Беларусь В. Л. Калинковичем) // Суд. весн. 2019. № 4. С. 6.

и аппаратные средства видеосвязи» и т. д.), оно закреплено на уровне подзаконного нормативного правового акта, к тому же призванного лишь разъяснять, а не изменять (дополнять) положения ГПК. Но ГПК для дистанционного участия в судопроизводстве не допускает использования никаких других ИКТ, помимо систем видео-конференц-связи.

Собственно, неполнотой регулирования страдает порядок применения и самой видео-конференц-связи. Дело в том, что, вводя в ГПК нормы о видео-конференц-связи, законодатель в то же время не раскрыл понятие «видео-конференц-связь». По этой причине существует неопределенность в вопросе о том, осуществляется видео-конференц-связь через интернет, в том числе программу *Skype* (иные подобные программы), а значит может состояться с лицом, находящимся у себя дома или в любом ином месте, помимо помещения суда, или же она организуется исключительно посредством программно-технических средств и специальных каналов связи судов общей юрисдикции, т. е. может проводиться только в помещениях судов¹³.

7. В зависимости от способа взаимодействия с процессуальной информацией ИКТ можно подразделить на предназначенные для осуществления с ней следующих действий:

- фиксации (т. е. распознавания и перевода в электронную форму) информации;
- передачи информации;
- воспроизведения информации;
- хранения информации.

Вид (виды) применяемой ИКТ обусловлен характером стоящей перед судом и (или) участниками судопроизводства задачи. Так, если речь идет о фиксации хода судебного заседания или отдельного процессуального действия, то на первый план выступают ИКТ, обеспечивающие правильное распознавание и перевод в электронную форму соответствующей информации. Закрепление возможности обращения в суды в электронной форме требует использования для решения этого вопроса ИКТ, позволяющих прежде всего фиксировать и передавать информацию. Организация судебного заседания в дистанционном формате предполагает применение ИКТ, посредством которых осуществляется фиксирование, передача и воспроизведение информации в режиме реального времени.

Нужно иметь в виду, что в современных технических устройствах, как правило, реализованы ИКТ, обеспечивающие одновременно несколько способов взаимодействия с информацией. Например, мобильный телефон позволяет фиксировать, передавать, воспроизводить и хранить информацию.

Поэтому, регламентируя применение в судопроизводстве ИКТ, законодатель в той или иной степени должен идентифицировать и соответствующее техническое устройство (программно-техническое средство). Так, мы сомневаемся в том, что осуществлять звуко-, видеозапись судебного заседания или проводить судебное заседание дистанционно суд вправе с помощью мобильного телефона (принадлежащего судье, судебному секретарю или участнику судопроизводства). Между тем действующее процессуальное законодательство этого фактически не исключает (так как не конкретизирует технические устройства и (или) технологии, посредством которых названные действия могут совершаться). Более того, в ч. 1 п. 15 постановления от 31 марта 2021 г. № 1 Пленум Верховного Суда Республики Беларусь дал разъяснение именно в таком духе.

Существует и другая закономерность – один и тот же способ «работы» (взаимодействия) с информацией могут обеспечивать разные виды ИКТ. Отсюда, на наш взгляд, следует, что для определенного способа «работы» с той или иной процессуальной информацией законодатель должен предусматривать строго конкретную, одну-единственную ИКТ (техническое устройство, программно-техническое средство), если же законодатель допускает использование для работы с процессуальной информацией нескольких альтернативных видов ИКТ (технических устройств, программно-технических средств), то в законе тогда должны быть четко прописаны критерии выбора. Данное условие, к сожалению, далеко не всегда соблюдается. Например, ст. 113 ГПК, ст. 189 ХПК предусматривают использование для фиксации хода судебного заседания или отдельного процессуального действия «средств звуко- или видеозаписи», однако критерии избрания соответствующего технического устройства – средства звукозаписи или средства видеозаписи – в процессуальном законе не закреплены¹⁴. Помимо того, что такое положение вещей уже само по себе создает крайне нежелательную для сферы правосудия ситуацию правовой неопределенности, оно может быть чревато и негативными последствиями практического плана. Ведь два названных способа фиксации процессуальной информации отличаются друг от друга и не вполне равнозначны. Так, видеозапись позволяет отразить значительно больший объем информации о судебном заседании (отдельном процессуальном действии), а значит служит важной гарантией против процессуальных злоупотреблений. Но, с другой стороны, видеозаписи сопряжены и определенные риски: для ее осуществления требуется более сложная техника (значит,

¹³Скобелев В. Видео-конференц-связь в гражданском процессе: о проблемах и перспективах использования // Юстиция Беларуси. 2016. № 9. С. 48.

¹⁴См.: Он же. Что меняется в ГПК? // Юрид. мир. 2020. № 9. С. 17 ; Он же. Что меняется в ХПК? // Юрид. мир. 2020. № 11. С. 22.

достаточно высока вероятность ее выхода из строя), а результат видеозаписи представлен очень большим массивом цифровой информации (следовательно, не исключен риск того, что информация не поместится на соответствующий носитель или будет с него преждевременно удалена).

Другой пример. Согласно ч. 2 ст. 143 ГПК участники гражданского судопроизводства могут быть извещены или вызваны «СМС-сообщением, с использованием факсимильной связи, глобальной компьютерной сети Интернет, в том числе электронной почты, а также иных средств связи, обеспечивающих фиксирование извещения или вызова», причем основание для применения названных средств коммуникаций сформулировано законодателем следующим образом: «...в необходимых случаях». Что нужно понимать под необходимыми случаями, а также каким образом должен происходить выбор конкретного вида связи для извещения (вызова), остается неясным. Между тем использование перечисленных средств коммуникаций таит в себе значительную опасность, поскольку в силу вполне очевидных причин почти всегда сопряжено с риском или недоставки сообщения адресату, или непрочтения (необнаружения) его адресатом. Еще большей неопределенностью в этом вопросе страдает ч. 2 ст. 140 ХПК, которая применение интернета, в том числе электронной почты, а также иных средств связи определяет в качестве общего и, по сути, ничем не ограниченного полномочия суда.

По мере развития направлений и форм использования ИКТ в деятельности судов и, соответственно, увеличения объема процессуальной информации, представленной в электронном виде, все большую актуальность и значимость будет приобретать такой способ «работы» с данными, как их хранение. Это вопрос, в котором техническая составляющая тесно переплетена с правовой. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 175 ГПК, ч. 2 ст. 189-2 ХПК электронный носитель информации, содержащий копию звуко- или видеозаписи судебного заседания (отдельного процессуального действия), приобщается к делу и является неотъемлемой частью краткого протокола. По сложившейся в судах практике таким электронным носителем информации выступает CD- или DVD-диск, который помещается в конверт и подшивается вместе с кратким протоколом к делу [18, с. 22]. С таким подходом сложно согласиться по ряду причин.

Во-первых, CD-, DVD-диск – это скорее не электронный, а оптический носитель информации (электронным носителем здесь могла бы выступить флеш-карта, но подобные носители ввиду их дороговизны и неудобства хранения в деле для названных целей в судах не используются). Во-вторых, CD-, DVD-диск достаточно хрупкий и не очень надежный носитель данных, любое, даже незначительное, повреждение его поверхности способно привести к не-

возможности воспроизведения части или даже всей записанной на нем информации. В-третьих, указанные диски рассчитаны на хранение относительно небольших объемов данных, что может явиться значительным недостатком, если речь идет о хранении видеозаписи хода судебного заседания (безусловно, в таких случаях выходом могло бы явиться использование нескольких дисков с разбивкой видеозаписи на части, но тогда добавляются неудобства, связанные с хранением множества дисков в деле, повышается вероятность физического повреждения или потери некоторых из них). В-четвертых, сама идея сосредоточения именно в деле всех электронных носителей информации (без создания резервных источников хранения процессуальных данных на постоянной основе) представляется более чем сомнительной, так как утрата этих носителей информации (а причиной тому могут быть разные факторы субъективного или (и) объективного плана) приведет к невозможности осуществления вышестоящими инстанциями контроля за правильностью действий суда и участников судопроизводства. Характерно, что в судебной практике уже имели место случаи, когда диск с аудиозаписью судебного заседания суда апелляционной инстанции в материалах дела отсутствовал, а сама аудиозапись в областном суде не сохранилась [19, с. 23].

В свете сказанного полагаем, что вся представленная в электронном виде информация, касающаяся гражданского или экономического дела (мы имеем в виду не только звуко- или видеозапись судебного процесса, но и иные электронные данные – извещения (вызовы) в электронном формате, электронные доказательства, заявления и ходатайства, сделанные заинтересованными лицами в электронной форме, и т. п.), должна храниться не в материалах дела, а отдельно и централизованно, например на специальном сервере суда. С одной стороны, для этого не потребуются расширения площадей суда и каких-то сверхусилий его сотрудников (хотя определенные материальные затраты для приобретения соответствующего оборудования, если его еще нет в суде, безусловно, понадобятся), с другой стороны, это позволит обеспечить надежное хранение электронной процессуальной информации в течение сколь угодно продолжительного времени (для сравнения, в настоящее время CD- или DVD-диски, содержащие звуко- или видеозапись хода судебного заседания, уничтожаются по истечении срока хранения дела). При этом обеспечивать целостность и неизменность хранимой информации, помимо чисто технических средств, целесообразно еще и правовыми мерами – путем закрепления на законодательном уровне правила о том, что отсутствие или утрата указанной информации выступают безусловным основанием для отмены вынесенного по делу судебного постановления.

8. Программно-технические особенности (специфика интерфейса, примененных технических решений и т. д.) позволяют классифицировать ИКТ на следующие виды:

- сайт в интернете;
- социальная сеть в интернете;
- электронная почта;
- мобильная связь;
- СМС-сообщение;
- программы, обеспечивающие коммуникации в формате онлайн видеосвязи через интернет;
- программно-технические средства, обеспечивающие фиксирование и воспроизведение звуко-, видеозаписи;
- социальный мессенджер и пр.

Практическое значение такой классификации заключается в следующем. Во-первых, учет всех особенностей (в том числе преимуществ и недостатков) каждой ИКТ позволяет отобрать наиболее оптимальную технологию для решений той или иной процессуальной задачи. Так, сервисы электронной почты вполне могут быть пригодны для направления в суд исковых материалов в электронной форме, для извещения участников судопроизводства о судебных заседаниях, сайт в интернете – для размещения графика судебных заседаний, обнародования какой-то информации о процессе (пресс-релизов или текстов судебных постановлений) и т. д. Во-вторых, классификация поможет точно отразить наименование и характерные особенности определенной ИКТ в текстах нормативных правовых актов по вопросам гражданского судопроизводства.

9. В зависимости от того, имеют ли участники судопроизводства возможность оказывать влияние на использование ИКТ, последние допустимо классифицировать на применяемые в следующем порядке:

- только с согласия участников судопроизводства;
- с учетом мнения участников судопроизводства;
- без принятия во внимание в какой-либо форме позиции участников судопроизводства.

Использование ИКТ без принятия во внимание позиции участников судопроизводства имеет место тогда, когда законодательство в императивной форме предписывает применять определенную ИКТ (права выбора применять либо не применять нет даже у суда) или когда решение вопроса о применении ИКТ зависит исключительно от усмотрения суда (законодатель предоставляет право выбора только суду или суд использует ИКТ исключительно по собственной инициативе в отсутствие на этот счет каких-либо предписаний законодательства). Полагаем, что в таком порядке ИКТ могут применяться только в том случае, если это не отразится негативным образом на положении участников судопроиз-

водства, в том числе если это будет способствовать усилению их процессуальных гарантий. Например, сугубо по инициативе суда ИКТ могут применяться для целей ведения делопроизводства, поскольку тем самым повышается эффективность организационной составляющей правосудия, а значит в какой-то мере усиливаются (или, по крайней мере, не снижаются) гарантии правильного разрешения дел. Напротив, законодатель не должен предусматривать только электронную форму обращения в суд для той или иной стадии процесса, так как это чревато нарушением права на судебную защиту: далеко не все граждане страны являются пользователями интернета, а из числа пользователей не все в совершенстве владеют соответствующими технологиями.

Согласие участников судопроизводства требуется тогда, когда применение ИКТ сопряжено с риском нарушения их прав или охраняемых законом интересов. Общеизвестно, что использование современных электронных средств коммуникаций (электронной почты, СМС-сообщений, социальных мессенджеров и пр.) связано с определенным риском недоставки или искажения передаваемой информации. Поэтому использование данных средств коммуникаций для целей передачи информации в суд (например, исковых заявлений, ходатайств от заинтересованных лиц) или из суда (в частности, извещений, вызовов в адрес участников процесса) допустимо только с согласия участника судопроизводства, т. е. когда последний осознанно принимает на себя и под свою ответственность все риски, связанные с применением ИКТ. В первой ситуации (когда речь идет о передаче информации в суд) данное условие может быть соблюдено через закрепление в процессуальном законе для заинтересованных лиц альтернативы (по их выбору) – обратиться в суд в традиционной форме (путем представления документов в письменном виде) или посредством ИКТ. Во второй ситуации (направление извещений, вызовов в электронной форме) согласие участника судопроизводства может быть получено в результате непосредственного (живого) общения с ним сотрудника суда, причем это согласие крайне желательно зафиксировать (например, путем составления и приобщения к материалам дела письменного соглашения об электронном обмене данными между судом и участником судопроизводства). В связи с этим считаем в корне неверной практику отечественных судов, которые используют ИКТ (электронную почту, СМС-сообщения и пр.) для целей извещения, вызова участников судопроизводства в одностороннем порядке на том только основании, что суду известны контактные данные лица (номер мобильного телефона, адрес электронной почты и т. д.)¹⁵.

¹⁵ Скобелев В. П. Современные информационные технологии и способы извещения (вызова) участников гражданского процесса // Проблемы гражд. права и процесса : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: И. Э. Мартыненко (гл. ред.) [и др.]. Гродно : ГрГУ им. Я. Купалы, 2019. Вып. 4. С. 235–241.

Такая форма принятия во внимание позиции участника судопроизводства, как учет мнения, целесообразна тогда, когда применение ИКТ не способно нанести какого-либо (или хотя бы заведомо очевидного и существенного) вреда правам (интересам) участника судопроизводства, однако у последнего имеется существенная заинтересованность в том, чтобы оказывать влияние на решение вопроса о применении (неприменении) ИКТ или о выборе конкретной ИКТ из нескольких альтернативных. Например, ч. 5 ст. 176 ХПК позволяет абсолютно любым лицам, присутствующим в зале судебного заседания (т. е. и публично), вести звукозапись хода судебного разбирательства. Аналогичная идея заложена и в норме ч. 4 ст. 271 ГПК (по крайней мере, Пленум Верховного Суда Республики Беларусь дал этой норме именно такое истолкование в ч. 1 п. 5 постановления от 20 декабря 2013 г. № 11 «Об обеспечении гласности при осуществлении правосудия и о распространении информации о деятельности судов»). Однако, по нашему мнению, позволять публично (т. е. совершенно посторонним процессу лицам) вести звукозапись хода судебного заседания стоит позволять только с учетом мнения (а быть может – даже и с согласия) юридически заинтересованных в исходе дела лиц.

Далее, правила ч. 6 ст. 176 ХПК, ч. 4 ст. 271 ГПК позволяют вести кино-, фотосъемку, прямую радио-, телетрансляцию судебного заседания с разрешения суда и лишь с учетом мнения заинтересованных в исходе дела лиц. Но, как было отмечено нами выше, одного учета мнения названных лиц здесь недостаточно, перечисленные действия способны привести к нарушению интересов участников процесса (их интересы – сохранить в тайне обстоятельства собственной частной жизни), а потому должны допускаться только с согласия (разрешения) заинтересованных лиц. В ст. 113 ГПК, ст. 189 ХПК предусмотрены два альтернативных способа фиксации хода судебного заседания (отдельного процессуального действия) – средствами звукозаписи и средствами видеозаписи, – между тем критерии выбора конкретного способа фиксации не определены. Фактически решение этого вопроса отдано всецело на усмотрение судьи. Нам же представляется, что критерием решения вопроса должно являться мнение юридически заинтересованных в исходе дела лиц – фиксирование хода процесса необходимо осуществлять тем способом, на котором настаивают все или большинство из названных лиц (конечно, при условии наличия в суде технической возможности применения соответствующих средств записи).

10. Исходя из магистральных направлений применения ИКТ в судопроизводстве их можно подразделить на следующие группы:

- ИКТ, опосредующие коммуникации субъектов процесса между собой, а также с третьими лицами;

- ИКТ, реализованные в доказательствах, с помощью которых устанавливаются фактические обстоятельства дела.

Второе направление применения ИКТ имеет значительную специфику в том смысле, что требует регламентации целого комплекса вопросов, касающихся так называемых электронных доказательств: существенных признаков данных доказательств; вопросов их допустимости; порядка собирания, представления, исследования, проверки, оценки; хранения по окончании разбирательства дела. В частности, одна из значительных проблем связана с допустимостью названных доказательств. Так, ч. 3 ст. 229 ГПК, ч. 3 ст. 90 ХПК не позволяют использовать в качестве доказательств звуко-, видеозаписи, полученные скрытым путем, за исключением случаев, когда скрытая запись допускается законом. Вместе с тем, что нужно понимать под скрытым путем получения звуко-, видеозаписи, процессуальный закон не разъясняет, хотя с учетом широчайшей распространенности в современной жизни различных записывающих (фиксирующих) технических устройств вопрос представляется более чем актуальным.

11. Конкретная сфера (сегмент) судопроизводства, в которой применяются ИКТ, позволяет разделить их на используемые в следующих сферах:

- при обращении заинтересованных лиц в суды с заявлениями о возбуждении дел (иными заявлениями, ходатайствами);
- при извещении участников судопроизводства;
- при собирании и исследовании доказательств;
- при проведении судебных заседаний в дистанционном формате;
- при фиксации хода процесса;
- при ведении делопроизводства;
- при обнародовании информации о процессе и т. д.

Применение ИКТ в каждой из перечисленных сфер имеет свои особенности. Например, обеспечение возможности обращения заинтересованных лиц в суды в электронной форме требует решения с помощью ИКТ как минимум двух задач: достоверной идентификации личности лица и обеспечения сохранности (целостности) передаваемой в суд информации. Для решения последней задачи возможно как использование электронной почты, так и (что представляется нам еще более надежным) организация специального сервиса на сайте суда в интернете (по примеру реализованной на сайтах практически всех государственных органов опции «подать обращение»). Что касается идентификации личности обращающихся в суды лиц, то здесь возможны подходы, реализованные в банковской сфере: потенциальный «потребитель» правосудия регистрируется в специальной системе единожды путем личной явки в суд и затем может неограниченное

число раз обращаться в любые суды в электронной форме, используя полученный при регистрации логин и пароль.

Применение для целей проведения судебных заседаний в дистанционном формате такой ИКТ, как видео-конференц-связь, тоже не менее специфично. Применение видео-конференц-связи не может и не должно получить широкого распространения в нашей стране в силу следующих причин: компактных территориальных размеров Республики Беларусь; трудностей, связанных с установлением личности (проверкой полномочий) тех участников процесса, с которыми осуществляется видео-конференц-связь, получением у них подписки относительно предупреждения об уголовной ответственности, оформлением некоторых из распорядительных волеизъявлений; ограниченных возможностей по исследованию доказательств (в частности, письменных, вещественных); некоторых сложностей организационного и иного плана (при использовании видео-конференц-связи количество задействованных помещений судов и судебных секретарей удваивается, возникает также необходимость в привлечении в процесс специалистов по эксплуатации соответствующих технических средств, сюда же присовокупляются расходы по содержанию в исправном состоянии систем видео-конференц-связи)¹⁶.

12. В зависимости от критерия сложности дела ИКТ возможно сгруппировать на применяемые по таким категориям дел:

- сложным делам;
- несложным делам.

С учетом этого здесь допустимо обозначить такую закономерность: чем проще дело, тем больше потенциал использования в ходе производства по нему ИКТ. Например, поскольку в приказном производстве и в гражданском, и в хозяйственном процессе разрешаются относительно несложные дела и к тому же без проведения судебного заседания, то в перспективе все коммуникации между судом и участниками приказного производства, в том числе связанные с обращением взыскателя в суд, могут быть в полном объеме переведены в электронный формат. Неслучайно поэтому в одном из экономических судов страны уже проводился эксперимент по формированию электронных дел по приказному производству, в рамках которого (эксперимента) между судом и конкретным субъектом хозяйствования заключалось соглашение об электронном обмене информацией с использованием электронной цифровой подписи¹⁷. Весьма характерно, что в Российской Федерации так называемое упрощенное производство в арбитражном процессе было практически полностью переведено на электронные «рельсы» [1, с. 69–74]. О многом говорит

и тот факт, что «модернизация информационной формы гражданского судопроизводства за рубежом предпринимается именно в связи с упрощенными процедурами» [1, с. 76].

13. Основанием классификации ИКТ может выступать и стадия процесса, на которой они применяются. Так, ИКТ могут быть дифференцированы на реализуемые в ходе следующих стадий (здесь стадии процесса выделены с учетом такой стоящей перед ними цели, как рассмотрение дела):

- возбуждения дела;
- подготовки дела к разбирательству;
- разбирательства дела по существу;
- вынесения по делу итогового постановления.

С теоретической точки зрения применение ИКТ в той или иной мере возможно на любой из названных стадий процесса, хотя в то же время для этого есть и свои пределы (ограничения), которые нельзя не учитывать. Например, на завершающей стадии ИКТ не могут использоваться для разрешения дела (никакой искусственный интеллект не способен заменить живого судью), но с их применением допустимо физическое изготовление текста решения (в настоящее время судебные постановления повсеместно изготавливаются с помощью компьютерной техники, а не пишутся от руки), направление текста судебного постановления заинтересованным лицам. Можно с уверенностью утверждать, что в ближайшей и даже отдаленной перспективе ИКТ не приобретут большого распространения на стадии возбуждения дела для целей электронной подачи заявлений в суды, причем такая форма обращения к правосудию и не должна вытеснять традиционную (письменную) форму, она может выступать лишь альтернативой последней для каких-то отдельных видов судопроизводства или категорий дел. Очевидно, основными сферами применения ИКТ будут оставаться стадия подготовки дела (извещение, вызов участников судопроизводства) и стадия разбирательства дела (фиксирование процесса, дистанционное проведение судебных заседаний и др.).

Выделение стадий процесса возможно и по цели разрешения дела:

- производство в суде первой инстанции;
- апелляционное производство;
- кассационное производство (только в хозяйственном процессе);
- надзорное производство;
- пересмотр судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам.

Здесь тоже можно констатировать допустимость применения ИКТ на каждой из перечисленных стадий. Но есть основания говорить и о более конкретных тенденциях. Поскольку суды апелляционной, кассационной и надзорной инстанций

¹⁶Более подробно об этом см.: Скобелев В. Видео-конференц-связь в гражданском процессе... С. 46–55.

¹⁷Внедрение технических новаций в судопроизводство... С. 11.

территориально удалены от «потребителей» правосудия, работа с доказательствами в судебных заседаниях ограничена или вообще не проводится, участие заинтересованных лиц в рассмотрении дел не является безусловно необходимым, то существуют все предпосылки для развития электронной составляющей именно на данных стадиях процесса, особенно в кассационном и надзорном производствах: предоставление возможности обращения в суды в электронной форме, использование электронных средств извещения, организация судебных заседаний в дистанционном формате, рассылка копий итоговых судебных постановлений в электронном виде.

14. Исходя из последствий нарушений, допущенных при использовании ИКТ, соответствующие технологии можно разделить на такие виды:

- ИКТ, неправильное использование которых повлечет отмены решения;
- ИКТ, ошибки в применении которых повлекут отмену решения.

Ошибки в применении ИКТ следует относить к процессуальным нарушениям, т. е. к ошибкам в применении норм процессуального права. Ошибка будет носить процессуальный характер даже тогда, когда сама ИКТ или порядок ее реализации нормами процессуального права не предусмотрены. Просто в этом случае нарушены будут не нормы, касающиеся ИКТ (так как их нет или практически нет, за исключением, быть может, нормы, указывающей на наименование определенной ИКТ), а нормы, закрепляющие те или иные процессуальные принципы, гарантии, права и обязанности суда и участников судопроизводства. Например, если суд вместо направления участнику процесса по почте надлежащим образом заверенной письменной копии решения отправит ему по электронной почте электронный документ в формате *.doc*, то нарушены здесь будут нормы, регулирующие традиционный порядок оформления и рассылки копий судебных постановлений.

Общие последствия процессуальных нарушений определены в ч. 3 ст. 424 ГПК, ч. 3 ст. 280, ч. 4 ст. 297 ХПК: нарушение или неправильное применение нормы процессуального права является основанием к отмене или изменению судебного постановления, если это привело или могло привести к неправильному разрешению дела (вопроса). Таким образом, существенность нарушений в применении ИКТ по общему правилу носит оценочный характер и определяется вышестоящей судебной инстанцией для каждого конкретного случая индивидуально. Наряду с этим процессуальное законодательство предусматривает безусловные основания к отмене судебных постановлений ввиду допущенных процессуальных нарушений. Одно из них напрямую связано с использованием ИКТ: «по делу отсутствует звуко- или видеозапись хода судебного заседания» (п. 8 ч. 4 ст. 424 ГПК, абзац 8 ч. 4 ст. 280, абзац 8 ч. 5

ст. 297 ХПК). При этом формулировка данного основания не вполне удачна и способна вызвать на практике немало затруднений.

Во-первых, не вполне понятны последствия отсутствия звуко- или видеозаписи хода отдельных процессуальных действий, осуществляемых вне судебного заседания, хотя такие действия согласно ч. 1 ст. 113 ГПК, ч. 1 ст. 189 ХПК тоже являются предметом обязательного фиксирования с помощью соответствующих технических средств. Во-вторых, возникает вопрос, как квалифицировать ситуацию, если в кратком протоколе судебного заседания указано на применение средств видеозаписи, а реально в материалах дела имеется только звукозапись процесса (и наоборот). В-третьих, не совсем понятно, что понимается под отсутствием звуко- или видеозаписи «по делу». Ведь в реальной жизни возможны самые различные ситуации: звуко- или видеозапись судебного заседания вообще не велась; запись была сделана, но впоследствии в полном объеме утрачена (при этом здесь может быть два варианта: утрачен носитель соответствующей записи или носитель имеется, но запись стерта или не воспроизводится); электронный носитель звуко- или видеозаписи отсутствует в материалах дела, но сама запись имеется в суде (на диктофоне, диске компьютера и т. п.); запись не сохранилась ни в материалах дела, ни на технических устройствах суда, однако ее точной копией, полученной в свое время в суде, обладает один из участников судопроизводства. В-четвертых, не меньшие сложности способно создать и толкование выражения «отсутствует звуко- или видеозапись». Можно ли говорить об отсутствии записи, если она неполная, например ход судебного заседания изначально записывался частично, или полная запись выборочно была стерта или местами пришла в негодность?

Полагаем, что ответы на данные вопросы еще предстоит дать судебной практике, а сама норма (п. 8 ч. 4 ст. 424 ГПК, абзац 8 ч. 4 ст. 280, абзац 8 ч. 5 ст. 297 ХПК) нуждается в определенном уточнении. Более того, по мере увеличения степени информатизации правосудия данную норму необходимо будет кардинальным образом изменить в направлении расширения ее логического объема. Выше мы уже отмечали, что в перспективе вся представленная в электронном виде информация, касающаяся судебного дела, должна на постоянной основе храниться в суде, а гарантией целостности и сохранности всей этой информации, помимо чисто технических средств, должна стать также важная правовая мера – признание отсутствия или утраты необходимой электронной процессуальной информации по делу в качестве безусловного основания к отмене вынесенного по нему судебного постановления.

К применению ИКТ в определенной мере имеет отношение и другое безусловное основание для отмены судебного постановления: дело рассмотрено

в отсутствие кого-либо из заинтересованных лиц, не извещенных надлежащим образом о времени и месте проведения судебного заседания (п. 2 ч. 4 ст. 424 ГПК, абзац 3 ч. 4 ст. 280, абзац 3 ч. 5 ст. 297 ХПК). Мы имеем в виду те ситуации, когда заинтересованные лица оказались не извещенными надлежащим образом о времени и месте проведения судебного заседания в результате применения для целей извещения ИКТ. Отсюда видно, какое большое значение имеет соблюдение надлежащего порядка применения ИКТ в отмеченных целях. При этом важнейшей составляющей такого надлежащего порядка, по нашему убеждению, является получение у участника судопроизводства предварительного согласия (в том числе путем заключения с ним соответствующего соглашения) о допустимости применения в отношении его ИКТ при направлении судебных извещений (вызовов)¹⁸, т. е. использование ИКТ только после того, когда лицо осознанно приняло на себя и под свою ответственность все риски, связанные с применением ИКТ (такие, как недоставка извещения, задержка в доставке, его искажение в ходе передачи и пр.). Если это согласие от участника судопроизводства получено не было, то его неявка в судебное заседание (несмотря на наличие у суда, казалось бы, убедительных доказательств того, что лицо посредством использования ИКТ было извещено) будет создавать основание для применения п. 2 ч. 4 ст. 424 ГПК, абзаца 3 ч. 4 ст. 280, абзаца 3 ч. 5 ст. 297 ХПК.

Следующее основание для безусловной отмены решения – «при вынесении решения были нарушены правила о тайне совещательной комнаты» (п. 5 ч. 4 ст. 424 ГПК)¹⁹ – на первый взгляд не имеет отношения к использованию ИКТ. Однако такой вывод является следствием традиционного (устаревшего) подхода к пониманию правил о тайне совещательной комнаты, что, собственно, и вполне объяснимо, поскольку данные правила сами по себе весьма архаичны. Эти правила закреплены в ст. 299 «Тайна совещательной комнаты» ГПК и предусматривают, что суд выносит решение по делу в совещательной комнате; во время принятия решения в совещательной комнате может находиться только судья (судьи), рассматривающий дело; присутствие иных лиц не допускается; по окончании рабочего времени, а также в течение рабочего времени допускается перерыв для отдыха с выходом из совещательной комнаты; разглашение суждений, имевших место в совещательной комнате, не допускается. Как видим, правила исходят из того, что во время нахождения в совещательной комнате судья способен контактировать с посторонними лицами лишь

в случае их физического присутствия там, а разглашение имевших место суждений может произойти только по выходе судьи из совещательной комнаты. Это однозначно устаревший подход. Современные ИКТ (мобильная телефонная связь, социальные мессенджеры, электронная почта и пр.) делают возможными контакты судьи с посторонними лицами и без физического присутствия последних в совещательной комнате, соответственно, и разглашение имевших место суждений может произойти еще до того, как судья совещательную комнату покинет. Сказанное свидетельствует о необходимости кардинальной модернизации правил о тайне совещательной комнаты. В частности, необходимо закрепить правило о том, что во время нахождения судьи в совещательной комнате ему запрещается осуществлять любые коммуникации и любым способом с кем бы то ни было. А до того, как закрепление предлагаемого нами правила произойдет, положения ст. 299 ГПК следует толковать именно в таком духе.

15. В завершение отметим еще несколько положений концептуального характера, которых следует придерживаться при внедрении в судопроизводство ИКТ:

- применение технологий должно базироваться на принципе «от закрепления в законодательстве – к использованию в практической деятельности», к сожалению, однако, в последние годы прослеживается тенденция обратного плана, в частности, так произошло с применением видео-конференц-связи для дистанционного проведения судебных заседаний в хозяйственном процессе²⁰, с использованием СМС-сообщений и иных ИКТ для извещения участников гражданских и экономических дел²¹;
- необходимо учитывать объективные потребности и реальные материально-технические возможности как судов, так и «потребителей» правосудия, например использование в хозяйственном, а затем и в гражданском процессе систем видео-конференц-связи при проведении судебных заседаний началось по совершенно надуманным основаниям (ведь никаких эпидемий вирусных заболеваний, наподобие COVID-19, на тот момент не было и в помине, равно как и проблем с территориальной доступностью правосудия – Республика Беларусь является весьма компактным государством с достаточно развитой «сетью» судов) и в отсутствие у судебных органов надлежащей материально-технической базы (охватывающей все суды системы защищенных каналов связи и пр.);
- внедрению технологий должны предшествовать соответствующие научные исследования в области

¹⁸Выше мы уже отмечали, что отечественная практика, к сожалению, идет по другому пути.

¹⁹Подобной нормы нет в ХПК, что, безусловно, является недостатком в правовом регулировании.

²⁰См.: Скобелев В. Видео-конференц-связь в гражданском процессе... С. 47–48.

²¹См.: Он же. Современные информационные технологии и способы извещения... С. 225–230, 233–236.

права, изучение опыта иностранных правопорядков, прогнозирование возможных результатов (в том числе отрицательных) применения в судопроизводстве новейших достижений научно-технического прогресса; причем к проведению всей этой работы в настоящее время непосредственно обязывают положения Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» (см. п. 1, 7 ст. 6, п. 3 ст. 38, п. 5 ст. 42 и др.);

- при разработке проектов нормативных правовых актов, предусматривающих использование в сфере правосудия ИКТ, нужно строго следовать требованиям нормотворческой техники, между

тем практически все недавние законы о внесении в ГПК и ХПК изменений (дополнений) по вопросам использования современных технологий страдают множеством нормотворческих ошибок²², достаточно привести такой пример: ч. 1 ст. 185-1 ГПК указывает на возможность участия путем использования систем видео-конференц-связи в подготовительном судебном заседании, однако подготовительного судебного заседания в гражданском процессе нет, оно есть только в хозяйственном процессе, т. е. содержание ч. 1 ст. 185-1 ГПК объясняется тем, что оно было просто бездумно скопировано из аналогичной нормы ч. 1 ст. 176-1 ХПК.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

- 1) потребность внедрения в цивилистический процесс ИКТ имеет объективные предпосылки, подчеркнута на уровне ряда правовых актов программного характера и разделяется представителями юриспруденции, особенно задействованными в правоприменительной сфере;

- 2) используемые в законодательстве и правовой доктрине термины «электронное правосудие», «электронное судопроизводство», «электронный суд» не могут пониматься в буквальном смысле, эти термины имеют образный (условный, переносный) характер и отражают факт применения в правосудии современных ИКТ для решения (облегчения решения) лишь отдельных, преимущественно обеспечительных, вспомогательных задач;

- 3) теоретическому осмыслению вопросов имплементации ИКТ в судопроизводство в значительной мере может способствовать классификация современных достижений научно-технического прогресса через призму процессуальных явлений (феноменов, категорий);

- 4) классификация возможна по различным критериям, а именно в зависимости от категорий субъектов, взаимодействие которых опосредовано ИКТ, объема правовой регламентации, способа взаимодействия ИКТ с процессуальной информацией, наличия у участников судопроизводства возможности оказывать влияние на применение ИКТ, магистральных направлений применения ИКТ в судопроизводстве, конкретной сферы (сегмента) судопроизводства, в которой используются ИКТ, сложности дела, стадии процесса, последствий нарушений, допущенных при применении ИКТ, и др.;

- 5) каждая классификация имеет большое практическое значение, поскольку позволяет выявить

закономерности (тенденции) имплементации ИКТ в судопроизводство и определить направления развития процессуального законодательства и (или) практики его применения. Так, классификация технологий в зависимости от категорий субъектов, взаимодействие которых опосредовано ИКТ, дает повод констатировать, что использование ИКТ во взаимодействии суд – участники судопроизводства должно обеспечиваться повышенными правовыми гарантиями;

- 6) в контексте внедрения ИКТ в судопроизводство необходимо внести ясность в вопрос о возможности суда по собственной инициативе получать для целей подтверждения фактов материально-правового характера сведения из различных государственных информационных ресурсов и банков данных; уточнить условия и пределы использования ИКТ для извещения (вызова) участников судопроизводства, дистанционного проведения судебных заседаний, фиксирования хода судебных заседаний и отдельных процессуальных действий, хранения в суде электронной процессуальной информации, обнародования процессуальной информации для публики; усовершенствовать регулирование и практику применения связанных с использованием ИКТ безусловных оснований к отмене судебных постановлений и пр.;

- 7) при имплементации в судопроизводство ИКТ следует придерживаться некоторых концептуальных положений, в частности, исходить из принципа «от закрепления в законодательстве – к использованию в практической деятельности», учитывать объективные потребности и реальные материально-технические возможности как судов, так и «потребителей» правосудия, обеспечивать предварительную научную проработку вопросов внедрения инноваций, строго соблюдать требования нормотворческой техники и др.

²²Более подробно об изъянах в правовом регулировании порядка звуко-, видеозаписи хода судебных процессов см.: Скобелев В. Что меняется в ГПК? 2020. № 9. С. 8–19; Он же. Что меняется в ГПК? // Юрид. мир. 2020. № 10. С. 8–20; Он же. Что меняется в ХПК? 2020. № 11. С. 10–23; Он же. Что меняется в ХПК? // Юрид. мир. 2020. № 12. С. 8–24.

Библиографические ссылки

1. Пономаренко ВА. *Электронное гражданское судопроизводство в России: штрихи концепции*. Москва: Проспект; 2015. 184 с.
2. Сучок Т. О совершенствовании правосудия и использовании преимуществ научно-технического прогресса. *Судовы веснік*. 2010;1:9–10.
3. Сукало В. Роль Верховного Суда в проведении судебно-правовых преобразований. *Судовы веснік*. 2013;2:3–5.
4. Сукало В. О задачах по повышению эффективности судебной деятельности и роли органов судейского сообщества в их решении. *Судовы веснік*. 2017;4:7–11.
5. Сукало В. Развитие системы судов общей юрисдикции в современных условиях: новые требования – новый уровень ответственности. *Судовы веснік*. 2019;2:7–11.
6. Забара А. Актуальные задачи в сфере гражданского правосудия. *Судовы веснік*. 2015;2:3–7.
7. Алексеев АА. Электронное судопроизводство в российском гражданском процессе. *Арбитражный и гражданский процесс*. 2016;2:12–16.
8. Приходько ЛВ. Зарубежный опыт внедрения и использования системы «Электронный суд» (e-court). *Государство и право*. 2007;9:82–86.
9. Решетняк ВИ. К вопросу об электронном правосудии в арбитражном и гражданском судопроизводстве. *Юрист*. 2011;9:33–37.
10. Чуча СЮ, редактор. *Электронное правосудие. Электронный документооборот: научно-практическое пособие*. Москва: Проспект; 2018. 240 с.
11. Андрощук ВВ, Швед ЕН. Понятие «электронное правосудие»: постановка проблемы. В: Коваленко ЕИ, редактор. *Информационные технологии и право: правовая информатизация – 2018: сборник материалов VI Международной научно-практической конференции; 17 мая 2018 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь; 2018. с. 360–364.
12. Здрок ОН. Перспективы использования ИТ в судопроизводстве по гражданским и экономическим делам. В: Мартыненко ИЭ, редактор. *Проблемы гражданского права и процесса: сборник научных статей. Выпуск 6*. Гродно: Гродненский государственный университет; 2021. с. 295–302.
13. Кизей АЮ. Электронное правосудие: перспективы развития. В: Бондаренко НЛ, редактор. *Третьи цивилистические чтения памяти профессора М. Г. Прониной*. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь; 2021. с. 89–92.
14. Кирвель И.Ю. Электронное правосудие: понятие, сущность, перспективы. В: Мартыненко ИЭ, редактор. *Проблемы гражданского права и процесса*. Гродно: Гродненский государственный университет; 2010. с. 334–345.
15. Колядко И, Шершнева А. Некоторые аспекты обеспечения гласности гражданского судопроизводства. *Судовы веснік*. 2013;3:74–79.
16. Кудрицкая Т. Управленческий успех (о работе суда г. Орши и Оршанского района). *Судовы веснік*. 2009;4:7–9.
17. Костюкевич В. Меры по обеспечению экономичности правосудия в экономических судах. *Судовы веснік*. 2014;1:11–12.
18. Кулак С. Аудио- и видеозапись судебного заседания как элемент электронного судопроизводства и инструмент повышения открытости правосудия. *Судовы веснік*. 2019;2:20–23.
19. Ефремов А, Ковальчук А. О применении судами апелляционной инстанции норм УПК, регулирующих апелляционное производство. *Судовы веснік*. 2019;4:18–38.

References

1. Ponomarenko VA. *Elektronnoe grazhdanskoe sudoproizvodstvo v Rossii: shtrikhi kontseptsii* [Electronic civil litigation in Russia: strokes of the concept]. Moscow: Prospekt; 2015. 184 p. Russian.
2. Suchok T. [On the improvement of justice and the use of the advantages of scientific and technological progress]. *Sudovy vesnik*. 2010;1:9–10. Russian.
3. Sukalo V. [The role of the Supreme Court in carrying out judicial and legal reforms]. *Sudovy vesnik*. 2013;2:3–5. Russian.
4. Sukalo V. [On the tasks of improving the efficiency of judicial activity and the role of the judicial community in their decision]. *Sudovy vesnik*. 2017;4:7–11. Russian.
5. Sukalo V. [Development of the system of courts of general jurisdiction in modern conditions: new requirements – a new level of responsibility]. *Sudovy vesnik*. 2019;2:7–11. Russian.
6. Zabara A. [Actual tasks in the field of civil justice]. *Sudovy vesnik*. 2015;2:3–7. Russian.
7. Alekseev AA. Electronic legal proceedings in the Russian civil procedure. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*. 2016;2:12–16. Russian.
8. Prikhodko LV. [Foreign experience in the implementation and use of the «Electronic court» system (e-court)]. *State and Law*. 2007;9:82–86. Russian.
9. Reshetnyak VI. [To the question of electronic justice in arbitration and civil proceedings]. *Yurist*. 2011;9:33–37. Russian.
10. Chucha SYu, editor. *Elektronnoe pravosudie. Elektronnyi dokumentooborot* [Electronic justice. Electronic document management]. Moscow: Prospekt; 2018. 240 p. Russian.
11. Androshchuk VV, Shved EN. [The concept of electronic justice: problem statement]. In: Kovalenko EI, editor. *Informatsionnye tekhnologii i pravo: pravovaya informatizatsiya – 2018: sbornik materialov VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 17 maya 2018 g.; Minsk, Belarus'* [Information technologies and law: legal informatisation – 2018: collection of materials of the 6th International scientific and practical conference; 2018 May 17; Minsk, Belarus]. Minsk: National Centre for Legal Information of the Republic of Belarus; 2018. p. 360–364. Russian.

12. Zdrok ON. [Prospects for the use of IT in legal proceedings in civil and economic cases]. In: Martynenko IE, editor. *Problemy grazhdanskogo prava i protsessy: sbornik nauchnykh statei. Vypusk 6* [Problems of civil law and process: a collection of scientific articles. Issue 6]. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno; 2021. p. 295–302. Russian.

13. Kizei AYu. [Electronic justice: development prospects]. In: Bondarenko NL, editor. *Tret'i tsivilisticheskie chteniya pamyati professora M. G. Proninoi* [3rd civil readings in memory of Professor M. G. Pronina]. Minsk: Academy of Management under the Aegis of the President of the Republic of Belarus; 2021. p. 89–92. Russian.

14. Kirvel' IYu. [Electronic justice: concept, essence, prospects]. In: Martynenko IE, editor. *Problemy grazhdanskogo prava i protsessy* [Problems of civil law and process]. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno; 2010. p. 334–345. Russian.

15. Kolyadko I, Shersneva A. [Some aspects of ensuring publicity of civil proceedings]. *Sudovy vesnik*. 2013;3:74–79. Russian.

16. Kudritskaya T. [Managerial success (on the work of the court of Orsha and the Orsha district)]. *Sudovy vesnik*. 2009;4:7–9. Russian.

17. Kostyukevich V. [Measures to ensure the economy of justice in economic courts]. *Sudovy vesnik*. 2014;1:11–12. Russian.

18. Kulak S. [Audio and video recording of a court session as an element of electronic legal proceedings and a tool to increase the openness of justice]. *Sudovy vesnik*. 2019;2:20–23. Russian.

19. Efremov A, Kovalchuk A. [On the application by the courts of appeal of the norms of the Criminal Procedure Code governing the appeal proceedings]. *Sudovy vesnik*. 2019;4:18–38. Russian.

Статья поступила в редколлегию 08.02.2022.
Received by editorial board 08.02.2022.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS

УДК 343.9

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПОНЯТИЙ «ОБМАН» И «ЛОЖЬ» В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ: ПРОБЛЕМА ОТРИЦАНИЯ

В. С. КРАСИКОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуется проблема отрицания обмана и лжи в контексте криминалистики как науки и оперативно-розыскной деятельности. Изучены актуальные точки зрения на проблему неприемлемости обмана и лжи, выявлены возможные критерии оценки допустимости приемов и способов осуществления следственных действий и проведения оперативно-розыскных мероприятий, определены направления исследования проблем криминалистической (следственной, оперативно-розыскной) тактики, применяющейся уполномоченными государственными органами в рамках расследования, выявления и предупреждения преступной деятельности.

Ключевые слова: криминалистический контекст обмана и лжи; криминалистическая, следственная, оперативно-розыскная тактика; интеллектуальный аспект обмана и лжи.

Образец цитирования:

Красиков В.С. Криминалистический контекст понятий «обман» и «ложь» в деятельности правоохранительных органов: проблема отрицания. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2022;1:73–79.

For citation:

Krasikau V.S. Criminalistic context of concepts of deception and lie in the activities of law enforcement bodies: the problem of denial. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2022;1:73–79. Russian.

Автор:

Владимир Сергеевич Красиков – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры криминалистики юридического факультета.

Author:

Uladzimir S. Krasikau, PhD (law), docent; associate professor at the department of criminalistics, faculty of law. krasikau@mail.ru

CRIMINALISTIC CONTEXT OF CONCEPTS OF DECEPTION AND LIE IN THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT BODIES: THE PROBLEM OF DENIAL

U. S. KRASIKAU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The problem of denial of deception and lies in the context of forensic science and operational-search activity is investigated. The current points of view on the problem of inadmissibility of deception and lies have been studied, possible criteria for assessing the admissibility of methods of carrying out investigative actions and carrying out operational-search measures have been determined, directions for researching the problems of forensic (investigative, operational search) tactics used by authorised state bodies in the framework of an investigation, detection and prevention of criminal activity have been determined.

Keywords: forensic context of deception and lies; forensic, investigative, operational-search tactics; the intellectual aspect of deception and lies.

Введение

Обман и ложь – явления функциональные и диалектически противоречивые, обусловленные представлениями человека о пределах их допустимости или недопустимости по отношению к другим людям в различных сферах общественных отношений: в идеологии, политике, экономике, сфере права и противодействия преступности. Как отмечает Д. И. Дубровский, «поскольку обман выступает как феномен социальной деятельности, рассмотрение его функций может производиться в плане анализа его роли в разных видах деятельности. По-видимому, есть основания говорить о специфических функциональных проявлениях обмана в производственной, финансово-экономической деятельности, в политике, в торговле, в научной и педагогической деятельности, в искусстве, спорте и т. д. Нет такого вида социальной деятельности, где бы не встречался обман и где бы он не играл существенную функциональную роль» [1, с. 44].

Относительно лжи А. Р. Ратиновым отмечается, что ею «...насыщены идеология и политика, государственное управление и экономическая деятельность, массовые коммуникации и процессы межличностного общения, трудовые, бытовые, се-

мейные и все иные отношения между людьми. Короче говоря, нет такой области жизни, где не лгут»¹.

Таким образом, мы имеем дело с социальными феноменами, которые проявляют свои свойства в процессе коммуникации (взаимодействия) людей и их общностей в зависимости от интересов (ценностей) и целей, которыми они руководствуются. Именно это, по мнению Ю. Н. Харари, позволило создавать социальные конструкты (государство, право, идеология, мораль, обман и ложь, мифология, наука, средства массовой информации и др.), которые позволяют управлять огромными интегрированными массами не знакомых друг с другом людей в условиях совместной деятельности на основе оперирования абстрактными понятиями [2, с. 30–45].

В связи с этим объектом исследования являются отношения по поводу обмана и лжи в контексте криминалистики как науки. Предметом исследования выступают выявленные закономерности приемлемости и неприемлемости изучаемых социальных феноменов (конструктов) в сфере противодействия преступной деятельности при проведении следственных действий и осуществлении оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ).

Основная часть

Прежде чем категорично отрицать или давать негативную оценку любому социальному явлению (феномену), влияющему на общественные отношения в сфере интересов криминалистики, необходимо решить следующие проблемы:

- определить сущность обмана и лжи в рамках этой науки с точки зрения теорий познания (гносеологии), ценностей (аксиологии) и эффективности практической деятельности (праксиологии);

- изучить функции обмана и лжи в социуме, причину их возникновения, условия, алгоритмы, мотивы и цели;

- установить критерии приемлемости (недопустимости) применения исследуемых социальных феноменов в практической деятельности правоохранительных органов;

- исследовать особенности использования, допущения или недопущения обмана и лжи в преступной

¹Ратинов А. Р. Избранные труды / сост. Кроз М. В. [и др.]. М. : Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 2016. С. 188.

деятельности и деятельности по выявлению, пресечению и расследованию преступлений.

Эти направления исследования сложной научной проблемы требуют отдельной проработки, что, соответственно, невозможно сделать в рамках одной научной статьи. Тем не менее определенные суждения в научных кругах криминалистов относительно обмана и лжи в деятельности по предупреждению, выявлению и расследованию преступлений имеются. Так, возможность обмана и лжи со стороны правоохранительных органов учеными анализировалась в контексте полной недопустимости со стороны лиц, проводящих следственные действия и ОРМ [3; 4], а также недопустимости, но с закреплением понятий «введение в заблуждение на основе побуждения к определенным действиям» [5, с. 8], «следственные хитрости» [6, с. 49–57]), «соответствие тактических приемов этическим нормам» [7, с. 7] и др.

Эти точки зрения обуславливались следующими позициями в идеологии и правовых науках:

- право является средством отражения морали общества, ее реализации и защиты;
- право регулирует полное познание, а также ликвидацию всех возникающих дефектов и противоречий в процессе познания в сфере правоохранительной деятельности;
- обман и ложь абсолютно недопустимы в решении задач уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности (ОРД);
- задачи уголовного процесса не могут решаться вне рамок и принципов справедливости, гуманности и профессиональной этики;
- законность следует определять через соответствие или непротиворечие приема, средства и их комбинаций требованиям закона.

Так, Р. С. Белкин, рассматривая вопросы судебной психологии, утверждал следующее: «Правомерность воздействия зависит от правомерности его средств... Это законность, которую следует понимать как соответствие или непротиворечие приема, средства требованиям закона; избирательность воздействия, т. е. направленность лишь на определенных лиц, и нейтральность по отношению к остальным; нравственность, соответствие моральным принципам общества» [8, с. 511]. Однако наиболее категорично и однозначно охарактеризовал отношение криминалистики и уголовного процесса к изучаемым феноменам С. М. Строгович: «Нет никаких сомнений в том, что умышленное, намеренное “формирование ошибочного представления” у кого-либо есть обман этого лица, сообщение ему ложных сведений, а не что-либо иное. Но солгать можно прямо, словами, а можно это же сделать более сложным способом, таким образом, что слова и предложения сами по себе ложными не являются, но они так построены и даны в таком контексте, сказаны таким тоном и с такой мимикой, что тот, кому

они высказаны, ложь примет за правду, а правду за ложь. А это есть обман, ложь, которая от того, что она подана в особо хитроумной форме, не делается допустимой; наоборот, она приобретает особо нетерпимый, незаконный и аморальный характер» [3, с. 20]. Этой же парадигме следует А. В. Дулов, который в рамках разработанной им концепции юридической (судебной) этики утверждал следующее: «Основной принципиальной особенностью применения всех судебно-психологических методов воздействия является полная недопустимость передачи следователем ложной информации» [4, с. 321].

Безусловно, такая позиция четко определяет точку зрения о недопустимости (отрицании) обмана и лжи, но не лишена ряда внутренних противоречий. Во-первых, для соблюдения законности требуется формализовать (в правовом акте или правилах профессиональной этики) сами тактические приемы, критерии их соответствия и непротиворечия каждого применяемого приема (организационного или тактического) в ходе следственного действия или ОРМ. Во-вторых, приведенная цитата М. С. Строговича содержит логическое противоречие, так как оно гласит, что солгать можно, сказав правду, а это логически не соответствует истинному утверждению. В-третьих, предъявление особых требований относительно морали и нравственности должностных лиц по профессиональному признаку предполагает контроль со стороны тех, кто будет обладать еще более высокими представлениями о морали и нравственности. В-четвертых, разрабатываемые в рамках судебной этики и психологии проблемы соотносятся только с профессиональной деятельностью, но не касаются сферы отношений должностных лиц вне этих отношений, где господствуют представления об обмане и лжи, обусловленные социально-экономическими, идеологическими, политическими, культурными и иными факторами. В-пятых, выделение в особую категорию нравственности уголовно-процессуальных или оперативно-розыскных отношений само по себе противоречиво, так как они есть процесс и результат жизнедеятельности всего общества, и это реальность, в которой оно существует.

В связи с этим идеализированное представление об обмане и лжи в конкретный период развития общества, об их недопустимости в профессиональной деятельности также создает условия для возникновения отрицательных эффектов в деятельности должностных лиц правоохранительных органов. Главным образом это отражается в нацеленности на получение преимущественно признательных показаний (прямых доказательств) в совершении преступления, что избавляет от скрупулезной работы по собиранию, исследованию, оценке и использованию всего комплекса доказательственной информации в условиях противодействия расследованию.

Также одним из отрицательных эффектов может стать снижение уровня интеллектуального развития сотрудников правоохранительных органов (любой прием, психологическое воздействие, оперирование информацией могут быть превратно оценены с точки зрения допустимости в конкретной обстановке следственного действия или ОРМ). Кроме того, категоричное отрицание объективности и функциональности обмана в обществе может привести к его приумножению в реалиях противодействия преступной деятельности, например к фальсификации доказательств, провокации преступлений, ложным показаниям в уголовном процессе, принуждению к даче показаний, превышению служебных полномочий и др.

В подтверждение этих предварительных выводов рассмотрим некоторые тактические рекомендации для проведения следственных действий на примерах из практики. Вот что излагает А. Ю. Румянцев относительно организации и тактики следственного действия в кабинете следователя в целях введения допрашиваемого в заблуждение и установления места нахождения разыскиваемого ружья (орудия преступления): «...на очередном допросе в кабинет следователя вошел оперативный работник с таким ружьем, завернутым в мешковину, и сказал следователю, что он наконец-то выполнил его поручение»². В дальнейшем эта инсценировка, подкрепленная демонстрацией улики, а также логичное оперирование информацией способствовали признанию вины в совершенном преступлении, отысканию и изъятию оружия.

Но вот что автор пишет о ситуации, когда у адвоката или в суде возникнет вопрос о правомерности воздействия на допрашиваемого: «...ответ может быть ясным и конкретным: компания пригласила следователя на охоту, а нет ружья, и оперативный работник вырубил его, предоставив свое ружье. А реальное ружье обнаружено и фигурирует в данном уголовном деле»³.

Думается, что в первой цитируемой части текста разыграна классическая криминалистическая тактическая операция, в которой решались задачи создания у подозреваемого впечатления об установлении места нахождения и изъятии орудия преступления, а также о наличии иных сведений, способствовавших этому (формированию преувеличенного представления об осведомленности следователя относительно обстоятельств события). Если проведенное следственное действие дало положительный результат, можно признать высокий интеллектуальный уровень следователя и его профессио-

нализм, так как невиновный на эти манипуляции не отреагирует. Однако здесь есть определяющий момент относительно организационного компонента следственного действия – допроса.

Так, в соответствии с положениями ч. 4 ст. 192 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) следователь или лицо, производящее дознание, вправе привлечь к участию в следственных действиях работника органа дознания, однако из содержания описываемого примера непонятно, являлся ли оперативный работник участником следственного действия, вносилось ли в протокол допроса описание действий с участием оперативного работника (демонстрация предмета с определенными параметрами, завернутого в ткань определенного цвета), вносились ли в протокол допроса слова, сказанные оперативным работником, подписывал ли он этот документ.

Если все вышеперечисленное не имело места, полученные сведения или признания могут быть квалифицированы как достоверные, относимые, но недопустимые, так как они получены с несоблюдением процедуры следственного действия. Возможно, именно такие ситуации подразумеваются под «иными незаконными действиями» в ч. 1 ст. 394 Уголовного кодекса Республики Беларусь, устанавливающей ответственность за принуждение к даче показаний.

Что же касается возможной ситуации в суде или в общении с адвокатом, то после анализа и обобщения слов оперативного работника можно сделать вывод о его преднамеренной лжи (заведомо ложном показании). Именно это и есть обман (ложь), к которому следует относиться отрицательно и который подлежит выявлению и оценке в суде в ходе объективного, всестороннего и полного судебного следствия. В этом контексте также необходимо отметить, что формально неразработанный в УПК процессуальный статус работника органа дознания, участвующего в проведении следственного действия, с одной стороны, дает возможность для осуществления таких простых тактических операций во взаимодействии со следователем, а с другой – создает условия для оказания психологического воздействия, правомерность и допустимость которого проблематично оценить. Следует также отметить, что этот субъект в уголовном процессе не может быть ни экспертом, ни специалистом (лицом, не заинтересованным в исходе дела, согласно положениям ст. 61, 62 УПК). Остается статус свидетеля, однако что в этом случае может сообщить работник органа дознания по существу, свидетелем

²Румянцев А. Ю. Допустимая дезинформация в процессе раскрытия и расследования преступлений // Проблемы в рос. законодательстве. 2013. № 5. С. 223.

³Там же. С. 224.

(очевидцем) чего он являлся? По данному вопросу необходимо провести дальнейшее исследование и законодательную проработку: определить статус, права и обязанности, круг вопросов, по которым он (работник органа дознания) может быть допрошен, и др.

В адвокатской практике также существуют своеобразные способы использования обмана, к которому прибегают для поддержания репутации честности в сфере профессиональной этики. Так, в размышлении известного российского адвоката М. Ю. Барщевского по поводу необходимости сохранения профессиональной тайны заявляется, что, когда адвокату от его клиента станет известно о намерении отравить десятки тысяч людей, он (адвокат) «...должен применить все свое мастерство для того, чтобы переубедить, может быть, даже солгать и сказать, что будет расстрел – понимая, что его не будет, – напугать, как угодно сделать так, чтобы не допустить этого преступления. Но стучать адвокат не может – вот такая вот его судьбина. Все равно. Потому что иначе мы никогда не договоримся, где грань»⁴. Однако далее от имени М. Ю. Барщевского излагается следующее: «Просто у каждого есть своя функция. Другое дело, что умный адвокат сделает очень просто, – хитрый, умный адвокат в наших условиях. Он расскажет об этом случае по телефону какому-нибудь из известных адвокатов со стопроцентной гарантией того, что телефон прослушивается. Таким образом, он не раскрыл тайну. Никуда не стучал, посоветовался с коллегой – раскрытие тайны коллеги возможно. Ну а люди как бы узнали. Но это в том случае, если у нас телефоны прослушиваются»⁵.

Заключение

Таким образом, мы видим, как в двух приведенных выше примерах отрицание объективности обмана и лжи может привести к совершению преступления и возникновению отношений, сравнимых с предательством, недопустимым в сфере правоохранительной деятельности как с точки зрения права, так и с точки зрения профессиональной этики. Именно эти критерии в рамках криминалистики следует считать определяющими незаконность и неэтичность тактического приема (способа) проведения следственного действия или ОРМ.

Указанные примеры позволяют сделать вывод, что в правоохранительной деятельности существуют отношения, складывающиеся по поводу обмана и лжи. Они создаются, развиваются и прекращаются в правовой и процессуально-правовой сферах, в области профессиональной этики, а также (это ка-

Таким образом, следует подчеркнуть, что адвокатом использовались знания о сущности ОРД, ее методах и особенностях проведения ОРМ, требующих санкционирования прокурором. Также следует обратить внимание на то, как обман, по мнению адвоката, действующего в соответствии с профессиональной этикой, перестает быть таковым, превращается в хитрость и интеллектуальность в зависимости от способа донесения информации до компетентного правоохранительного органа, однако, по сути, не перестает быть обманом. В проведенной адвокатом тактической операции по доставке информации о планируемом преступлении есть и отрицательные моменты. Во-первых, непонятно, каким образом он узнает о прослушивании телефона, так как это ОРМ, проводимое негласно. Во-вторых, адресат информации (другой известный адвокат) оказывается в серьезной правовой ситуации, связанной с недоносительством о преступлении, поскольку он не осведомлен о прослушивании телефона и может воспринять передаваемую ему информацию не критично. В-третьих, непонятно, какие последствия прогнозирует адвокат в случае, если планируемое преступление все же осуществится, ведь его последствия неотвратимы. В-четвертых, решение такой проблемы четко показано в кинофильме «Основной инстинкт 2», где профессиональный психолог на провокационный вопрос клиента отвечает, что, если речь идет о преступлении в прошлом, он обязан сохранить это в тайне, если речь идет о преступлении в будущем, он официально сообщит об этом. Это решение психолога логично укладывается в понимание профессиональной этики.

сается криминалистики и ОРД) в рамках тактики, познаваемой через искусство интеллектуального взаимодействия [9]. Интеллектуальность включает понимание характера отношений в сфере взаимодействия преступности и преступлениям, принципов правоохранительной деятельности, способов выявления, пресечения и расследования преступлений и их предупреждения, а также этичности поведения должностных лиц государственных органов при выполнении ими служебных обязанностей. Интеллектуальный аспект обмана и лжи изучается в рамках тактики следственных действий и проведения ОРМ, где проблема указанного феномена решается определением контекста взаимодействия специального субъекта (следователь, лицо, производящее дознание, сотрудник оперативного подразделения, прокурор и судья) с другим специальным

⁴Цит. по: *Короткова П. Е.* Нравственные основы адвокатской тайны [Электронный ресурс]. URL: <https://echo.msk.ru/programs/opponent/48048/> (дата обращения: 11.11.2021).

⁵Там же.

субъектом (лицо, причастное к совершению преступления или имеющее о нем информацию), а также с защитником по уголовному делу (адвокат).

Этот контекст взаимодействия определяется следующим.

1. Представления об обмане и лжи отражены в законодательстве, обусловленном социально-экономическими и политическими, культурными условиями существования общества и государства в конкретный период развития. В объективной реальности, созданной из социальных конструктов, обман и ложь абсолютно подлинны и используются субъектами исходя из своих интересов (целей). Проблема заключается в оценке фактов: кто, когда, что и каким способом сделал (интеллектуальный аспект), в какой обстановке, условиях и ситуации это произошло (контекст), каковы цели и последствия (вредные или полезные как в личном, так и в общественном понимании), какие социальные конструкты (право, процедура и этика) были нарушены или соблюдены. Отрицание функциональных (коммуникативных) свойств обмана и лжи приводит к их приумножению, превращению в преступление и предательство. Именно это положение может являться критерием недопустимости в сфере криминалистики, ОРД, а также судебной и профессиональной этики.

2. В правоохранительной сфере и уголовном процессе мораль и этика реализуются в профессиональной деятельности должностного лица. Законность принятия тех или иных решений определяется в ходе установления допустимости конкретного доказательства в процессе доказывания, что оценивается приговором суда. Рамки тактической активности в состоянии взаимодействия в условиях

интеллектуального соперничества – это область профессионального искусства или мастерства, проявляющихся при осуществлении ОРМ и проведении следственных действий, которые могут ограничиваться только законом, процедурами проведения и целями (задачами), установленными законодательством. Приоритет отдается обеспечению правильного применения закона с тем, чтобы каждый, кто совершил преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Все, что предусмотрено (закреплено) законодательством, – это государственно-правовые средства, разработанные научно, подтвержденные практикой, которые могут и должны применяться. То, что установлено законодательно, законно и, по сути, не содержит обмана, так как всем понятно: в отношении лиц, готовящих преступление, совершающих и совершивших его, все правовые средства, технологии и интеллектуальные потенциалы применяются в полном объеме.

3. Криминалистический контекст обмана и лжи позволяет рассматривать их не только как антипод правды и истины, но и как допустимый компромисс между ними. Истинность преступной деятельности заключается в том, что преступник, поступая по своей правде, использует ложь и обман как инструмент или способ совершения деяния для того, чтобы обман или ложь стали истинными. Следователь или оперативный работник в рамках тактики проведения следственных действий или осуществления ОРМ используют обман (ложь) как составляющий (не основной) элемент в комбинации приемов, способов для того, чтобы истинный факт стал доказанным.

Библиографические ссылки

1. Дубровский ДИ. *Обман. Философско-психологический анализ*. Москва: Канон+; 2010. 336 с.
2. Харари ЮН. *Краткая история человечества*. Москва: Синдбад; 2019. 512 с.
3. Строгович МС, Кореневский ЮВ, Зайцев ЕА, Киселев ЯС. *Проблемы судебной этики*. Москва: Наука; 1974. 272 с.
4. Дулов АВ. *Судебная психология*. Минск: Вышэйшая школа; 1975. 464 с.
5. Бахин ВП. *Тактика – профессионализм и мастерство при общении*. Киев: Издательство Семенко Сергея; 2006. 116 с.
6. Ларин АМ. *Криминалистика и паракриминалистика*. Москва: БЕК; 1996. 192 с.
7. Богданов БЕ, Васильев АН, Герасимов ВН, Герасимов ВП, Колдин ВЯ, Полев НС и др. *Криминалистика*. Васильев АН, редактор. Москва: Издательство Московского университета; 1980. 496 с.
8. Аверьянова ТВ, Белкин РС, Корухов ЮГ, Россинская ЕР. *Криминалистика*. Белкин РС, редактор. Москва: НОРМА; 1999. 990 с.
9. Красиков ВС. Криминалистический контекст обмана и лжи: интеллектуальный аспект тактики. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2021;2:103–109.

References

1. Dubrovskii DI. *Obman. Filosofsko-psikhologicheskii analiz* [Deception. Philosophical and psychological analysis]. Moscow: Canon+; 2010. 336 p. Russian.
2. Harari YuN. *Kratkaya istoriya chelovechestva* [Brief history of mankind]. Moscow: Sindbad; 2019. 512 p. Russian.
3. Strogovich MS, Korenevskii YuV, Zaitsev EA, Kiselev YaS. *Problemy sudebnoi etiki* [Problems of judicial ethics]. Moscow: Nauka; 1974. 272 p. Russian.
4. Dulov AV. *Sudebnaya psikhologiya* [Forensic psychology]. Minsk: Vyshjeishaja shkola; 1975. 464 p. Russian.

5. Bakhin VP. *Tactika – professionalizm i mastrestvo pri obshchenii* [Tactics is a professionalism and skill in communication]. Kyiv: Izdatel'stvo Semenka Sergeya; 2006. 116 p. Russian.
6. Larin AM. *Kriminalistika i parakriminalistika* [Criminalistics and paracriminalistics]. Moscow: BEK; 1996. 192 p. Russian.
7. Bogdanov BE, Vasil'ev AN, Gerasimov VN, Gerasimov VP, Koldin VYa, Polev NS, et al. *Kriminalistika* [Criminalistics]. Vasil'ev AN, editor. Moscow: Publishing House of Moscow University; 1980. 496 p. Russian.
8. Aver'yanova TV, Belkin RS, Korukhov YuG, Rossinskaya ER. *Kriminalistika* [Criminalistics]. Belkin RS, editor. Moscow: NORMA; 1999. 990 p. Russian.
9. Krasikau US. Forensic context of deception and lies: the intellectual aspect of tactics. *Journal of the Belarusian State University. Law*. 2021;2:103–109. Russian.

Статья поступила в редакцию 11.02.2022.
Received by editorial board 11.02.2022.

ГРАЖДАНСКАЯ ПОЗИЦИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПРОФЕССОРА И. И. ГОРЕЛИКА

О. З. РЫБАКЛЮЧЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуется научное творчество профессора И. И. Горелика в вопросах организации работы с добровольными дружинами, изучаются его активная гражданская позиция, подходы ученого к участию населения в охране общественного порядка. Отмечается, что взгляды и подходы И. И. Горелика и сегодня не утратили своей актуальности, в связи с чем обосновывается необходимость признания добровольных дружин объектом кадровой политики и приоритетным источником формирования кадрового потенциала органов внутренних дел.

Ключевые слова: добровольная дружина; И. И. Горелик; кадровая политика в органах внутренних дел; общественный порядок; объекты кадровой политики; члены добровольной дружины.

CIVIL POSITION IN THE RESEARCH OF PROFESSOR I. I. GORELIK

O. Z. RYBAKLYUCHEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The scientific work of professor I. I. Gorelik in the organisation of work with volunteer squads, his active civic position, the views of the scientist on the participation of citizens in the protection of public order and their training are studied. It is noted that the views and approaches of the scientist have not lost their relevance today, in connection with it the necessity of recognising volunteer squads as an object of personnel policy and a priority source of forming the personnel potential of internal affairs bodies is substantiated.

Keywords: voluntary squad; I. I. Gorelik; personnel policy in the internal affairs bodies; public order; personnel policy objects; members of the voluntary squad.

Введение

В истории отечественной юридической науки известны деятели, чья гражданская позиция привлекала к себе особое внимание, оказывалась предметом обсуждений не только среди исследователей. Заметное место среди них, несомненно, принадлежит Иосифу Исааковичу Горелику.

Бесспорно, в библиографии профессора И. И. Горелика есть весьма значимые для теории и практики применения уголовного права научные и на-

учно-практические издания: «Правовые аспекты пересадки органов и тканей» (1961), «Квалификация преступлений, опасных для жизни и здоровья» (1973), «Применение уголовного законодательства в судебной практике БССР» (1982), 7 изданий научно-практических комментариев к уголовным кодексам БССР. Кроме того, профессор И. И. Горелик выступил автором и редактором двухтомного учебника «Уголовное право БССР» (1978).

Образец цитирования:

Рыбаключева ОЗ. Гражданская позиция в исследованиях профессора И. И. Горелика. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2022;1:80–84.

For citation:

Rybaklyucheva OZ. Civil position in the research of professor I. I. Gorelik. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2022;1:80–84. Russian.

Автор:

Ольга Зайниевна Рыбаключева – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры уголовного права юридического факультета.

Author:

Olga Z. Rybaklyucheva, PhD (law), docent; associate professor at the department of criminal law, faculty of law. o.malikova@rambler.ru

Вклад И. И. Горелика в развитие уголовного права Республики Беларусь огромен, проблематика его работ достаточно широка, научное наследие профессора является предметом многочисленных исследований по различным направлениям уголовного права. Наряду с этим И. И. Горелик принимал активное участие в общественной жизни, в научных обществах, не просто имел определенные убеждения,

а активно защищал и пропагандировал их, выступая с докладами, публикуя научные издания и статьи. Среди работ И. И. Горелика выделяется написанный в соавторстве с Е. А. Матвиенко сборник «Народным дружинникам о советских законах» [1], вышедший в 1961 г., который только на первый взгляд является публицистическим. Очерки свидетельствуют о высокой гражданской позиции их авторов.

Основная часть

Как отмечают И. И. Горелик и Е. А. Матвиенко, инициатива создания народных дружин принадлежала коллективам ряда крупнейших предприятий Санкт-Петербурга, была поддержана трудящимися Москвы, Саратова, Рязани, Минска и других городов и только потом получила законодательный статус путем издания постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 2 марта 1959 г. № 218 «Об участии трудящихся в охране общественного порядка». Данное постановление признало необходимость повсеместной организации добровольных народных дружин и обязало органы милиции, прокуратуры и суда оказать им всемерную помощь [1, с. 9]. Одновременно ЦК КПСС и Совет Министров СССР одобрили проект временного положения о добровольных народных дружинах и поручили ЦК компартий и советам министров союзных республик утвердить его с учетом местных условий. Во исполнение этого постановления ЦК КПБ и Совет Министров БССР решением от 12 марта 1959 г. утвердили временное положение о народных дружинах на территории Белорусской ССР. Авторы отмечают, что только в указанный период в БССР свыше 120 тыс. человек вступили в ряды народных дружин [1, с. 10].

По мнению И. И. Горелика и Е. А. Матвиенко, добровольные народные дружины являются одной из наиболее массовых и демократических форм участия трудящихся в поддержании общественного порядка. Высказанное более 60 лет назад мнение оказалось весьма прогрессивным и не потеряло своей актуальности и сегодня.

В настоящее время право граждан на участие в охране правопорядка согласно положениям Закона Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 214-З «Об участии граждан в охране общественного порядка» (далее – Закон об участии граждан в охране общественного порядка) предусмотрено в следующих формах:

- индивидуальное участие;
- внештатное сотрудничество с правоохранительными органами, органами и подразделениями по чрезвычайным ситуациям, органами пограничной службы Республики Беларусь;
- участие в объединениях граждан, содействующих правоохранительным органам в охране правопорядка;
- членство в добровольных дружинах;

- участие в советах общественных пунктов охраны правопорядка.

В соответствии со ст. 10 Закона об участии граждан в охране общественного порядка «добровольная дружина представляет собой основанное на членстве объединение граждан Республики Беларусь, принимающее участие в охране правопорядка и осуществляющее свою деятельность под руководством уполномоченных должностных лиц органов местного управления или иных юридических лиц, его создавших». Можно отметить, что такое определение созвучно с точкой зрения И. И. Горелика и Е. А. Матвиенко, которые под добровольной народной дружиной понимали самодеятельные общественные объединения граждан по охране общественного порядка [1, с. 78].

Определенный авторами 60 лет назад производственно-территориальный принцип создания добровольных народных дружин и сегодня является актуальным. Так, п. 3 Примерного положения о добровольной дружине, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 17 октября 2003 г. № 1354, определяет данный принцип и устанавливает при этом необходимость решения органа местного управления, позволяющего участие в охране правопорядка на территории района, сельсовета, города, поселка городского типа, района в городе, либо решения органа управления иного юридического лица, позволяющего участие в охране правопорядка на его территории.

В качестве задач, возложенных на народные дружины, учеными выделяются следующие: защита чести и достоинства граждан, пресечение любых нарушений общественного порядка и правил общежития, борьба с хулиганством, пьянством и другими аморальными явлениями, проведение широкой предупредительной и разъяснительной работы среди населения [1, с. 77].

Действующее законодательство Республики Беларусь определяет основную задачу добровольной дружины – содействие правоохранительным органам (включая органы внутренних дел), органам и подразделениям по чрезвычайным ситуациям, органам пограничной службы Республики Беларусь в охране правопорядка, а также устанавливает для нее следующие функции:

- участие в охране общественного порядка, жизни и здоровья граждан и их собственности;

- участие в деятельности по профилактике и пресечению правонарушений;
- участие в обеспечении безопасности дорожного движения;
- участие в охране общественного порядка в случае возникновения чрезвычайных ситуаций;
- участие в обеспечении пожарной безопасности, охране окружающей среды;
- участие в обучении граждан основам безопасного поведения в общественных местах и обеспечения безопасности жилища, а также в обучении приемам самозащиты;
- участие в мероприятиях по охране и защите Государственной границы Республики Беларусь (ст. 11, 12 Закона об участии граждан в охране общественного порядка соответственно).

Обозначая критерии для приема граждан в народную дружину (граждане СССР не моложе, как правило, 18 лет; подача личного заявления в общественную организацию по месту работы или по месту жительства; наличие рекомендации собрания коллектива, в котором состоят претенденты в народную дружину), И. И. Горелик и Е. А. Матвиенко отмечают, что окончательно вопрос о приеме новых членов решается собранием самой дружины. При этом в нее должны приниматься только лучшие люди – передовики производства, пользующиеся авторитетом и уважением коллектива. И, как отмечают ученые, в советский период граждане со всей ответственностью подходили к вопросу о рекомендациях, о чем свидетельствует факт отказа только в Белорусской ССР в рекомендациях для поступления в дружины более чем 600 лицам, подавшим заявление [1, с. 79].

Сегодня требования к членам добровольной дружины (граждане Республики Беларусь, достигшие восемнадцатилетнего возраста, способные по своим деловым и моральным качествам, а также состоянию здоровья осуществлять деятельность по участию в охране правопорядка) и категории лиц, которые не могут быть членами добровольной дружины (граждане, имеющие судимость, состоящие на учете в лечебно-профилактических организациях по поводу психического заболевания, наркомании или алкоголизма, признанные решением суда недееспособными или ограниченно дееспособными, привлекавшиеся в течение года до дня подачи заявления к административной ответственности), четко определены в ст. 14 Закона об участии граждан в охране общественного порядка.

Реализация основных задач и функций добровольной дружины невозможна без взаимодействия с правоохранительными органами, органами и подразделениями по чрезвычайным ситуациям, органами пограничной службы Республики Беларусь. В связи с этим добровольные дружины и их члены будут выступать в качестве объекта кадровой политики названных ранее подразделений и органов. Необходимо отметить, что четкое обозначение объ-

екта кадровой работы в органах внутренних дел предопределяет разработку кадровой политики как системы управления в них, поскольку каждому объекту должен соответствовать определенный объем функций и полномочий субъекта кадровой политики, ограниченный объектом управленческого регулирования. При этом характер и состояние объекта кадровой политики «оказывают обратное воздействие на субъект, на содержание и технологии его регулирующего воздействия» [2, с. 137].

Несомненно, предметно-практическая деятельность, степень и методы воздействия субъектов кадровой политики в органах внутренних дел на добровольные дружины и их членов обусловлены возложенными на них задачами и функциями и существенно отличаются от содержания, а также характера воздействия на другие объекты кадровой политики (руководители и сотрудники органов внутренних дел, гражданский персонал, кандидаты для приема на службу в органы внутренних дел и др.). Одной из форм взаимодействия органов внутренних дел с добровольной дружиной является обучение ее членов формам и методам участия в охране общественного порядка, жизни и здоровья граждан и их собственности, деятельности по профилактике и пресечению правонарушений и другим направлениям деятельности добровольных дружин, в том числе путем издания соответствующих брошюр, буклетов, практических пособий. Следует отметить, что сборник очерков И. И. Горелика и Е. А. Матвиенко «Народным дружинникам о советских законах» оказался весьма своевременным и был призван оказать помощь народным дружинам, созданным в СССР в 1959 г.

Обозначенные авторами задачи народных дружин определили структуру данного издания. Так, И. И. Горелик и Е. А. Матвиенко, используя простой язык, однако не утрачивая при этом научности в изложении материала, достаточно детально рассматривают понятия «закон» и «подзаконный акт», уделяют значительное внимание кодификации законодательства, а также раскрывают основные принципы действия закона (действие по времени, действие по кругу лиц, обратная сила закона). Целый раздел первой главы посвящен ответственности иностранных граждан.

Нарушения общественного порядка и меры борьбы с ними рассматриваются в отдельной главе. Несмотря на широкое использование в законодательстве и повседневной жизни, термин «общественный порядок» в настоящее время законодательного и устоявшегося доктринального толкования не имеет. В справочной литературе под порядком понимается «правильное, налаженное состояние, расположение чего-нибудь; последовательный ход чего-нибудь; правила, по которым совершается что-нибудь; существующее устройство, режим» [3, с. 829].

Обеспечение личной безопасности граждан, защита прав, свобод и законных интересов физиче-

ских и юридических лиц как неотъемлемых естественных ценностей могут быть реализованы лишь при надлежащем состоянии общественного порядка. Общественный порядок и его охрана имеют не только научное, но и практическое значение, поскольку члены добровольной дружины участвуют в охране общественного порядка.

Анализ действующего законодательства свидетельствует о том, что термин «общественный порядок» используется во многих значениях. Данное понятие употребляется в ряде законодательных актов государства и, в частности, в Конституции Республики Беларусь, Законе Республики Беларусь от 17 июля 2017 г. № 263-З «Об органах внутренних дел», а также в других законах и подзаконных нормативных правовых актах. Вместе с тем в уголовном праве используется его доктринальное толкование.

Так, исходя из положений общей теории права, Ф. Е. Колонтаевский под общественным порядком в широком смысле понимает «весь строй, всю систему общественных отношений, существующих в определенном обществе»¹. Аналогичный подход к дефиниции общественного порядка прослеживается среди представителей различных отраслей права. Так, В. С. Егоров определяет общественный порядок как «совокупность волевых общественных отношений, которые складываются в области обеспечения установленных в общественных местах правил поведения, соблюдение общественного спокойствия и нравственности, телесной и психической неприкосновенности граждан, отношений собственности» [4, с. 4].

Общественный порядок в широком смысле обеспечивается и охраняется всей системой органов государства. Так, авторы учебного пособия по дисциплине «Административная деятельность органов внутренних дел» под общественным порядком в широком смысле понимают «сложившийся и закрепленный в конституции (и иных законодательных актах) общественный и государственный строй, отвечающий интересам граждан и обеспечивающий благоприятные условия социального развития» [5, с. 6].

Рассмотрение общественного порядка в узком смысле осуществляется, как правило, в административном и уголовном праве. По мнению ученых, общественный порядок в узком понимании – это юридическая категория, которая характеризует состояние социальной урегулированности, при котором обеспечиваются право на жизнь и здоровье

граждан, иные права и свободы, общественное спокойствие [6].

Наиболее распространенной в специальной литературе является трактовка общественного порядка как урегулированных правом социальных связей, складывающихся прежде всего в общественных местах.

Поэтому весьма прогрессивно И. И. Горелик и Е. А. Матвиенко определяли общественный порядок как «порядок, установленный законом» [1, с. 26], целью которого авторы называли обеспечение безопасности и покоя граждан, а также сохранности государственного и личного имущества. При этом, по мнению ученых, нарушения общественного порядка выражаются в совершении преступлений, административных и дисциплинарных проступков.

Авторы издания «Народным дружинам о советских законах» также раскрывают значение понятия «преступление», уделяя большое внимание признаку вины, анализируют субъект преступления и ответственность соучастников, проводят разграничение между административным и дисциплинарным проступками, объясняют понятия «необходимая оборона» и «крайняя необходимость». Следует отметить, что для уяснения теоретических положений широко используются практические примеры и их анализ.

В одной из глав авторы рассматривают меры, применяемые к нарушителям общественного порядка: раскрывают содержание уголовных наказаний и административных взысканий, перечисляют виды дисциплинарных взысканий. Значительное внимание уделено характеристике мер общественного воздействия и случаям, когда они могут быть применены.

Последняя глава анализируемого издания посвящена рассмотрению отдельных преступлений и проступков, таких как хулиганство (проведено разграничение уголовно и административно наказуемого хулиганства), незаконное владение оружием (огнестрельным и холодным), самоуправство (под ним понимается «самовольное осуществление своего действительного или предполагаемого права, причинившее кому-либо существенный вред» [1, с. 89]), нарушение правил движения автотранспорта, оскорбление, клевета (проведено разграничение данных понятий), оставление в опасности и неоказание помощи, обвешивание и обмеривание покупателей (проведено разграничение обмана покупателей как уголовно наказуемого деяния и как проступка) и др.

Заключение

Принимая участие в охране общественного порядка, жизни и здоровья граждан и их собственности, в деятельности по профилактике и пресечению

правонарушений, а также в обеспечении безопасности дорожного движения, добровольная дружина и ее члены выступают в качестве объекта кадровой

¹Колонтаевский Ф. Е. Организационные основы охраны общественного порядка в современных условиях : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02. М., 1996. С. 13.

политики в органах внутренних дел и, безусловно, могут являться одним из приоритетных источников формирования их кадрового потенциала. Воздействие на данный объект кадровой политики органов внутренних дел необходимо осуществлять как опосредованно, через соответствующие демократические и законодательные механизмы, так и непосредственно, путем оказания помощи в освоении форм и методов участия в охране общественного порядка и реализации иных функций добровольных

дружин. Одной из форм обучения, несомненно, выступает издание брошюр, буклетов, практических пособий соответствующей тематики.

Идут годы, но интерес к личности профессора И. И. Горелика не ослабевает. Активная научная работа и гражданская позиция Иосифа Исааковича нашли отражение в действующем законодательстве Республики Беларусь и стали основой для проводимых в современный период научных исследований.

Библиографические ссылки

1. Горелик ИИ, Матвиенко ЕА. *Народным дружинникам о советских законах*. Минск: Государственное издательство БССР; 1961. 97 с.
2. Сулемов ВА. *Государственная кадровая политика в современной России: теория, история, новые реалии*. Москва: РАГС; 2005. 388 с.
3. Ожегов СИ, Шведова НЮ. *Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7500 фразеологических выражений*. Москва: АЗЪ; 1993. 955 с.
4. Егоров ВС. *Уголовная ответственность за преступление против общественной безопасности и общественного порядка*. Москва: Московский психолого-социальный институт; 2000. 64 с.
5. Круглов ВА, Рябцев ЛМ, Гракович ОИ, Клишко ЛФ, Ковальков НФ. *Административная деятельность органов внутренних дел*. Минск: Академия МВД Республики Беларусь; 1999. 346 с.
6. Коренев АП, редактор. *Административная деятельность органов внутренних дел. Часть особенная*. Москва: Щит-М; 2007. 346 с.

References

1. Gorelik II, Matvienko EA. *Narodnym druzhinnikam o sovetskikh zakonakh* [To the people's vigilantes about Soviet laws]. Minsk: Gosudarstvennoe izdatel'stvo BSSR; 1961. 97 p. Russian.
2. Sulemov VA. *Gosudarstvennaya kadrovaya politika v sovremennoi Rossii: teoriya, istoriya, novye realii* [State personnel policy in modern Russia: theory, history, new realities]. Moscow: Rossiiskaya akademiya gosudarstvennoi sluzhby; 2005. 388 p. Russian.
3. Ozhegov SI, Shvedova NYu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 72 500 slov i 7500 frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory dictionary of the Russian language: 72 500 words and 7500 phraseological expressions]. Moscow: AZ; 1993. 955 p. Russian.
4. Egorov VS. *Ugolovnaya otvetstvennost' za prestuplenie protiv obshchestvennoi bezopasnosti i obshchestvennogo poryadka* [Criminal responsibility for crimes against public safety and public order]. Moscow: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut; 2000. 64 p. Russian.
5. Kruglov VA, Ryabtsev LM, Grakovich OI, Klimko LF, Koval'kov NF. *Administrativnaya deyatel'nost' organov vnutrennikh del* [Administrative activity of the internal affairs bodies]. Minsk: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus; 1999. 346 p. Russian.
6. Korenev AP, editor. *Administrativnaya deyatel'nost' organov vnutrennikh del. Chast' osobennaya* [Administrative activities of the internal affairs bodies. Part special]. Moscow: Shchit-M; 2007. 346 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 11.02.2022.
Received by editorial board 11.02.2022.

УДК 343.1+341.1/8

СОПРИКОСНОВЕНИЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА БЕЛАРУСИ С ПРАКТИКОЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

В. И. САМАРИН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируется ряд решений Европейского суда по правам человека с целью дать рекомендации органам Республики Беларусь, ведущим уголовный процесс, по формулированию процессуальных документов, составляемых в рамках оказания международной правовой помощи, для реализации задач уголовного процесса в отношении общеуголовной преступности. Установлено, что соприкосновение уголовного процесса Беларуси с практикой указанного суда происходит в случаях, когда лицо полагает, что решения должностных лиц государства пребывания (члена Совета Европы), принятые на основании просьбы органа Республики Беларусь, ведущего уголовный процесс, гипотетически могут привести к нарушению его прав, охраняемых Конвенцией о защите прав человека и основных свобод. В заключении сформулированы важные правовые позиции Европейского суда по правам человека для достижения эффективности оказания Беларуси международной правовой помощи по уголовным делам в отношении с государствами – членами Совета Европы.

Ключевые слова: уголовный процесс; международная судебная защита; международная правовая помощь по уголовным делам; международно-правовая парадигма; Европейский суд по правам человека.

INTERFERENCE OF THE CRIMINAL PROCEDURE OF BELARUS WITH THE JURISPRUDENCE OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

V. I. SAMARYN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article analyses a number of decisions of the European Court of Human Rights in order to give recommendations to the agencies of the Republic of Belarus conducting criminal proceedings on the formulation of procedural documents drawn up within the framework of the international legal assistance for the implementation of the tasks of criminal procedure in relation to ordinary crimes. It has been determined that the criminal procedure of Belarus interferes with the practice of the mentioned court in cases where a person believes that the decisions of officials of the host state (a member of the Council of Europe), adopted on the basis of a request from the agency of the Republic of Belarus conducting the criminal proceedings, may hypothetically lead to a violation of his rights protected by the Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms. The conclusion formulates the legal positions of the European Court of Human Rights, which are important for achieving the effectiveness of the provision of international legal assistance in criminal matters to Belarus in relations with the member states of the Council of Europe.

Keywords: criminal procedure; international judicial protection; international legal assistance in criminal matters; international legal paradigm; European Court of Human Rights.

Образец цитирования:

Самарин В.И. Соприкосновение уголовного процесса Беларуси с практикой Европейского суда по правам человека. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2022;1:85–89.

For citation:

Samaryn V.I. Interference of the criminal procedure of Belarus with the jurisprudence of the European Court of Human Rights. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2022;1:85–89. Russian.

Автор:

Вадим Игоревич Самарин – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета.

Author:

Vadim I. Samaryn, PhD (law), docent; associate professor at the department of criminal procedure and directorate of public prosecutions, faculty of law.
samarynv@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0002-5315-4770>

Республика Беларусь не является членом Совета Европы, и считается, что решения Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) не могут иметь значения для правоотношений, возникающих на территории нашего государства. Однако благодаря процессам глобализации возникают ситуации, когда уголовный процесс Беларуси вынужден сталкиваться, хотя и косвенно, с позициями указанного органа международной судебной защиты. Настоящее исследование призвано дать рекомендации органам Республики Беларусь, ведущим уголовный процесс, по формулированию процессуальных документов, составляемых в рамках оказания международной правовой помощи, для реализации задач уголовного процесса в отношении общеуголовной преступности. Для достижения данной цели было проанализировано более 20 решений ЕСПЧ, в которых суд имел дело с правоотношениями, регулируемые Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – УПК Беларуси).

В связи с отсутствием у Беларуси статуса в Совете Европы в отечественной юридической литературе редко анализируется практика ЕСПЧ. В российской и украинской процессуальной литературе этот вопрос освещается широко, международной судебной защите посвящены отдельные исследования (например, Е. В. Рябцевой [1]). В Беларуси с позиций конституционного и международного публичного права лишь отдельные аспекты реализации ст. 61 Конституции Республики Беларусь, связанные с международной правовой защитой, были рассмотрены А. Е. Вашкевичем [2], Г. А. Василевичем [3, с. 226], И. И. Пляхимовичем [4, с. 1025–1053]. Однако анализ практики ЕСПЧ может быть полезен не только с точки зрения доктринальной аналитики и совершенствования отечественного законодательства. Выявление проблемных моментов в ходе хоть и косвенного вовлечения Беларуси при рассмотрении дел в ЕСПЧ позволяет повысить эффективность выстраивания отношений с государственными органами стран – членов Совета Европы.

На первый взгляд у граждан Беларуси нет правовых оснований для обращения в ЕСПЧ в случае нарушения их прав органами Республики Беларусь, ведущими уголовный процесс. Но белорусы не лишены права на обращение в данный судебный орган в абсолютном смысле. При нарушении (даже гипотетическом) прав белорусских граждан на территории государства – участника Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – ЕКПЧ) они могут обратиться в ЕСПЧ в отношении соответствующего государства. При рассмотрении такого обращения с точки зрения уголовно-процессуальных отношений могут возникнуть две ситуации.

1. Гражданин Республики Беларусь полагает, что действиями (решениями) должностных лиц государства пребывания в рамках национального уголовного процесса были нарушены его права, предусмотренные ЕКПЧ. В данном случае уголовный процесс Беларуси не соприкасается с рассматриваемым международно-правовым инструментом (даже если нарушение было связано с оказанием нашему государству международной правовой помощи по уголовным делам).

2. Гражданин Республики Беларусь полагает, что решения должностных лиц государства пребывания, принятые (или которые могут быть приняты) на основании просьбы органа Республики Беларусь, ведущего уголовный процесс, гипотетически могут привести к нарушению его прав, охраняемых ЕКПЧ (такая ситуация может возникнуть и в отношении граждан третьих государств и апатридов). Данный вариант поведения зачастую возникает при оказании органами иностранных государств международной правовой помощи по уголовным делам государственным органам Республики Беларусь. В этом случае национальный суд такого иностранного государства либо ЕСПЧ могут оценивать извне уголовный процесс Республики Беларусь, а также смоделированное участие заявителя в нем.

На основе анализа отдельных решений ЕСПЧ выделим следующие аспекты соприкосновения с уголовным процессом Беларуси:

- оценка допустимости оказания Беларуси международной правовой помощи по уголовным делам (прежде всего выдачи нашему государству лиц для осуществления уголовного преследования и (или) отбывания наказания);
- косвенная оценка институтов уголовно-процессуального права Беларуси.

ЕСПЧ рассматривает достаточно много дел, связанных с нарушением прав человека при оказании международной правовой помощи по уголовным делам как в рамках государств – членов Совета Европы, так и в отношении третьих государств (например, Беларуси). Наиболее часто встречаются дела, касающиеся **нарушений основополагающих прав человека при выдаче обвиняемых и осужденных**. Следует учитывать, что ЕСПЧ не осуществляет контроль за правильным применением законодательства об экстрадиции (*Altun v. Germany*)¹, так как его мандат ограничен проверкой соблюдения ЕКПЧ. В ходе изучения решений ЕСПЧ можно заметить, что зачастую вопросы применения уголовно-процессуального принуждения к лицу, запрашиваемому к выдаче, принятия решения о его выдаче (с учетом гипотетически возможного применения пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство об-

¹Case of Cemal Kemal Altun v. Germany [Electronic resource]. URL: <https://www.refworld.org/cases,COECOMMHR,3ae6b6f7c.html> (date of access: 10.02.2022).

ращения или наказания, нарушения права на справедливое судебное разбирательство в запрашивающем государстве), передачи указанного лица (т. е. нарушение ст. 3, 5, 6, 13 ЕКПЧ) являются наиболее важными, ключевыми для заявителей, о чем свидетельствует повышенная активность последних, связанная с обжалованием в первую очередь именно этих позиций. Ссылку на ст. 5 (право на свободу и личную неприкосновенность) и ст. 13 (право на эффективное средство правовой защиты) ЕКПЧ мы не рассматриваем, так как в данных случаях речь идет о применении меры уголовно-процессуального принуждения либо отсутствии эффективного средства обжалования, принятого в рамках экстрадиционной процедуры решения в государстве – члене Совета Европы, к которому обращена просьба о выдаче лица.

Так, по делу *Puzan v. Ukraine* заявитель, прежде чем обратиться в ЕСПЧ, осуществлял свою защиту от экстрадиции главным образом путем обжалования вышеперечисленных уголовно-процессуальных действий, выполняемых в рамках процедуры выдачи лица для уголовного преследования (не находя защиты в пределах национальных средств). В своем решении суд посчитал содержание лица под стражей до решения вопроса о выдаче Украиной заявителя Беларуси нарушающим ст. 5 ЕКПЧ (право на свободу и личную неприкосновенность)². Однако нам интереснее данное решение в части оценки допустимости жалобы в отношении нарушения ст. 3, 6 ЕКПЧ. Здесь суд, обосновывая свою компетенцию, сослался на собственную позицию в известном деле *Soering v. UK*, когда передача лица в другое государство, «если были продемонстрированы достаточные основания полагать, что в случае экстрадиции лицо столкнется с реальным риском подвергнуться пытке, бесчеловечному, унижающему достоинство обращению или наказанию в запрашивающем государстве»³, была признана нарушением ст. 3 ЕКПЧ⁴. При этом в деле *Puzan v. Ukraine* сделана важная оговорка: «Ссылка на общие проблемы, касающиеся соблюдения прав человека в отдельной стране, не может самостоятельно служить основанием для отказа в экстрадиции». По мнению ЕСПЧ, заявитель не смог обосновать свои утверждения, что его экстрадиция в Беларусь

будет представлять собой нарушение ст. 3 или 6 ЕКПЧ, конкретными обстоятельствами⁵. Аналогичная позиция повторялась и в иных делах, связанных с выдачей лиц Республике Беларусь⁶. При этом ЕСПЧ отметил, что заявители в отдельных из указанных дел подвергались уголовному преследованию в Беларуси ранее (или уже отбывали наказание), но не указывали в своих заявлениях, что предыдущий опыт взаимодействия с уголовным процессом был связан с какими-либо обстоятельствами, которые могли бы обосновать серьезный риск жестокого обращения или несправедливого судебного разбирательства в будущем.

Для правоприменителей Беларуси может быть полезно решение по делу *K. v. Russia*, в котором ЕСПЧ в отношении заявителя – гражданина Республики Беларусь повторил требования, которым должны отвечать гарантии запрашивающего государства, выдаваемые запрашиваемому государству⁷. Список специальных критериев был сформулирован ранее в деле *Othman (Abu Qatada) v. UK*. Одним из таких критериев выступает оценка сформулированности таких гарантий в общих или конкретных терминах и возможность объективной проверки их соблюдения запрашивающим государством с помощью дипломатических или других механизмов контроля⁸. В указанном же деле ЕСПЧ посчитал, что заверения, данные белорусскими властями, носили скорее общий характер.

При изучении решений ЕСПЧ по отдельным делам было установлено, что в некоторых случаях Генеральная прокуратура Республики Беларусь, запрашивая выдачу лиц, предоставляла письменное обязательство в случае экстрадиции в Беларусь не подвергать заявителя никакому обращению, запрещенному ст. 3 ЕКПЧ, и обеспечить справедливое судебное разбирательство⁹, что соответствует ч. 5 ст. 494 УПК Беларуси. Иными словами, выход уголовного процесса на надгосударственный уровень приводит к необходимости соблюдения в государстве, не являющемся членом Совета Европы, органами, ведущими уголовный процесс, отдельных положений ЕКПЧ в частном случае.

На наш взгляд, для анализа практики оказания органам Республики Беларусь, ведущим уголовный

²Case of Puzan v. Ukraine [Electronic resource]. URL: <https://www.refworld.org/pdfid/4d42a1002.pdf> (date of access: 10.02.2022).

³Здесь и далее перевод наш. – В. С.

⁴Case of Soering v. the United Kingdom [Electronic resource]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%7B%22001-57619%22%7D> (date of access: 10.02.2022).

⁵Case of Puzan v. Ukraine [Electronic resource]. URL: <https://www.refworld.org/pdfid/4d42a1002.pdf> (date of access: 10.02.2022).

⁶Case of Kozhayev v. Russia [Electronic resource]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%7B%22001-111178%22%7D> (date of access: 10.02.2022) ; Case of Galejev v. Russia [Electronic resource]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/docx/pdf?library=ECHR&id=001-99018&filename=CASE%20OF%20GALEYEV%20v.%20RUSSIA.pdf&logEvent=False> (date of access: 10.02.2022).

⁷Case of K. v. Russia [Electronic resource]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf?library=ECHR&id=001-119627&filename=001-119627.pdf> (date of access: 10.02.2022).

⁸Case of Othman (Abu Qatada) v. the United Kingdom [Electronic resource]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre#%7B%22itemid%22:%7B%22001-108629%22%7D> (date of access: 10.02.2022).

⁹Case of Galejev v. Russia [Electronic resource]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/docx/pdf?library=ECHR&id=001-99018&filename=CASE%20OF%20GALEYEV%20v.%20RUSSIA.pdf&logEvent=False> (date of access: 10.02.2022) ; Case of Dubovik v. Ukraine [Electronic resource]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre#%7B%22itemid%22:%7B%22001-95081%22%7D> (date of access: 10.02.2022).

процесс, международной правовой помощи по уголовным делам при взаимодействии с органами государств – членом Совета Европы могут быть релевантны и решения по некоторым иным делам, рассмотренным ЕСПЧ.

Так, ЕСПЧ назвал неприемлемым в смысле подп. «f» п. 1 ст. 5 ЕКПЧ содержание лица под стражей в целях «выдачи в замаскированной форме» в деле *Bozano v. France*. Суд Франции отказал в ордере на выдачу заявителя Италии. Тогда власти Франции приняли постановление о его высылке, задержали, отвезли к границе со Швейцарией и передали лицо полиции этого государства. Из Швейцарии заявитель был экстрадирован в Италию¹⁰. В то же время, если лицо содержится под стражей в ходе нетипичной выдачи в отсутствие между государствами соответствующего международного договора (*Öcalan v. Turkey*), это не может быть признано нарушением ст. 5 ЕКПЧ¹¹.

В деле *Serçe v. Romania* ЕСПЧ вторгся в сферу международной правовой помощи по уголовным делам, указав, что положения международных договоров ограничиваются предоставлением межгосударственных процессуальных рамок для передачи осужденных лиц и не создают никаких субъективных прав как таковых. В любом случае эти типы международных инструментов не обязывают подписавшие государства выполнять просьбу о передаче осужденного. Несмотря на то что договор между Румынией и Турцией содержал основания для отказа в передаче лица, он не предписывал румынским властям принимать решение в пользу ходатайства заявителя о передаче его в государство гражданства для отбывания наказания. В целом ЕКПЧ не предоставляет заключенным право выбирать место содержания под стражей, а разлука с семьей и удаленность от нее в данном случае стали неизбежным следствием содержания под стражей после того, как румынское государство использовало свое прерогативы в области уголовного наказания¹².

В отдельных своих решениях ЕСПЧ дал косвенную оценку некоторых институтов уголовно-процессуального права Беларуси. Так, в решении по делу *Koktysh v. Ukraine* суд установил, что оправдательный приговор в отношении заявителя был отменен в рамках исключительной процедуры – над-

зорного производства. Без оценки непосредственно производства по делу заявителя ЕСПЧ отметил, что «в ряде дел подобная процедура была признана не соответствующей гарантиям справедливого судебного разбирательства»¹³ (имелись в виду прежде всего дела против государств – участников Совета Европы).

Органам Республики Беларусь, ведущим уголовный процесс, следует внимательно относиться к составлению процессуальных документов (особенно в части обоснованности), которые будут прилагаться к просьбам об оказании международной правовой помощи, так как они также могут стать предметом изучения в ЕСПЧ. Например, в деле *K. v. Russia* указано, что «решения белорусских государственных органов с описанием обстоятельств преступлений и выдвиганием подозрений в отношении заявителя подробны и аргументированы»¹⁴. Данный факт был одним из многих, который позволил заключить суду, что «экстрадиция заявителя в Беларусь не будет нарушением ст. 3 ЕКПЧ».

В деле *Kislov v. Russia* заявитель ссылаясь на процессуальные нарушения в ходе производства по уголовному делу в отношении него в Республике Беларусь, что привело к необходимости оценки ЕСПЧ как норм УПК Беларуси, так и их применения в уголовном деле заявителя. На основании такой оценки «суд признал судебное разбирательство в Беларуси безупречным, однако убедительно не доказано, что оно представляло собой “вопиющий отказ в правосудии”»¹⁵. При этом судьи ЕСПЧ приняли во внимание, что утверждения такого типа выдвинуты «беглецом, осужденным в запрашивающей стране». Суд не усмотрел причинно-следственной связи между предполагаемыми процессуальными нарушениями и риском физического жестокого обращения из-за них в случае экстрадиции заявителя для отбывания наказания в виде лишения свободы. В данном случае заявитель «не привел никаких аргументов, чтобы показать, что в конкретных обстоятельствах его дела ему грозит наказание, выходящее за рамки неизбежных страданий, присущих лишению свободы»¹⁶. Факт, что лицо может после выдачи столкнуться с обвинением в уголовном преступлении, влекущем тяжкое наказание или наказание, более тяжкое, чем в европейских государствах, сам по себе не является нарушением ст. 3 ЕКПЧ [5, с. 327].

¹⁰Case of *Bozano v. France* [Electronic resource]. URL: <https://www.refworld.org/cases,ECHR,4029fa4f4.html> (date of access: 10.02.2022).

¹¹Case of *Öcalan v. Turkey* [Electronic resource]. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:\[%22001-69022%22\]}](https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:[%22001-69022%22]}) (date of access: 10.02.2022).

¹²Case of *Serçe v. Romania* [Electronic resource]. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=001-155711&filename=001-155711.pdf&TID=ihgdqbxnfi> (date of access: 10.02.2022).

¹³Case of *Koktysh v. Ukraine* [Electronic resource]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=001-96114&filename=001-96114.pdf> (date of access: 10.02.2022).

¹⁴Case of *K. v. Russia* [Electronic resource]. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=001-119627&filename=001-119627.pdf> (date of access: 10.02.2022).

¹⁵Case of *Kislov v. Russia* [Electronic resource]. URL: https://www.stradalex.com/en/sl_src_publ_jur_int/document/echr_3598-10 (date of access: 10.02.2022).

¹⁶*Ibid.*

Таким образом, международно-правовая парадигма современного уголовного процесса Беларуси обеспечивает его соприкосновение с региональными международными инструментами в сфере прав человека и прежде всего ЕКПЧ. Взаимодействие наблюдается при выходе за пределы национальной правовой системы – получении международной правовой помощи по уголовным делам. Являясь предметом рассмотрения в ЕСПЧ, данные вопросы вызывают необходимость оценки состояния уголовного процесса Беларуси извне. Органам Республики Беларусь, ведущим уголовный процесс, запрашивающим международную правовую помощь по уголовным делам у государств – членов Совета Европы, следует анализировать практику ЕСПЧ по делам с косвенным вовлечением Беларуси, а также схожие дела по вопросам оказания такой помощи и оценивать материалы дела, составлять процессуальные документы с учетом позиций данного суда (в том числе связанных с предыдущей практикой направления соответствующих просьб органам иностранных государств).

На основе анализа ряда решений ЕСПЧ, касающихся выдачи (передачи) лиц, можно выделить следующие важные для Беларуси позиции:

- ЕСПЧ сформулировал тезис, который может быть положен в основу взаимодействия органов Республики Беларусь, ведущих уголовный процесс, с аналогичными органами государств – членов Совета Европы: ссылка лица на общие проблемы, касающиеся соблюдения прав человека в отдельной стране, не может самостоятельно служить основанием для отказа в выдаче лица для уголовного преследования либо отбывания наказания;
- гарантии, предоставляемые в письменном обязательстве при направлении просьбы о выдаче лица для осуществления уголовного преследования и отбывания наказания (ч. 4, 5 ст. 494 УПК Беларуси), должны носить не общий, а конкретный характер;
- положения международных договоров государств ограничиваются предоставлением межгосударственных процессуальных рамок для передачи осужденных лиц и не создают никаких субъективных прав как таковых.

Библиографические ссылки

1. Рябцева ЕВ. *Международная судебная защита по уголовным делам*. Москва: Проспект; 2017. 112 с.
2. Вашкевич АЕ. Конституционно-правовой институт обращения в международные органы для защиты прав и свобод личности. В: Бабкина ЕВ, редактор. *Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права. Выпуск 3*. Минск: БГУ; 2011. с. 5–15.
3. Василевич ГА. *Конституция Республики Беларусь: научно-практический комментарий*. Минск: ГИУСТ БГУ; 2005. 487 с.
4. Пляхимович ИИ. *Комментарий к Конституции Республики Беларусь. Том 1*. Минск: Амалфея; 2015. 1224 с.
5. Харрис Д, О'Бойл М. *Право Европейской конвенции по правам человека*. Москва: Развитие правовых систем; 2018. 1432 с.

References

1. Ryabtseva EV. *Mezhdunarodnaya sudebnaya zashchita po ugovolnym delam* [International judicial protection in criminal matters]. Moscow: Prospekt; 2017. 112 p. Russian.
2. Vashkevich AE. [Constitutional and legal institution of appeal to international bodies to protect the rights and freedoms of the individual]. In: Babkina EV, editor. *Aktual'nyye problemy mezhdunarodnogo publichnogo i mezhdunarodnogo chastnogo prava. Vypusk 3* [Actual problems of international public and international private law. Issue 3]. Minsk: Belarusian State University; 2011. p. 5–15. Russian.
3. Vasilevich GA. *Konstitutsiya Respubliki Belarus': nauchno-prakticheskii kommentarii* [Constitution of the Republic of Belarus: scientific and practical commentary]. Minsk: State Institute of Management and Social Technologies of the Belarusian State University; 2005. 487 p. Russian.
4. Plyakhimovich II. *Kommentarii k Konstitutsii Respubliki Belarus'. Tom 1* [Commentary on the Constitution of the Republic of Belarus. Volume 1]. Minsk: Amalfeya; 2015. 1224 p. Russian.
5. Harries D, O'Boyle M. *Pravo Evropeiskoi konventsii po pravam cheloveka* [Law of the European convention on human rights]. Moscow: Razvitie pravovykh sistem; 2018. 1432 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 11.02.2022.
Received by editorial board 11.02.2022.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

А. М. ХЛУС¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматривается инновационная криминалистическая деятельность. На примере достижений научной школы криминалистики, которую возглавлял профессор А. В. Дулов, показаны возможности внедрения рекомендаций криминалистической науки в практическую деятельность по расследованию преступлений. Сделан акцент на проблеме методического обеспечения следственной деятельности в контексте его совершенствования на базе инновационных разработок научной школы криминалистики. Показаны недостатки существующих методик расследования преступлений. Частные методики расследования, разработанные на основе криминалистической характеристики преступлений, не удовлетворяют потребностям времени, так как сама криминалистическая характеристика не является совершенной научной категорией. Предлагается формировать названные методики расследования, основываясь на первоначальном выявлении и дальнейшей характеристике (описании) материальных элементов, составляющих структуру преступлений. Сделан вывод, что элементы материальной структуры преступления в сочетании с их криминалистической характеристикой дают наиболее полное представление об информационной модели конкретного вида преступного деяния, на основе которой следует формировать частные методики расследования.

Ключевые слова: преступление; расследование преступлений; криминалистика; частная методика расследования; криминалистическая характеристика; материальная структура.

CRIMINALISTIC INNOVATIONS AND THEIR IMPLEMENTATION IN THE PRACTICE OF THE INVESTIGATOR

A. M. KHLUS^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The innovative forensic activity is considered in the article. On the example of the achievements of the scientific school of forensic science, which was headed by professor A. V. Dulov, the possibilities of introducing the recommendations of forensic science into the practice of investigating crimes are shown. The emphasis is made on the problem of methodological support of investigative activity in the aspect of its improvement on the basis of innovative developments of the scientific school of forensic science. The drawbacks of the existing methods of investigating crimes are shown. Developed on the basis of the forensic characterisation of crimes, private investigation methods do not meet the needs of the time, since the forensic characterisation itself is not a perfect scientific category. It is proposed to form private methods of investigation, based on the initial identification and further characteristics (description) of the material elements that make up the structure of crimes. It is concluded that the material structure of the crime, combined with the forensic characteristics of its elements, gives the most complete picture of the information model of a specific type of criminal act, on the basis of which private investigation methods should be formed.

Keywords: crime; crime investigation; forensic science; private investigation technique; forensic characteristics; material structure.

Образец цитирования:

Хлус АМ. Криминалистические инновации и их реализация в практической деятельности следователя. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2022;1:90–99.

For citation:

Khлus AM. Criminalistic innovations and their implementation in the practice of the investigator. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2022;1:90–99. Russian.

Автор:

Александр Михайлович Хлус – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры криминалистики юридического факультета.

Author:

Alexander M. Khлus, PhD (law), docent; associate professor at the department of criminalistics, faculty of law.
hлus.home@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6342-4754>

Введение

В современном обществе вряд ли кто-то будет отрицать необходимость внедрения инноваций в различные сферы жизнедеятельности людей. Наиболее актуальна эта тема для экономической, информационной, научно-технологической сфер. Одним из основных национальных интересов в области экономики является обеспечение роста и повышения конкурентоспособности белорусской экономики, что представляется возможным за счет научно-технологической сферы, призванной гарантировать «формирование экономики, основанной на знаниях, обеспечение развития науки и технологий как базы устойчивого инновационного развития Республики Беларусь»¹.

Содержание понятия «инновация» изначально отражает его экономико-технологические свойства. Данный термин впервые упоминается (и вводится в научный оборот) в работе Й. Шумпетера «Теория экономического развития» [1]. Понятие «инновация» он определил как коммерциализацию всех новых комбинаций изменений в развитии производства, «основанных на: 1) введении новых товаров и услуг; 2) применении новых материалов и компонентов (новые источники сырья); 3) внедрении нового метода производства; 4) открытии новых рынков сбыта; 5) введении новых организационных форм» [2, с. 218]. Изменения в развитии и появление «новых комбинаций», по мнению Й. Шумпетера, затрагивали также вопросы «реализации и использования новых видов потребительских товаров, новых производственных и транспортных средств, рынков и форм организации в промышленности»².

Современные ученые дают более широкое толкование и представляют инновацию в абстрактном виде как вершину «творческого или мыслительного процесса, когда возникает совершенно новая идея, способная изменить существующий порядок вещей» [3, с. 29]. Такой взгляд подчеркивает, что «инновация – это не всякое новшество или нововведение, а только такое, которое серьезно повышает эффективность действующей системы» [4, с. 190]. Под новшеством следует понимать новое знание, техническое или иное решение как результат интеллектуальной деятельности. Для новшества характерны следующие отличительные признаки: новизна по сравнению с имеющимися аналогами, возможность практической реализации, способность принести положительный экономический или иной полезный эффект, возможность создания на его основе новой или усовершенствованной

продукции, технологии, услуги, организационно-технического решения. Для того чтобы новшество трансформировалось в инновацию, необходимо его внедрение в практическую сферу, т. е. «достижение практического использования нового знания в целях удовлетворения определенных потребностей»³.

Наряду с экономическим взглядом и соответствующей трактовкой понятия «инновация» существует большое количество иных, отражающих специализированный подход с уклоном в определенную сферу деятельности. Общим для всех формулировок понятия «инновация» является указание на нововведение.

В соответствии с энциклопедией права и юридическим словарем термин «инновация» происходит от латинского слова *innovatio*, где *in* означает *в*, а *novatio* – *обновление, изменение*. Таким образом рассматриваемое понятие буквально можно перевести как *в направлении обновления и изменений*. Этот термин рассматривается в широком и узком смыслах. В широком смысле инновация понимается как «нововведение, преобразования в экономической, технической, социальной и иных сферах, основанные на новых идеях», а в узком смысле – как «первое использование изобретения, за которым следует распространение изобретения»⁴.

Для нашего исследования представляет интерес нормативная формулировка понятия «инновация». В соответствии с Законом Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. № 425-3 «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь» инновация – это «введенные в гражданский оборот или используемые для собственных нужд новая или усовершенствованная продукция, новая или усовершенствованная технология, новая услуга, новое организационно-техническое решение производственного, административного, коммерческого или иного характера».

Наряду с экономикой тема инноваций представляет интерес для иных сфер общественных отношений: науки, образования, медицины, юриспруденции и т. д. В социальной сфере актуальность инноваций определяется необходимостью обеспечения общественной безопасности, снижения уровня преступности и криминализации общественных отношений.

Целью нашего исследования является рассмотрение особенностей внедрения в практическую деятельность по расследованию преступлений инновационных разработок криминалистической науки.

¹Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://prokuratura.gov.by/ru/acts/kontseptsiya-natsionalnoy-bezopasnosti-respubliki-belarus/> (дата обращения: 22.09.2021).

²Цит. по: Грищенко А. И., Дмитриева Е. А., Легченко М. А. Инновации – определение, классификация, стадии // Вестн. Брян. гос. ун-та. 2014. № 3. С. 182–187.

³Швакин В. Ю., Куликова Л. Л. О некоторых аспектах инвестиционно-инновационных процессов в сфере информационных технологий // Вестн. ИрГТУ. 2013. № 5. С. 17–21.

⁴Инновация [Электронный ресурс]. URL: <https://academic.ru/searchall.php?SWord=%D0%B8%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F&from=xx&to=ru&did=&stype=0> (дата обращения: 22.09.2021).

Основная часть

Среди наук уголовно-правового цикла криминалистика находится на переднем рубеже противодействия проявлениям преступной деятельности. В связи с этим одной из ее основных задач является разработка рекомендаций по применению технико-тактических средств, приемов и методов выявления, раскрытия и расследования преступлений, установления и изобличения лиц, виновных в их совершении.

Для того чтобы эти разработки были адекватны современным проявлениям преступной деятельности, криминалистике необходимо интегрировать и синтезировать в себе последние научно-технические достижения, т. е. осуществлять инновационную деятельность. Инновационный характер современной криминалистики обусловлен ускорением темпов развития криминалистической науки в условиях научно-технического прогресса [5, с. 61]. Такая специфика определяет потребность в осуществлении активной инновационной деятельности, включающей в себя разработку, внедрение и использование новейших информационных и наукоемких технологий, различного рода интеллектуальных систем, нанотехнологий и др. [6, с. 118].

Инновационный криминалистический продукт появляется в результате проведенных исследований множества субъектов (индивидуальных и коллективных), деятельность которых имеет прямое или косвенное отношение к сфере противодействия преступности. К этим субъектам относятся ученые-криминалисты (собственно ученые, практические работники, проявившие интерес к научной деятельности), представители специализированных направлений правоохранительной деятельности (следственная, оперативно-розыскная, экспертно-криминалистическая), имеющие интерес к новым криминалистическим разработкам, научно-исследовательские учреждения и их подразделения (научно-методические отделы, кафедры учреждений высшего образования и др.), научные криминалистические школы и др.

В пределах небольшой работы не представляется возможным рассмотреть специфику деятельности перечисленных субъектов, содержание и результаты их криминалистических исследований, особенности внедрения в практическую деятельность. Обратим только внимание, что инновационный криминалистический и иной продукт может быть следствием «заказа» государственного органа, заинтересованного в нем, либо возникнуть в результате инициативных изысканий субъекта исследовательской деятельности. В первом случае внедрение в практическую работу результата криминалистических ис-

следований не вызывает сомнений в связи с обособленностью в их востребованности и имеющими место материальных затрат на их проведение. По этому пути идут специализированные государственные органы, непосредственно исследующие следы преступной деятельности. Например, Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь (далее – ГКСЭ) подписал соглашение о сотрудничестве с Национальной академией наук Беларуси в научно-технической сфере⁵.

Данное соглашение направлено на организацию научных разработок НАН Беларуси для ГКСЭ. Сотрудничество с органами ГКСЭ проходит по нескольким направлениям. Одним из них является использование банка ДНК Института генетики и цитологии НАН Беларуси при проведении научных исследований по направлению судебно-геномных экспертиз. Согласована возможность доступа сотрудников ГКСЭ к оборудованию государственного научного учреждения «Институт порошковой металлургии» для разработки эффективных технологий судебно-экспертного исследования неисправностей деталей транспортных средств. Эксперты также заинтересованы в использовании лазерных установок Института физики имени Б. И. Степанова НАН Беларуси для определения характера и давности патологических изменений в биологических тканях человека.

Также ГКСЭ проявил интерес к разработке компьютерных программ на основе алгоритмов самообучаемости (искусственные нейронные системы). Эти программные продукты необходимы по многим направлениям экспертно-криминалистических исследований (например, для оперативного установления личности человека по базам данных). Предметом обсуждения стала разработка технологий 3D-моделирования, специализированных средств фиксации обстановки мест происшествия, в том числе с использованием беспилотных летательных аппаратов. Значима для экспертной деятельности разработка и освоение технологий производства наборов реагентов для криминалистической ДНК-идентификации биологических образцов отдельных видов диких животных при расследовании дел о незаконной охоте [4, с. 191].

В аспекте нашего исследования на примере отечественной научной школы криминалистики рассмотрим ее достижения и особенности их внедрения в существующие системы практической деятельности.

Упоминание о белорусской научной школе криминалистики непременно связано с именем А. В. Дулова. Являясь основателем кафедры криминалистики юридического факультета Белорусского государ-

⁵Национальная академия наук Беларуси подписала соглашение о сотрудничестве с Государственным комитетом судебных экспертиз [Электронный ресурс]. URL: https://sudexpert.gov.by/ru/list_news_occurrence_n.html?news_id=3981 (дата обращения: 23.09.2021).

ственного университета, он внес значительный вклад в развитие криминалистической науки. Широкий научный кругозор, глубина аналитической проработки существующих теоретико-прикладных проблем позволили А. В. Дулову сформировать ряд новых научных направлений в теории криминалистики, опередивших свое время. Рассмотрим некоторые из них.

Используя системно-структурный подход, А. В. Дулов пришел к выводу, что следственные действия недостаточно изучать в отдельности. Будучи средствами решения тактических задач расследования, они могут применяться как автономно, так и в определенных комплексах. Эта особенность позволила ученому выделить самостоятельное тактическое средство, названное тактической операцией [7]. Разработанное профессором А. В. Дуловым учение о ней ориентировано на совершенствование деятельности по выявлению и расследованию преступлений.

С момента первого упоминания А. В. Дуловым в 1972 г. термина «тактическая операция» прошло 50 лет. С тех пор написано много научных работ, ключевой категорией в которых является тактическая операция. Но данная результативная разработка криминалистической науки не нашла должного применения в практической деятельности. Об этом свидетельствует проведенный автором опрос группы, состоящей более чем из 20 следователей, проходивших курсы повышения квалификации в одном из центральных ведомств Республики Беларусь. Большинство опрошенных признали, что не используют в практической деятельности такое средство, как тактическая операция. Одни из респондентов утверждали, что не сталкивались в своей практике с необходимостью ее проведения. Другие и вовсе с трудом вспомнили о наличии этого тактического средства и имели о нем не совсем четкое представление. Часть опрошенных обратили внимание на отсутствие упоминания о тактической операции в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь, что, по их мнению, не обязывает использовать ее на практике. Несколько следователей посчитали, что тактическое средство – прерогатива органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Такое отношение к тактической операции не вызывает оптимизма с позиции рассмотрения вопроса о повышении эффективности их деятельности по раскрытию и расследованию преступлений⁶.

Общие тенденции развития науки позволили А. В. Дулову выявить новый элемент в структуре научного знания и использовать его для совершенствования системы криминалистической науки, которую было предложено дополнить новым разделом о криминалистической стратегии. Ученый считал,

что в нем следует рассматривать вопросы, общие для расследования всех категорий уголовных дел. Данный раздел, по мнению А. В. Дулова, должен включать следующие компоненты:

«...а) выявление союзников и основы взаимодействия с ними (применительно к расследованию это основы взаимодействия с органами милиции, контрразведки, государственными контрольными и инспекционными органами, с формированиями общественности);

б) изучение общих моделей и методов расследования уголовных дел. В одних случаях следователь вынужден идти от отдельного факта к постепенному познанию преступного явления, в других же случаях ему известна общая система преступных действий и его работа направлена на выявление отдельных недостающих фактов. Эти общие подходы и должна изучать стратегия расследования;

в) изучение общих рекомендаций по организации процесса расследования (исследование особенностей мыслительной деятельности следователя и путей ее организации, организация процессов взаимодействия, правила формирования материалов уголовного дела);

г) изучение процессов противодействия и путей их предупреждения и ликвидации» [8, с. 28].

В раздел «Стратегия расследования», по мнению А. В. Дулова, следует включить вопросы, которые в настоящее время ученые-криминалисты «относят то к введению в криминалистику, то к следственной тактике, то к общим положениям методик расследования отдельных видов преступлений» [8, с. 27]. Например, общие правила и принципы расследования, его этапы, особенности мыслительной деятельности следователя при их построении, взаимодействие с другими подразделениями правоохранительных органов и т. д.

Против криминалистической стратегии выступил Р. С. Белкин. Он выразил мнение, что выделять самостоятельный раздел криминалистики нет необходимости, так как «то, что называют криминалистической стратегией, на деле как раз является современным представлением об организации и планировании расследования – оно должно составлять основную часть криминалистического учения о планировании расследования и, может быть, даже должно быть отражено в новом названии этого учения» [9, с. 80].

Тем не менее идея А. В. Дулова о криминалистической стратегии была принята многими белорусскими и российскими учеными-криминалистами. Г. А. Зорин в своих трудах предложил порядок разработки стратегии расследования преступлений, на основе которой субъект предварительного расследования формирует модель стратегии расследования

⁶Хлус А. М. Направления деятельности прокуратуры по противодействию коррупции и раскрытию взяточничества // Со- врем. проблемы права, экономики и упр. Электрон. журн. [Электронный ресурс]. 2018. № 2(7). С. 113–120. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/211569> (дата обращения: 23.09.2021).

конкретных преступлений, проводит анализ разработанной стратегии, а также осуществляет подготовку к ее реализации [10, с. 96]. Он же разработал эвристические методы формирования стратегии и тактики следственной деятельности [11; 12, с. 148–193].

Стратегия, как специфическая разновидность и направление деятельности, представлена учеными в связи с иными аспектами уголовного судопроизводства. Например, Г. Г. Шиханцов в учебнике по юридической психологии выделил раздел, посвященный вопросам стратегии и тактики защиты по уголовным делам [13]. Этим же вопросам посвящена работа В. С. Соркина [14, с. 12].

Рассматривая учение о стратегии уголовного судопроизводства, М. О. Баев указал, что с ее помощью можно «структурировать и оптимизировать цели уголовного процесса и деятельности его профессиональных участников» [15, с. 39]. Д. С. Хижняк обратил внимание на то, что криминалистика в целом применяет две основные группы методов: стратегические и тактические [16, с. 229].

По мнению исследователей, изучение взглядов А. В. Дулова «позволяет говорить о назревшей необходимости продолжить изыскания криминалистов в развитии науки криминалистики и воплотить в жизнь идею о разработке самостоятельного раздела криминалистики – “Криминалистическая стратегия”» [17, с. 110].

Следует заметить, что в некоторых странах, например Германии, ученые рассматривают криминалистику как науку о методологии и стратегии обнаружения, расследования, выявления и предупреждения преступлений. В качестве ее основных разделов они выделяют криминалистическую тактику, технику и стратегию [18, S. 12].

Несмотря на значительную теоретическую разработку, криминалистическая стратегия (стратегия расследования) не стала самостоятельной дисциплиной в учебных заведениях и не нашла отражения в программных документах о противодействии преступности. Ее теоретические положения не реализуются в практической деятельности, хотя уже есть мнение о формировании новой стратегии расследования преступлений [19]. Следует отметить, что интерес молодых исследователей⁷ к данной теме не угас, и это позволяет надеяться на дальнейшее ее теоретическое и практико-ориентированное развитие. Но для этого необходимо решить проблемы, на которые указал А. В. Дулов⁸.

Наиболее значимым результатом изысканий научной школы А. В. Дулова явились разработка и формирование теории криминалистического изу-

чения преступления. В результате проведенных исследований А. В. Дулов отметил, что из «большого числа закономерностей, которые должна изучать криминалистика, выпадает важнейшее звено – само преступление. Так родилась идея о необходимости исследования в криминалистике материальной структуры преступления, которая в процессе научной разработки чаще стала называться криминалистической структурой преступлений» [20, с. 8].

Впервые термин «криминалистическая структура преступления» упоминается в работах Г. А. Густова. Рассматривая преступление как систему, ученый указал, что ее элементы образуют криминалистическую структуру преступления [21, с. 79]. В дальнейшем эта идея не получила должного развития в работах Г. А. Густова и других российских ученых-криминалистов. И только благодаря белорусской научной школе криминалистики, возглавляемой А. В. Дуловым, криминалистическая структура преступления как научное понятие получила дальнейшее развитие и соответствующую разработку. Толчком к этому послужило кризисное состояние криминалистики, связанное с разделением мнений ученых об эффективности криминалистической характеристики преступлений. Именно школа профессора А. В. Дулова поставила «под сомнение универсальность и всеобъемлющий характер понятия криминалистической характеристики преступлений» [20, с. 8].

На недостатки криминалистической характеристики одновременно с А. В. Дуловым впервые указали известные российские криминалисты Р. С. Белкин и И. Е. Быховский. В общей научной статье они отметили, что комплекс сведений, составляющих содержание криминалистической характеристики преступления, ничего нового для науки и практики не дает [22, с. 55]. В дальнейшем Р. С. Белкин закрепил свою уверенность в абстрактном характере криминалистической характеристики преступлений, указав, что она «из реальности превратилась в иллюзию, в криминалистический фантом» [9, с. 223].

Автор данной статьи ранее рассмотрел имеющиеся проблемы криминалистической характеристики преступления и выразил свое отношение к ней [23]. Хотелось бы отметить, что мы не отрицаем все положительное, что связано с криминалистической характеристикой преступления, а также с ее значением для развития криминалистической науки, и считаем, что данная научная категория занимает достойное место в системе криминалистики, но некоторые ее положения требуют корректировки в контексте учения о криминалистической (материальной) структуре преступления.

⁷Копылова С. А. Понятие криминалистической стратегии в современной науке криминалистике и ее применение в расследовании транснациональных преступлений // Аллея науки [Электронный ресурс]. URL: https://alley-science.ru/domains_data/files/Collection_of_journals/Noyabr%2020tom%202019.pdf (дата обращения: 23.09.2021).

⁸Дулов А. В. Проблемы криминалистической стратегии [Электронный ресурс]. URL: https://pr.gov.by/ckeditor_assets/attachments/553/1997_Проблемы_крим_стратегии.pdf (дата обращения: 23.09.2021).

В то же время абстрактность криминалистической характеристики преступления, понимание низкого уровня ее практической значимости не явились препятствием для широкого применения этого понятия в сфере как теории, так и практики следственной деятельности.

Проблемы криминалистической характеристики касаются в первую очередь раздела криминалистической методики в части, относящейся к формированию эффективных частных методик расследования. На данном вопросе мы остановимся подробно.

Более полувека построение частных методик расследования основывается на системе теоретических данных о соответствующем виде или группе преступлений. Эту теоретическую систему составляют сведения, заимствованные преимущественно из уголовного права и криминологии. Данная система не охватывает все, что относится в уголовном праве и криминологии к определенному виду или группе преступлений. Авторы частных методик расследования, руководствуясь своим пониманием вопроса, отбирают определенную уголовно-правовую и криминологическую информацию, пригодную, по их мнению, для использования в качестве основы при разработке методического обеспечения деятельности по расследованию преступлений. Нередко частные методики расследования преступлений одного вида, описанные в монографических работах нескольких авторов, содержат различную совокупность уголовно-правовых и криминологических сведений.

Как основа построения частных методик расследования, часто используются уголовно-правовые сведения об объекте и предмете преступления, мотиве и цели совершения деяния, а также форме вины. Для теоретического обоснования частной методики расследования важны криминологические данные о типичной личности преступника и жертвы преступления, обстановке (времени, месте и условиях) его совершения. Теоретическая часть методик расследования также содержит информацию криминалистического характера. Она имеет отношение к типичным способам совершения и сокрытия данного вида или группы преступлений и типичным механизмам образования следов в результате их применения.

В итоге получается, что в основу построения частных методик расследования положены знания преимущественно из уголовного права и криминологии и в меньшей степени из криминалистики, однако это неверно. Дело в том, что в процессе расследования преступлений следователю приходится иметь дело с проявлениями «реальностей уголовного права» (Г. Гросс) [24, с. 109] в виде определенной системы следов, содержащих информацию о данных «реальностях».

Глубину мысли Г. Гросса о реальностях уголовного права далеко не все восприняли должным образом. Из множества значений термина «реальность» выделим указывающее на объективно существующие явления, факты, т. е. существующие действительно и проявляющиеся в виде материальных образований.

С точки зрения криминалистики то, что в уголовном праве представлено абстрактной моделью, называемой преступлением, в реальности проявляется в виде системы материальных элементов, взаимосвязанных в момент совершения деяния.

Совокупность уголовно-правовых, криминологических и криминалистических данных о преступлении ученые-криминалисты начали рассматривать в качестве его криминалистической характеристики. Данная научная категория прочно заняла свое место в частных методиках расследования видов и групп преступлений и используется как теоретическая основа для их построения. Криминалистическая характеристика преступлений, которую ученые предлагают именовать типовой информационной моделью преступления [25], получила широкое распространение как научная категория. Этому способствовало проведение в 1976 г. Всесоюзной криминалистической конференции, где вопросам криминалистической характеристики преступлений были посвящены доклады авторитетных ученых-криминалистов, высоко оценивших данную научную категорию и поддержавших дальнейшее ее исследование. Закреплению идеи о целесообразности развития учения о криминалистической характеристике преступлений благоприятствовали два специальных сборника научных трудов, изданных в Свердловске (1978) и Москве (1984).

На сегодняшний день неопределенность по многим вопросам криминалистической характеристики преступлений возросла. В результате этого сложилась безвыходная ситуация. С одной стороны, криминалистическая характеристика преступлений достигла такого уровня, когда ее дальнейшее развитие не способствует совершенствованию и, более того, создает проблемы для эволюции криминалистики как науки. С другой стороны, нельзя в один момент отказаться от криминалистической характеристики преступлений по причине ее глубокого укоренения в систему науки, практики и в сознание большинства ученых-криминалистов.

Мы считаем, что современные ученые должны приложить максимум усилий для совершенствования криминалистической характеристики преступлений. В связи с этим первоочередного решения требуют следующие задачи:

«...1) формирование единого, общепринятого понятия “криминалистическая характеристика преступлений”»;

2) уточнение ее природы, назначения, функций и роли в формировании частных криминалистических методик, а также места в криминалистической науке;

3) определение ее структуры и оптимального количества элементов, исследование содержания каждого из них, основ и принципов формирования и закономерных связей между ними;

4) изучение и определение связей и зависимостей между криминалистической характеристикой преступлений и другими характеристиками преступлений: уголовно-правовой, криминологической и др.;

5) разработка актуальных криминалистических характеристик для отдельных видов (родов) преступлений как информационных основ соответствующих частных криминалистических теорий и создание на их базе автоматизированных информационных систем» [26, с. 2610].

Имеющиеся на сегодняшний день методики расследования преступлений основываются на рассмотрении элементов их криминалистической характеристики, точное количество которых не является определенным. Например, О. В. Евстигнеева, исследуя преступления, связанные с использованием взрывных устройств, называет следующие элементы криминалистической характеристики:

1) сведения о способе подготовки, совершения и сокрытия преступлений (в некоторых случаях о механизме их совершения);

2) данные об орудиях, используемых для совершения данной категории преступлений;

3) описание типичных материальных следов и наиболее вероятных мест их обнаружения;

4) данные о личности преступника, мотивах и целях его действий (либо характеристика преступных групп);

5) данные, характеризующие потерпевшего;

6) информация об отдельных обстоятельствах совершения преступлений (обстановка, место, время)⁹.

Не требуется анализировать все элементы данной криминалистической характеристики, чтобы заметить, что она не акцентирует внимание на материальных составляющих структуры преступления.

Научные споры, связанные с криминалистической характеристикой преступлений, повлекли за собой необходимость поиска нового подхода к познанию преступления. Такой подход предложен в результате осознания важнейшей задачи криминалистики – установления совокупности материальных образований, составляющих между собой преступление.

В целях познания преступления с криминалистической точки зрения мы предлагаем в первую очередь начинать теоретическое исследование и практическую деятельность по расследованию с выявления совокупности общих материальных элементов, обя-

зательно имеющих в наличии при совершении любого преступления. Затем необходимо сделать криминалистическое описание отражательных возможностей каждого элемента и их связей с иными материальными элементами преступной структуры, т. е. необходима криминалистическая характеристика выявленных элементов материальной структуры преступления данного вида. Полнота информации, содержащаяся в следах-отражениях материальных элементов преступления, позволяет определить последовательность в изучении иных элементов системы преступления.

Актуальность познания материальной структуры преступлений обусловлена необходимостью совершенствования частных методик расследования, так как, сформированные на основе криминалистической характеристики, они представляют собой малоэффективные конструкции.

Анализ многообразия проявлений преступных деяний позволяет выделить в них следующие общие структурные элементы: субъект, совершивший преступление; объект преступного посягательства; средство совершения преступления; предмет преступного посягательства; предмет преступления. Это максимально возможная разновидность элементов материальной структуры преступления.

Для типовой структуры конкретного вида преступлений характерно определенное сочетание элементов, которое можно выявить путем анализа конструкции уголовно-правового состава. Определенная таким образом материальная структура имеет абстрактный характер. В дальнейшем при совершении преступления данного вида его материальные элементы проявляются в реальности, вступая между собой в различные связи.

Преступления одного вида могут отличаться количеством одноименных элементов, т. е. субъекты совершения деяния составляют преступную группу, которая осуществила посягательство на несколько объектов, и т. д.

В качестве субъекта любого преступления может рассматриваться только человек. Его отличительная особенность как элемента структуры преступлений в том, что он может рассматриваться в качестве как следообразующего, так и следовоспринимающего элемента. В зависимости от вида преступления функциональная связь субъекта с другими элементами преступной структуры может быть иной. Например, субъект совершения преступления против компьютерной безопасности может рассматриваться следовоспринимающим только по отношению к средству преступного посягательства.

Объект преступного посягательства в уголовном праве и криминалистике понимается по-разному. С точки зрения уголовного права объект преступления – это общественные отношения, на которые

⁹Евстигнеева О. В. Особенности расследования преступлений, совершенных с использованием взрывных устройств : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Саратов, 2001. С. 28–29.

посягает субъект преступления. Но общественные отношения не отражают следы, содержащие значимую криминалистическую информацию. С позиции криминалистики объект преступного посягательства также имеет материальный характер и независимо от других элементов преступной системы (субъект совершения преступления, предмет и средство преступного посягательства, предмет преступления) представляет собой «систему, на которую направлено преступное посягательство» [27, с. 51]. Перечень объектов преступного посягательства широк. В их числе можно назвать человека (убийство, причинение телесных повреждений и т. д.), транспортное средство (умышленное его повреждение), корпоративную компьютерную сеть (несанкционированное проникновение), складское и иное помещение (криминальный взлом) и т. д.

Средства совершения преступления содержат криминалистически значимую информацию об иных его структурных элементах. В этом качестве может выступать любой предмет, используемый для достижения преступной цели. Для данного элемента преступной структуры характерно многообразие и многочисленность. Ранее эта особенность учитывалась автором данной статьи при проведении классификации средств совершения преступлений по различным основаниям [28, с. 30]. В упомянутой работе в качестве примера средств совершения преступлений назовем орудия (топор, кирпич и др.), оружие (охотничье ружье, финский нож и др.), вещества (наркотические, взрывчатые и др.) и т. д.

Предметом преступного посягательства является материальный объект, который определяет направленность данного противоправного деяния. Как правило, его целью является завладение этим предметом без оказания на него воздействия в момент совершения преступления. В качестве предмета преступного посягательства А. Е. Гучок называет «денежные средства, документы, материальные ценности» [27, с. 52]. По нашему мнению, данный перечень может быть значительно расширен.

В криминалистической структуре предмет преступления является самостоятельным элементом. Для большинства уголовно наказуемых деяний,

в структуре которых он выделяется, характерно существование предмета преступления независимо от совершенных противоправных действий, образующих объективную сторону преступления. Данный элемент преступной структуры «отличается... тем, что в отношении него не совершается преступное посягательство, и он не используется как средство совершения преступления» [27, с. 53]. В качестве примера предмета преступления в его криминалистическом понимании можно назвать деньги, используемые в качестве платы за совершенное незаконное противоправное деяние.

Несмотря на детальную разработку последовательными А. В. Дулова учения о материальной структуре преступления, наличие множества соответствующих публикаций, защиту в 2014 г. докторской диссертации на данную тему проблема практического внедрения по сути инновационной идеи остается актуальной. Она не привлекла внимание не только практических работников, но также многих белорусских и российских ученых-криминалистов. До сих пор частные методики расследования преступлений разрабатываются на основе криминалистической характеристики, недостатки которой нами рассмотрены ранее.

Внедрение в практическую деятельность криминалистических инноваций – насущная потребность современности. Нормативной основой для решения этой проблемы может служить Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы¹⁰. В соответствии с этим документом одним из направлений, обуславливающих решение задач по формированию и ускоренному развитию наукоемких и высокотехнологичных секторов национальной экономики, базирующихся на производствах V и VI технологических укладов, а также закреплению позиций Беларуси на рынках наукоемкой продукции, является обеспечение безопасности человека, общества и государства. В рамках этого направления целесообразна реализация инновационных криминалистических разработок для эффективного противодействия преступной деятельности, в том числе коррупции, что в результате будет способствовать обеспечению национальной безопасности.

Заключение

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1) научные достижения школы криминалистики под руководством А. В. Дулова являются основой инновационной деятельности в сфере противодействия современной преступности;

2) учение о криминалистической (материальной) структуре преступления, разработанное в рамках научной школы А. В. Дулова, позволяет рассмотреть

материальные элементы, составляющие систему преступления;

3) для формирования частной методики расследования в качестве ее теоретической основы предлагается использовать информационную модель преступного деяния, базирующуюся на данных о его материальных структурных элементах, описанных (характеризуемых) с точки зрения криминалистической науки.

¹⁰Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.by/upload/docs/op/P32100348_1632171600.pdf (дата обращения: 24.09.2021).

Библиографические ссылки

1. Шумпетер ЙА. *Теория экономического развития*. Автономов ВС, Любский МС, Чепуренко АЮ, переводчики. Москва: Прогресс; 1982. 174 с.
2. Сафронов ИВ. Понятия «инновация» и «инновационная деятельность»: сущность и содержание. *Вопросы современной науки и практики*. 2008;4(1):217–226.
3. Славин ББ. Информационные технологии и инновации. *Инноватика и экспертиза*. 2015;2:28–37.
4. Кирвель ВК. Инновационные технологии в криминалистике и судебно-экспертной деятельности: современное состояние и перспективы развития. В: Шабанов ВБ, редактор. *Концептуальные основы современной криминалистики: теория и практика: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора А. В. Дулова; 25 октября 2019 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2019. с. 190–193.
5. Аверьянова ТВ, Белкин РС, Корухов ЮГ, Российская ЕР. *Криминалистика*. Белкин РС, редактор. Москва: НОРМА; 1999. 990 с.
6. Жижина МВ. Инновационное развитие криминалистики на современном этапе. *Lex russica*. 2012;1:117–125.
7. Дулов АВ. *Тактические операции при расследовании преступлений*. Минск: Издательство БГУ; 1979. 128 с.
8. Дулов АВ, Грамович ГИ, Лапин АВ, Костров АИ, Куприянова АА, Андреев ИС и др. *Криминалистика*. Дулов АВ, редактор. Минск: Экоперспектива; 1996. 415 с.
9. Белкин РС. *Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики*. Москва: НОРМА; 2001. 240 с.
10. Зорин ГА. Технологии криминалистической стратегии. *Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4. Правазнаўства*. 2014;2:95–99.
11. Зорин ГА. *Эвристические методы формирования стратегии и тактики следственной деятельности*. Гродно: ГрГУ имени Янки Купалы; 1991. 88 с.
12. Зорин ГА. *Криминалистическая эвристика. Том 1*. Гродно: ГОУТ; 1994. 260 с.
13. Шиханцов ГГ. *Юридическая психология*. Москва: Зерцало; 1998. 352 с.
14. Соркин ВС. *Стратегия и тактика защиты по уголовным делам*. Гродно: ГрГУ имени Янки Купалы; 1995. 116 с.
15. Баев МО. О криминалистической стратегии и принципах ее конструирования (на примере стратегических принципов деятельности адвоката-защитника). *Воронежские криминалистические чтения*. 2012;14:39–57.
16. Хижняк ДС. Криминалистическая стратегия расследования преступлений и борьбы с ними. *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2016;2(109):229–234.
17. Ревтова СЮ. Необходимость развития криминалистической стратегии как наследия профессора Андрея Васильевича Дулова. В: Шабанов ВБ, редактор. *Концептуальные основы современной криминалистики: теория и практика: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора А. В. Дулова; 25 октября 2019 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2019. с. 107–110.
18. Berthel R, Mentzel T, Schröder D, Spang T, Clages H, Neidhardt K. *Grundlagen der Kriminalistik / Kriminologie*. Hilden: Verlag deutsche Polizeiliteratur; 2013. 176 S.
19. Зайцев ОА, Пастухов ПС. Формирование новой стратегии расследования преступлений в эпоху цифровой трансформации. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2019;46:752–777. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-46-752-777.
20. Балашенко СА, Шабанов ВБ, Шумак ГА, Веренчиков ИР. Андрей Васильевич Дулов: развитие теории и практики криминалистики. В: Шабанов ВБ, редактор. *Концептуальные основы современной криминалистики: теория и практика: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора А. В. Дулова; 25 октября 2019 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2019. с. 5–11.
21. Густов ГА. Моделирование – эффективный метод следственной практики и криминалистики. В: Панасевич ВГ, редактор. *Актуальные проблемы советской криминалистики*. Москва: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности; 1980. с. 78–84.
22. Белкин РС, Быховский ИЕ, Дулов АВ. Модное увлечение или новое слово в науке? *Социалистическая законность*. 1987;9:51–62.
23. Хлус АМ. Криминалистическая характеристика и ее значение для формирования методик расследования корупционных преступлений. *Библиотека криминалиста. Научный журнал*. 2018;1:179–190.
24. Белкин РС. *Криминалистика*. Москва: Большая Российская энциклопедия; 1993. 111 с.
25. Ищенко ЕП, Колдин ВЯ. Типовая информационная модель преступления как основа методики расследования. *Правоведение*. 2006;6:128–144.
26. Бессонов АА. Исторические основы возникновения и развития института криминалистической характеристики преступлений. *Актуальные проблемы российского права*. 2014;11(48):2607–2611.
27. Гучок АЕ. *Криминалистическая структура преступления*. Минск: БГУ; 2007. 151 с.
28. Хлус АМ. Средства совершения преступлений как элемент их криминалистической структуры. *Российское право: образование, практика, наука*. 2018;1:24–32.

References

1. Shumpeter JA. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya* [Economic development theory]. Avtonomov VS, Lyubskii MS, Chepurenko AYU, translators. Moscow: Progress; 1982. 174 p. Russian.
2. Safronov IV. Concepts of «innovation» and «innovative activity»: essence and content. *Voprosy sovremennoi nauki i praktiki*. 2008;4(1):217–226. Russian.

3. Slavin BB. Information technology and innovation. *Innovatika i ekspertiza*. 2015;2:28–37. Russian.
4. Kirvel' VK. [Innovative technologies in criminalistics and forensic activity: current state and prospects of development]. In: Shabanov VB, editor. *Kontseptual'nye osnovy sovremennoi kriminalistiki: teoriya i praktika: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 95-letiyu so dnya rozhdeniya zaslužennogo deyatelya nauki Respubliki Belarus', doktora yuridicheskikh nauk, professora A. V. Dulova; 25 oktyabrya 2019 g.; Minsk, Belarus'* [Conceptual foundations of modern criminalistics: theory and practice: materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 95th anniversary of the birth of the honored scientist of the Republic of Belarus, doctor of law, professor A. V. Dulov; 2019 October 25; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2019. p. 190–193. Russian.
5. Aver'yanova TV, Belkin RS, Korukhov YuG, Rossiiskaya ER. *Kriminalistika* [Forensic science]. Belkin RS, editor. Moscow: NORMA; 1999. 990 p. Russian.
6. Zhizhina MV. [Innovative development of forensic science at the present stage]. *Lex russica*. 2012;1:117–125. Russian.
7. Dulov AV. *Takticheskie operatsii pri rassledovanii prestuplenii* [Tactical operations in the investigation of crimes]. Minsk: Publishing House of the Belarusian State University; 1979. 128 p. Russian.
8. Dulov AV, Gramovich GI, Lapin AV, Kostrov AI, Kupriyanova AA, Andreev IS, et al. *Kriminalistika* [Forensic science]. Dulov AV, editor. Minsk: Ekoperspektiva; 1996. 415 p. Russian.
9. Belkin RS. *Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya. Zlobodnevnye voprosy rossiiskoi kriminalistiki* [Forensic science: problems of today. Topical issues of Russian forensic science]. Moscow: NORMA; 2001. 240 p. Russian.
10. Zorin GA. [Forensic strategy technologies]. *Vesnik Grodzenskaga dzjarzhavnaga wniversitjeta imja Janki Kupaly. Seriya 4. Pravaznavstva*. 2014;2:95–99. Russian.
11. Zorin GA. *Evristsicheskie metody formirovaniya strategii i taktiki sledstvennoi deyatel'nosti* [Heuristic methods of forming the strategy and tactics of investigative activity]. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno; 1991. 88 p. Russian.
12. Zorin GA. *Kriminalisticheskaya evristika. Tom 1* [Forensic heuristics. Volume 1]. Grodno: GOUT; 1994. 260 p. Russian.
13. Shikhantsov GG. *Yuridicheskaya psikhologiya* [Legal psychology]. Moscow: Zertsalo; 1998. 352 p. Russian.
14. Sorkin VS. *Strategiya i taktika zashchity po ugovolnym delam* [Strategy and tactics of defense in criminal cases]. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno; 1995. 116 p. Russian.
15. Baev MO. [On the forensic strategy and the principles of its construction (on the example of the strategic principles of a lawyer-defender)]. *Voronezhskie kriminalisticheskie chteniya*. 2012;14:39–57. Russian.
16. Khizhnyak DS. Forensic strategy of crime investigation and crime combatting. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii*. 2016;2(109):229–234. Russian.
17. Revtova SYu. [The need to develop a forensic strategy as a legacy of Professor Andrey Vasilyevich Dulov]. In: Shabanov VB, editor. *Kontseptual'nye osnovy sovremennoi kriminalistiki: teoriya i praktika: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 95-letiyu so dnya rozhdeniya zaslužennogo deyatelya nauki Respubliki Belarus', doktora yuridicheskikh nauk, professora A. V. Dulova; 25 oktyabrya 2019 g.; Minsk, Belarus'* [Conceptual foundations of modern criminalistics: theory and practice: materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 95th anniversary of the birth of the honored scientist of the Republic of Belarus, doctor of law, professor A. V. Dulov; 2019 October 25; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2019. p. 107–110. Russian.
18. Berthel R, Mentzel T, Schröder D, Spang T, Clages H, Neidhardt K. *Grundlagen der Kriminalistik / Kriminologie*. Hilden: Verlag deutsche Polizeiliteratur; 2013. 176 S.
19. Zaitsev OA, Pastukhov PS. Formation of a new strategy for investigating crimes in the era of digital transformation. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2019;46:752–777. Russian. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-46-752-777.
20. Balashenko SA, Shabanov VB, Shumak GA, Verenchikov IR. [Andrey Vasilievich Dulov: development of the theory and practice of forensic science]. In: Shabanov VB, editor. *Kontseptual'nye osnovy sovremennoi kriminalistiki: teoriya i praktika: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 95-letiyu so dnya rozhdeniya zaslužennogo deyatelya nauki Respubliki Belarus', doktora yuridicheskikh nauk, professora A. V. Dulova; 25 oktyabrya 2019 g.; Minsk, Belarus'* [Conceptual foundations of modern criminalistics: theory and practice: materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 95th anniversary of the birth of the honored scientist of the Republic of Belarus, doctor of law, professor A. V. Dulov; 2019 October 25; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2019. p. 5–11. Russian.
21. Gustov GA. [Modelling is an effective method of investigative practice and forensic science]. In: Panasevich VG, editor. *Aktual'nye problemy sovetskoi kriminalistiki* [Actual problems of Soviet criminology]. Moscow: Vsesoyuznyi institut po izucheniyu prichin i razrabotke mer preduprezhdeniya prestupnosti; 1980. p. 78–84. Russian.
22. Belkin RS, Bykhovskii IE, Dulov AV. [Fashionable hobby or a new word in science?]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 1987;9:51–62. Russian.
23. Khlus AM. [Forensic characteristics and its importance for the formation of methods for investigating corruption crimes]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal*. 2018;1:179–190. Russian.
24. Belkin RS. *Kriminalistika* [Forensic science]. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya; 1993. 111 p. Russian.
25. Ishchenko EP, Koldin VYa. [Typical information model of a crime as the basis of the investigation methodology]. *Pra-vovedenie*. 2006;6:128–144. Russian.
26. Bessonov AA. [The historical foundations of the emergence and development of the institution of criminalistic characteristics of crimes]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*. 2014;11(48):2607–2611. Russian.
27. Guchok AE. *Kriminalisticheskaya struktura prestupleniya* [Forensic structure of the crime]. Minsk: Belarusian State University; 2007. 151 p. Russian.
28. Khlus AM. [Means of committing crimes as an element of their criminalistic structure]. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*. 2018;1:24–32. Russian.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО И АГРАРНОЕ ПРАВО

ENVIRONMENTAL LAW, NATURAL RESOURCES LAW AND AGRARIAN LAW

УДК 349.6

КОНЦЕПЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОЛОГО-БЕЗОПАСНОГО ПРОСТРАНСТВА

Т. И. МАКАРОВА¹⁾, Э. С. НАВАСАРДОВА²⁾, В. Е. ЛИЗГАРО¹⁾,
О. В. МОРОЗ¹⁾, Н. А. ШИНГЕЛЬ¹⁾, М. П. КУРИЛОВИЧ^{1), 3)}

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Северо-Кавказский федеральный университет, ул. Пушкина, 1, 355017, г. Ставрополь, Россия

³⁾Институт экономики НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Исследуются имеющие концептуальный характер правовые подходы к формированию пространства экологической безопасности на территории государств, являющихся членами Евразийского экономического союза. Определены политические и иные факторы, оказывающие влияние на данный процесс, а также общие и специальные (природоохранные) принципы, которые могут быть положены в основу концепции эколого-безопасного пространства. Обосновывается необходимость введения понятия «эколого-безопасное пространство» в категориальный аппарат науки экологического права. Доказано, что гарантией обеспечения экологической безопасности в едином пространстве ЕАЭС выступают сложившиеся правовые механизмы охраны окружающей среды (оценка воздействия на окружающую среду, стратегическая экологическая оценка, экологическая экспертиза, мониторинг, контроль), которые могут быть положены в основу сближения правовых подходов государств – членов ЕАЭС. Предлагается рассматривать государственно-частное партнерство как условие достижения целей устойчивого развития в рамках интеграционных образований. Определяется место правового регулирования устойчивого природопользования в системе мер, составляющих содержание правовой категории «эколого-безопасное пространство», и направления взаимодействия государств – членов ЕАЭС в этой области.

Образец цитирования:

Макарова ТИ, Навасардова ЭС, Лизгаро ВЕ, Мороз ОВ, Шингель НА, Курилович МП. Концепция формирования правовых основ евразийского эколого-безопасного пространства. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2022;1:100–111.

For citation:

Makarova TI, Navasardova ES, Lizgaro VE, Moroz OV, Shingel NA, Kurylovich MP. The concept of forming the legal foundations of the Eurasian environmentally safe space. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2022;1: 100–111. Russian.

Сведения об авторах см. на с. 111.

Information about the authors see p. 111.

Ключевые слова: эколого-безопасное пространство; право Евразийского экономического союза; экологическое право; международное право окружающей среды; природные ресурсы.

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в рамках гранта «Правовые проблемы формирования единого эколого-безопасного пространства государств – членов Евразийского экономического союза».

THE CONCEPT OF FORMING THE LEGAL FOUNDATIONS OF THE EURASIAN ENVIRONMENTALLY SAFE SPACE

T. I. MAKAROVA^a, E. S. NAVASARDOVA^b, V. E. LIZGARO^a,
O. V. MOROZ^a, N. A. SHINGEL^a, M. P. KURYLOVICH^{a, c}

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bNorth-Caucasus Federal University, 1 Pushkina Street, Stavropol 355017, Russia

^cInstitute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

Corresponding author: N. A. Shingel (singel.61@list.ru)

Legal approaches of a conceptual nature in relation to the formation of a space of environmental security on the territory of the states that are parties to the Eurasian Economic Union are being explored. Political and other factors influencing this process, as well as general and special (environmental) principles that can form the basis of the concept of an environmentally safe space, are determined. The rationale for introducing the definition of environmentally safe space into the categorical apparatus of the science of environmental law is proposed. It has been proved that the existing legal mechanisms of environmental protection (environmental impact assessment, strategic environmental assessment, environmental review, monitoring, control) serve as a guarantee for ensuring environmental safety in the space of the EAEU, which can be the basis for convergence of legal approaches of the EAEU member states. It is proposed to consider public-private partnership as a condition for achieving the goals of sustainable development within the framework of integration formations. The place of legal regulation of sustainable nature management in the system of measures that make up the content of the legal category «environmentally safe space» and the directions of interaction between the EAEU member states in this area are determined.

Keywords: environmentally safe space; law of the Eurasian Economic Union; environmental law; international environmental law; natural resources.

Acknowledgments. The article was prepared with the financial support of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research within the framework of the grant «Legal problems of the formation of a single environmentally safe space of the member states of the Eurasian Economic Union».

Введение

Основу существования любой из известных социально-экономических формаций, материальный базис общества составляют природные ресурсы, нерациональное использование которых породило и в настоящее время создает многочисленные экологические проблемы. Повышение антропогенной нагрузки на природную среду в результате активного вовлечения природных богатств в хозяйственную и иную экономически значимую деятельность сделало актуальной более тесную интеграцию природоресурсных и природоохранных целей правового регулирования как в рамках права отдельных государств, так и международного сообщества в целом. Осознав этот факт к 1960-м гг., человечество приступило к разработке и введению мер, направленных на сохранение окружающей среды, вследствие чего в международном и национальном праве появились и получили развитие отрасли, в названии которых

отражен их предмет – взаимодействие общества с окружающей средой: международное право окружающей среды и экологическое право. Следует отметить, что правовое регулирование отношений по охране среды обитания человека на этом не остановилось: своеобразный толчок его дальнейшему развитию дали и поныне значимые процессы, связанные с созданием и функционированием межгосударственных образований, например таких, как Содружество Независимых Государств, Европейский союз, Евразийский экономический союз. Это, в свою очередь, указывает на появление единого пространства, экологическую безопасность которого нужно обеспечить. Данный феномен порождает необходимость его исследования на уровне юридической науки как явления правового порядка, обусловленного факторами природного и техногенного характера, а также политическими и связанными

с ними институциональными процессами, происходящими на всех уровнях – международном, региональном, внутригосударственном. При этом следует отметить, что некоторыми авторами затрагивались

лишь отдельные аспекты формирующейся правовой категории «эколого-безопасное пространство» в рамках такого интеграционного образования, как ЕАЭС [1; 2].

Правовая категория «эколого-безопасное пространство» и ее юридическое содержание

Представляется, что для понимания феномена пространства экологической безопасности весьма значимым является его формирование на основе политической воли и взаимного желания государств выстраивать общий базис обеспечения благоприятности окружающей среды. В качестве положительных примеров приведем процессы становления международных организаций уровня ООН по охране окружающей среды. В первую очередь сюда относится создание резолюцией XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН) от 15 декабря 1972 г. № 2997/XXVII в соответствии с рекомендациями Стокгольмской конференции ООН по окружающей среде Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) и трансформацию юридического статуса главного исполнительного органа – Совета управляющих ЮНЕП – в Ассамблею ООН по окружающей среде ЮНЕП с представительством всех 193 государств – членов ООН и ее наделение функциями главного управляющего и нормотворческого органа ЮНЕП в области охраны окружающей среды на высшем уровне на основании резолюции ГА ООН от 13 марта 2013 г. № 67/251. Также весьма важен опыт развития природоохранной политики СНГ на базе Соглашения о взаимодействии в области экологии и охраны окружающей природной среды от 8 февраля 1992 г., определившего фундамент экологической политики, основанной на признании международных договоров, заключенных Советским Союзом. В развитие данного документа в 2013 г. принято Соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей среды государств – участников СНГ, установившее основные направления сотрудничества в рассматриваемой сфере. Опыт иного порядка демонстрирует, например, Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. в редакции от 8 мая 2015 г. (далее – Договор о ЕАЭС), в котором проведение согласованной экологической политики не заявлено в качестве самостоятельной цели союза, хотя очевидно, что избежать воздействия на окружающую среду в процессе формирования единого экономического пространства ЕАЭС, в том числе в сфере использования природных ресурсов, объективно невозможно [3]. Относительная самостоятельность правового регулирования использования природных ресурсов в первую очередь как объектов экономической и иной деятельности, удовлетворяющих в широком смысле материальные

потребности природопользователей и общества, в целом не противоречит, а только подтверждает высказанную выше мысль [4]. Природные ресурсы остаются важной составной частью окружающей среды и имеют экологические характеристики, сохранение и улучшение которых определяет состояние эколого-безопасного пространства, необходимого для проведения согласованных мер экономической и иной политики в рамках сотрудничества различных государств.

Следует также указать, что на уровне межгосударственных объединений (например, СНГ, ЕАЭС) образование пространства экологической безопасности происходит под влиянием ряда *геополитических факторов*. Так, например, государства – члены ЕАЭС территориально принадлежат к различным в географическом отношении частям Евразии (Армения и Беларусь – европейской, Казахстан и Кыргызстан – азиатской, Россия – евроазиатской), а также одновременно являются членами иных межгосударственных образований (ШОС, БРИКС), что формирует новые, как бы накладывающиеся друг на друга пространства, каждое из которых имеет свой круг общественных отношений и правосубъектность членов. Очевидно, что интересы государств – членов могут серьезно различаться. Так, для Республики Беларусь, не высказывающей политического стремления к ассоциации или членству в Европейском союзе ввиду наличия общей границы с тремя государствами этого образования (Польша, Литва и Латвия), неотъемлемой частью экологической политики становится согласование и гармонизация природоохранных подходов с ЕС. Главой Республики Казахстан поставлена цель войти в число 30 самых развитых государств мира и достигнуть фундаментальных показателей развитости государств – членов Организации экономического сотрудничества и развития к 2050 г.¹ Для Российской Федерации факторами формирования эколого-безопасного пространства являются как сама территория государства, так и его федеративное устройство, обуславливающие единство и многообразие российского эколого-правового пространства [5] и различия в подходах к институционализации охраны окружающей среды [6].

Указанные обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что при объективно обусловленной потребности в общем пространстве экологической безопасности на различных уровнях функциониру-

¹Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства. Послание Президента Республики Казахстан от 14 декабря 2012 г. [Электронный ресурс] URL: http://www.akorda.kz/ru/official_documents/strategies_and_programs (дата обращения: 25.01.2022).

вания систем охраны окружающей среды (международном, межгосударственном, национальном) современной доктрине экологического права, ее научно-категориальному аппарату недостает определенных параметров, которые могут быть введены с помощью понятия «эколого-безопасное пространство». И если понятие «экологическая безопасность» обозначает определенное, заданное на уровне технических нормативных правовых актов безопасное для человека состояние окружающей среды, то термин «охрана окружающей среды» подразумевает процесс реализации разработанных человечеством природоохранных механизмов и инструментов, обеспечивающих и поддерживающих эту экологическую безопасность, т. е. речь идет о *процессах*, поддерживающих определенное экологическое состояние. При этом отсутствует *территориально-пространственный признак*, указывающий на то, в границах какой территории осуществляются такого рода процессы с соответствующим результатом (обеспечение экологической безопасности).

Полагаем, что введение пространственного критерия позволяет формировать институциональные границы применения экологических требований и основанных на них мер охраны окружающей среды в соответствии с международными (межгосударственными) договорами, национальным законодательством, что направлено на конкретизацию территории, в отношении которой требования экологической безопасности установлены. Территориальный признак, кроме прочего, указывает на условия объективного порядка (уровень экономики, социальная сфера, установленные правом природоохранные средства), применение которых возможно *на определенной территории*. Все это позволяет определять эколого-безопасное пространство как совокупность количественных и качественных характеристик окружающей среды, а также применяемых на конкретной территории природоохранных средств для достижения экологически безопасного состояния.

В основу выделения правовой категории «эколого-безопасное пространство» следует положить принципы экологического права, разработка которых представляет собой отдельное направление развития этой отрасли юридической науки. Для определения принципов построения единого эколого-безопасного пространства государств – членов ЕАЭС необходимо понимать, что речь идет о надгосударственном образовании, которое в соот-

ветствии со ст. 2 Договора о ЕАЭС является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью. При этом каждое государство – член ЕАЭС имеет свою систему правовой охраны окружающей среды, базирующуюся на собственных основных началах. И хотя в целом экологически значимые цели государств имеют единую направленность, конкретные задачи в этой области могут существенно различаться. Общие принципы взаимоотношений государств в данной сфере установлены в Уставе ООН 1945 г. и Декларации ООН о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций 1970 г. Специальные принципы международного экологического права – это основные идеи, имеющие самостоятельное значение для сохранения окружающей среды, сформулированные с учетом потребностей международного природоохранительного сотрудничества в международных документах рекомендательного характера, таких, например, как Декларация Стокгольмской конференции ООН по окружающей человека среде 1972 г., Всемирная хартия природы 1982 г., Рио-де-Жанейрская декларация Конференции ООН по окружающей среде и развитию 1992 г. В новейшем понимании эти принципы сопряжены с достижением целей устойчивого развития, что получило отражение в резолюции ГА ООН от 25 сентября 2015 г. № 70/1 «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (далее – резолюция ГА ООН № 70/1). Цели, на которые указывает данный международный документ, определены широко, что позволяет рассматривать их в качестве своеобразных основных начал формирования пространства экологической безопасности. К ним отнесены такие, как «обеспечение наличия и рационального использования водных ресурсов и санитарии для всех» (цель 6); «обеспечение экологической устойчивости городов и населенных пунктов» (цель 11); «принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями» (цель 13); «защита и восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное лесопользование, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биоразнообразия» (цель 15); «партнерство в интересах устойчивого развития» (цель 17)².

Правовые механизмы охраны окружающей среды как гарантия обеспечения экологической безопасности в едином пространстве ЕАЭС

На достижение общих целей устойчивого развития направлено закрепление в национальных

законодательствах государств – членов ЕАЭС отдельных механизмов, посредством которых реали-

²Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 21.01.2022).

зуется экологический императив и обеспечивается экологическая безопасность. Однако формирование единого (устойчивого, сбалансированного) эколого-безопасного пространства данного интеграционного образования требует сближения правовых подходов в рассматриваемой сфере. Этому процессу способствует обязанность государств – членов ЕАЭС, являющихся сторонами того или иного международного соглашения, следовать общим для них требованиям при учете национальных особенностей.

Правовые инструменты учета экологического фактора на этапе планирования экологически значимой деятельности. Оценка воздействия на окружающую среду (далее – ОВОС) и стратегическая экологическая оценка (далее – СЭО) могут иметь в том числе трансграничный характер. Эти показатели непосредственно касаются планируемой хозяйственной деятельности, осуществление которой возможно на территории других государств, в силу чего возникает потребность в гармонизации их правового регулирования в государствах – членах ЕАЭС. Основными международными документами в сфере ОВОС и СЭО являются Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте 1991 г. (далее – Конвенция Эспо) и протокол по стратегической экологической оценке к указанной конвенции 2003 г. (далее – Протокол по СЭО). Соглашения имеют определенную взаимосвязь с Конвенцией о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды, 1998 г. в сфере участия общественности в данных процедурах. Все государства – члены ЕАЭС, за исключением Российской Федерации, являются сторонами Конвенции Эспо, однако только Республика Беларусь приняла первую поправку к данному международному соглашению, а Республика Армения единственная ратифицировала Протокол по СЭО. Учитывая важность международных соглашений как фактора гармонизации законодательств, представляется актуальным присоединение к ним в перспективе тех государств – членов ЕАЭС, которые еще не являются их сторонами. Кроме того, следует принимать во внимание определенный опыт имплементации норм Конвенции Эспо и Протокола по СЭО в национальные законодательства. Республика Беларусь начала формировать организационно-правовой механизм СЭО, что заслуживает поддержки, так как будет способствовать реализации норм Протокола по СЭО в случае присоединения к нему.

Кроме того, в Конвенции Эспо заложена основа для межгосударственного сотрудничества: заинтересованные стороны могут вступать в новые двусторонние (многосторонние) соглашения или другие договоренности для соблюдения своих обязательств. Перспективность данного направления по совершенствованию законодательства обуслов-

лена необходимостью совмещения процедур проведения ОВОС в Республике Беларусь и в затрагиваемых странах, а также наличием проектов, при реализации которых может быть оказано негативное трансграничное воздействие на окружающую среду. Полагаем, что такие вопросы, как определение объектов, подлежащих ОВОС, согласованность процедур, надлежащее участие общественности заинтересованных сторон при проведении ОВОС, наличие природоохранных мероприятий, позволяющих в полной мере реализовать положения Конвенции Эспо, требуют особого внимания при разработке соглашений.

Эффективные правовые модели в природоохранных сферах одних государств могут быть примером для других, а также служить основой для сближения правового регулирования соответствующих отношений. В частности, организационно-правовой механизм непрерывного учета экологического фактора на стадии принятия экологически значимых решений в Республике Беларусь, в отличие от Российской Федерации, также включает в себя СЭО и разнообразные правовые формы общественных обсуждений в области охраны окружающей среды. Тем не менее по определенным аспектам более эффективными представляются природоохранные меры в Российской Федерации (например, по вопросу юридической силы заключения общественной экологической экспертизы, которое носит обязательный характер).

В Республике Беларусь совершенствование законодательства направлено на дальнейшую систематизацию норм, регулирующих государственную экологическую экспертизу (далее – ГЭЭ), СЭО и ОВОС. Это подтверждается принятием Закона Республики Беларусь от 18 июля 2016 г. № 399-З «О государственной экологической экспертизе, стратегической экологической оценке и оценке воздействия на окружающую среду». Единство их правового регулирования во многом обусловлено тем, что СЭО, ОВОС и ГЭЭ представляют собой единый процесс учета экологического фактора на стадии разработки и согласования проектных решений планируемой хозяйственной и иной деятельности. Дальнейшую систематизацию правового регулирования следует осуществлять на основе выявления общих аспектов данных природоохранных мер. Это, в свою очередь, будет способствовать формированию обособленного правового обеспечения природоохранных мер, объединенных таким понятием, как экологическое сопровождение хозяйственной и иной деятельности. В Российской Федерации, в отличие от Республики Беларусь, сохраняется единство правового регулирования для двух видов экспертиз в рамках Федерального закона от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе». В соответствии с Экологическим кодексом Республики Казахстан в государстве поддерживается единство правового

регулирования ОВОС и СЭО как видов экологической оценки и видов экологической экспертизы.

Анализ законодательства государств – членов ЕАЭС, закрепляющего инструменты учета экологического фактора на этапе планирования экологически значимой деятельности, дает понимание того, в каком направлении возможно формирование в праве ЕАЭС сходных механизмов, создающих основы единого эколого-безопасного пространства этих государств.

Мониторинг окружающей среды. Одним из признанных эколого-правовых механизмов выступает мониторинг окружающей среды [7, с. 45]. Это отражено в национальном экологическом законодательстве государств – членов ЕАЭС, которые имеют общие обязательства в рассматриваемой сфере, как участники Соглашения о сотрудничестве в области экологического мониторинга 1999 г. (в редакции протоколов 2005 г. и 2015 г.), заключенного в рамках СНГ. В названном международном документе закрепляется дефиниция термина «экологический мониторинг», определяются направления сотрудничества государств в данной области. На национальном уровне понятие «экологический мониторинг» раскрывается в Федеральном законе от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее – Федеральный закон «Об охране окружающей среды»). В названном документе содержится важная характеристика рассматриваемого понятия – определение «государственный». В Законе Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды» в редакции от 17 июля 2002 г. (далее – Закон Республики Беларусь «Об охране окружающей среды») и Законе Кыргызской Республики от 16 июня 1999 г. № 53 «Об охране окружающей среды» содержатся дефиниции термина «мониторинг окружающей среды». В Экологическом кодексе Республики Казахстан называются несколько видов мониторинга (экологический, специальный, метеорологический и гидрологический, мониторинг состояния окружающей среды, мониторинг природных ресурсов). При этом понятия «экологический мониторинг» и «мониторинг окружающей среды» не являются равнозначными, как, например, в законодательстве Российской Федерации.

В целях обеспечения взаимодействия систем наблюдения за состоянием окружающей среды, оценки и прогноза изменений ее состояния под воздействием природных и антропогенных факторов, получения и предоставления экологической информации в государствах – членах ЕАЭС созданы специальные системы: Национальная система мониторинга окружающей среды в Республике Беларусь, Единая система государственного экологического мониторинга (государственного мониторинга окружающей среды) в Российской Федерации, Единая государственная система мониторинга окружающей среды и природных ресурсов в Республике Казахстан, Си-

стема государственного мониторинга окружающей среды в Кыргызской Республике.

Единообразный подход в законодательствах государств – членов ЕАЭС прослеживается при определении целей мониторинга. Однако объекты экологического мониторинга на уровне головного акта определены только в экологическом законодательстве Республики Казахстан, в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» закреплены лишь виды мониторинга, в Республике Беларусь данные нормы установлены на уровне постановления правительства.

Таким образом, при определенных отличиях в правовом регулировании данных общественных отношений в национальном праве государств – членов ЕАЭС прослеживается единообразная позиция при определении задач и основных направлений мониторинга окружающей среды, что обусловлено взятыми на себя обязательствами в рамках СНГ и позволяет унифицировать подходы для обмена экологической информацией в рамках союза.

Экологический контроль. Еще одним значимым правовым механизмом охраны окружающей среды выступает экологический контроль, который проводится на стадии осуществления хозяйственной деятельности, выступает средством обеспечения экологической безопасности и имеет целью сохранение благоприятной окружающей среды. Интересна точка зрения С. А. Боголюбова, который относил государственный и муниципальный экологический контроль (ранее закрепленные в российском законодательстве в качестве самостоятельных видов) к основным (общепризнанным) публично-правовым средствам охраны окружающей среды, а осуществление производственного, внутриведомственного и общественного экологического контроля рассматривал «скорее как частноправовые средства обеспечения экологических прав граждан» [8, с. 24]. На наш взгляд, вне зависимости от вида, экологический контроль, как отмечалось выше, является не только природоохранной мерой, но и средством обеспечения экологической безопасности.

Анализ законодательства Республики Беларусь показывает определенную непоследовательность в правовом регулировании рассматриваемых отношений, на что обращалось внимание в юридической литературе [7; 9]. Соглашаясь с позицией авторов о существующих пробелах и противоречиях, хотелось бы обратить внимание на содержание термина «экологический контроль» (был исключен из Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» в 2019 г., что нельзя признать логичным). Согласно указанному нормативному правовому акту данный механизм включает не только контроль в области охраны окружающей среды, но и контроль за рациональным использованием природных ресурсов. Представляется, что нормы об экологическом контроле применимы при

осуществлении контроля в области охраны и рационального использования земель, недр, вод, лесов и других природных ресурсов, что отражает интегрированный подход к правовому регулированию экологических отношений, обусловленный единым объектом – окружающей средой. Интересен факт, что Национальная система мониторинга окружающей среды, о которой говорилось выше (термин «экологический» в данном случае также в названии не употребляется), включает и виды наблюдений за отдельными природными ресурсами (например, мониторинг земель, лесов и др.). В Кыргызской Республике контроль в области охраны окружающей среды включает проверку выполнения мероприятий по рациональному использованию природных ресурсов. В отличие от белорусского и кыргызского подхода, в Республике Казахстан, несмотря на установленную в Экологическом кодексе Республики Казахстан дефиницию («экологический контроль») такое его направление, как использование природных ресурсов, не закрепляется.

Особенности контроля в области охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов проявляются в выделении его видов. С момента принятия Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды» в 1992 г. в данной сфере мог производиться государственный, ведомственный, производственный, общественный контроль. Кроме этого, частью каждого из них в связи с особенностью объектов являлся аналитический (лабораторный) контроль, включающий в себя отбор проб и проведение измерений, оценку соблюдения нормативов и др. Однако впоследствии деление на виды в структуре экологического контроля упразднилось, что, на наш взгляд, связано с общими процессами в системе управления. В силу комплексного характера эколого-правового регулирования изменения, вносимые в нормативные акты иных отраслей права, смежных с экологическим правом, безусловно, отражаются на содержании законодательства об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов.

Аналогичные проблемы существуют и в законодательстве Российской Федерации. В 2004 г. государственный экологический контроль был фактически заменен муниципальным путем возложения соответствующих обязанностей на органы местного самоуправления, что справедливо подвергалось критике в научной литературе [10, с. 111–112]. В настоящее время и муниципальный экологический контроль практически ликвидирован, а гл. XI Федерального закона «Об охране окружающей среды» называется «Государственный экологический надзор. Производственный и общественный контроль в области охраны окружающей среды», что также вызывает сомнения у российских ученых [11]. Система контроля за охраной окружающей среды в соответствии с законодательством Кыргызской

Республики включает государственный, ведомственный и общественный контроль, а в Экологическом кодексе Республики Казахстан закреплены такие его виды, как государственный, производственный, общественный, экологический, что следует признать обоснованным.

Полагаем, что в силу различий в подходах к закреплению экологического контроля как правового механизма охраны окружающей среды в национальных законодательствах государств – членов ЕАЭС важно установить в наднациональном праве требование об универсальности приемов и методов, применяемых для обеспечения соблюдения субъектами хозяйствования норм экологического законодательства.

Партнерство в области охраны окружающей среды. Анализ международных документов по охране окружающей среды, устанавливающих принципы устойчивого развития, а также необходимость взаимодействия государств для его достижения, показывает, что для повышения эффективности в сфере экологических отношений требуется участие частного партнера. Так, резолюция ГА ООН № 70/1 впервые содержала призыв к действию, адресованный частному сектору, в формулировке цели 17, которая предполагает «...укрепление средств осуществления и активизацию работы в рамках глобального партнерства в интересах устойчивого развития». Обзор задач, содействующих реализации указанной цели, показывает приоритет глобального партнерства правительств для совместного достижения устойчивого развития. Так, в них обозначена необходимость осуществлять «партнерство с участием многих заинтересованных сторон... стимулировать и поощрять эффективное партнерство между государственными организациями, между государственным и частным секторами и между организациями гражданского общества, опираясь на опыт и стратегии использования ресурсов партнеров» (задача 17.17). В связи с этим справедливо утверждать, что взаимодействие в экологической сфере государства субъектов экономической деятельности и заинтересованной общественности есть не что иное, как эффективный механизм достижения целей устойчивого развития.

Во всех странах – членах ЕАЭС приняты и действуют законы о государственно-частном партнерстве. При этом охрана окружающей среды прямо не закреплена в качестве сферы либо направления приложения возможностей партнерства, что, на наш взгляд, в силу открытости перечней деятельности, установленных в соответствующих законодательных актах, не препятствует его осуществлению на основе, например, концессионного или инвестиционного договора. В ряде государств – членов ЕАЭС, являющихся одновременно сторонами Орхусской конвенции (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан), прошло становление привлечения к сотрудничеству так называемой заинтересованной

общественности, в том числе общественных объединений. Нельзя не отметить, что главное отличие закрепления партнерства в законодательстве Российской Федерации состоит в том, что здесь реализовывать подобное взаимодействие возможно на федеральном уровне, уровне субъектов Федерации, а также уровне муниципальных образований. В Республике Казахстан полномочия местных исполнительных органов были расширены Законом Республики Казахстан от 31 октября 2015 г. № 379-V «О государственно-частном партнерстве», согласно которому в компетенцию названных органов входят в том числе подготовка и экспертиза местных проектов партнерства, утверждение маслихатами областей перечня местных проектов государственно-частного партнерства, организация данными органами конкурса (аукциона) либо прямых переговоров в отношении местных проектов государственно-частного партнерства, заключение договоров по ним (ст. 25). В Республике Беларусь в настоящее время такая совместная деятельность может осуществляться лишь на уровне *государство – бизнес*. В связи с этим обоснованным видится выведение партнерства в Республике Беларусь на местный уровень, наделение местных исполнительных и распорядительных органов полномочием выступать в качестве государственного партнера. Так, Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 108-З «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» такому развитию событий не противоречит, местные исполкомы, например, принимают участие в разработке инвестиционных проектов (ст. 41). Однако надо отметить, что достаточно сложно определить границы возможностей партнерства в силу нечеткости правового регулирования исследуемого механизма [7].

Несмотря на то что в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» предпосылки для осуществления партнерства в экологической сфере сходны с аналогичными, установленными Законом Республики Беларусь «Об охране окружающей среды», т. е. охрана окружающей среды отражена только среди принципов партнерства, различия между ними куда более существенны. Так, ст. 2 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государ-

ственно-частном партнерстве» к законодательству о партнерстве относит Земельный кодекс Российской Федерации, Лесной кодекс Российской Федерации, Градостроительный кодекс Российской Федерации, Водный кодекс Российской Федерации. Кроме того, в нормах вышеназванных правовых актов также содержится отсылка к соглашениям о партнерстве государства и бизнеса. Таким образом, возможность их сотрудничества внедрена в само природоресурсное законодательство [12, с. 335]. В белорусском законодательстве такой особенности нет. Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2015 г. № 345-З «О государственно-частном партнерстве» главной целью ставит развитие инфраструктуры, экологические отношения в задачах партнерства не фигурируют, за исключением повышения эффективности использования имущества, в том числе земельных участков, находящихся в государственной собственности (ст. 2).

Среди базовых признаков партнерства государства и субъектов, осуществляющих хозяйственную деятельность, независимо от сферы деятельности, а также страны реализации, обеспечивающих безопасность сотрудничества, можно назвать следующие:

- сторонами партнерства являются государство и частный бизнес (в сфере экологических отношений также заинтересованная общественность);
- взаимодействие сторон закрепляется на официальной юридической основе (соглашения, договоры, контракты и т. п.);
- сотрудничество указанных сторон имеет реальный партнерский характер, четко выраженную публичную, общественную направленность (главной целью является удовлетворение государственного интереса при учете мнения заинтересованной общест-венности);
- активы (ресурсы и вклады) сторон консолидируются в процессе реализации проектов на основе государственно-частного партнерства;
- финансовые риски и затраты, а также достигнутые в партнерстве результаты распределяются между сторонами в пропорциях согласно договоренностям, зафиксированным в соответствующих соглашениях, договорах, контрактах и т. п.³

Правовое обеспечение устойчивого природопользования как направление формирования евразийского эколого-безопасного пространства

Экономическая интеграция государств – членом ЕАЭС, имеющая целью проведение скоординированной, согласованной или единой политики в различных отраслях экономики и создание единой инфраструктуры на пространстве общего рынка этих стран, требует в том числе природоресурсного обес-

печения этого сотрудничества, тем более что ряд областей экономической деятельности непосредственно связаны с природопользованием (например, формирование единого рынка энергетических ресурсов или единого аграрного рынка). Следует признать, что развитие сотрудничества государств

³Практическое руководство по вопросам эффективного управления в сфере государственно-частного партнерства. Нью-Йорк : ООН, 2008. 114 с.

евразийского региона как при осуществлении общих задач, стоящих перед ЕАЭС, так и при реализации двусторонних проектов по использованию природных ресурсов на территории различных государств ЕАЭС опережает выработку единых правовых подходов к устойчивому природопользованию. Это связано с тем, что в геополитическом плане природоресурсный потенциал отдельных стран используется преимущественно в пределах их государственной территории, что определяется особенностями природных ресурсов как объекта правового регулирования [13, с. 8–9]. Из-за высокого уровня суверенных прав государств на находящиеся на их территории природные ресурсы унификация правовых норм, касающихся их устойчивого использования, не представляется возможной. Согласование позиций государств – членов ЕАЭС основано на том, что природоресурсное законодательство этих стран развивалось на единой правовой основе с учетом особенностей, обусловленных национальными, историческими, экономическими обстоятельствами, перспективами дальнейшей экономической интеграции в рамках ЕАЭС.

Понимание эколого-безопасного пространства как универсальной правовой категории в экологических отношениях предполагает существование эффективных правовых инструментов по обеспечению баланса между экономической (природоресурсной) и экологической (природоохранной) составляющей этих отношений, в том числе складывающихся в сфере природопользования [7, с. 3]. В основе правового регулирования устойчивого природопользования должны лежать общие и специальные принципы правового регулирования экологических отношений, предусмотренные как в международных документах, так и в национальном законодательстве Республики Беларусь и других государств – членов ЕАЭС, на основании которых возможна выработка общих для всех отношений в сфере природных ресурсов признаков устойчивости и рациональности их использования.

Данный аспект формирования эколого-безопасного пространства во всех государствах – участниках ЕАЭС определяется единой концептуальной основой правового регулирования этих отношений. Такой основой является доктрина устойчивого развития, охватывающая в равной степени все

правовые формы взаимодействия общества и природы [14, с. 10]. Этот подход позволяет сочетать решение экологических задач (для природоресурсной сферы они заключаются в достижении параметров рационального (устойчивого) природопользования, определенных в нормах природоресурсного права) в совокупности с экономическими и социальными задачами. Одной из них, как указано в Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2030 года⁴, является повышение эффективности использования природоресурсного потенциала при обеспечении целостности природных комплексов и удовлетворении настоящих и будущих потребностей общества в получении достаточных и качественных ресурсов. Таким образом, с точки зрения достижения целей по формированию эколого-безопасного пространства устойчивое использование природных ресурсов можно считать системообразующим показателем и стратегическим направлением правового обеспечения этой сферы.

Исходной нормой с точки зрения признания экологической значимости рационального природопользования в правовом регулировании экологических отношений можно считать принцип охраны, рационального (устойчивого) использования природных ресурсов и их воспроизводства как необходимых условий обеспечения благоприятной окружающей среды и экологической безопасности. В природоресурсном законодательстве Республики Беларусь указанный принцип, установленный в ст. 4 Закона Республики Беларусь «Об охране окружающей среды», не нашел широкого отражения в силу содержательных особенностей отдельных видов природоресурсных правоотношений. В природоресурсных актах других государств – членов ЕАЭС закреплен определенный механизм правового регулирования этих отношений, непосредственно или в опосредованном виде, включающий требования по устойчивому природопользованию отдельными природными ресурсами. При этом не всегда содержание требований по устойчивому природопользованию закрепляется в виде специальной нормы, нормы-принципа или специального положения, что следует рассматривать как особенность технико-юридического выражения данных требований, а не прямой недостаток законодательства.

Заключение

Разработка концепции формирования единого эколого-безопасного пространства государств, являющихся членами ЕАЭС, базируется на восприятии данного союза как международной организации ре-

гиональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью.

Понимание объективной потребности в общем пространстве экологической безопасности на раз-

⁴Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года // Экон. бюл. НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь. 2015. № 4. С. 2–99.

личных уровнях функционирования систем охраны окружающей среды (международный, межгосударственный, национальный) выявило необходимость обоснования в современной доктрине экологического права новой научной категории «эколого-безопасное пространство», которая может стать основой концепции современного экологического правопорядка. Введение данной категории позволяет усилить понятийный аппарат науки экологического права указанием не только на определенное, заданное на уровне технических нормативных правовых актов, безопасное для человека состояние окружающей среды (экологическая безопасность) или процесс реализации разработанных человечеством природоохранных механизмов, обеспечивающих и поддерживающих эту экологическую безопасность (охрана окружающей среды), но и на территориально-пространственный признак, определяющий границы территории, где осуществляются такого рода процессы с соответствующим результатом (обеспечение экологической безопасности).

Введение пространственного критерия как возможности очертить для некоторой территории институциональные рамки, устанавливаемые международным договором, межгосударственным соглашением, законом, позволяет конкретизировать территорию (как объект), в отношении которой применимы те или иные эколого-правовые меры. Территориальный признак, кроме прочего, указывает на условия объективного порядка: уровень экономики, социальную сферу, установленные правом природоохранные средства, применение которых возможно на определенной территории. Все это позволяет определять эколого-безопасное пространство как совокупность количественных и качественных характеристик окружающей среды и применяемых на конкретной территории природоохранных средств для достижения экологически безопасного состояния.

В основу построения эколого-безопасного пространства государств – членов ЕАЭС следует положить единые экологически значимые цели и вытекающие из них природоохранные принципы с учетом того обстоятельства, что концептуальной основой правового регулирования экологических отношений во всех государствах – членах ЕАЭС является доктрина устойчивого развития, охватывающая в равной степени все правовые формы взаимодействия общества и природы. Полагаем, что на данном этапе формирования пространства экологической безопасности в качестве основных начал следует рассматривать принципы, на которых базируются цели

устойчивого развития, закрепленные в резолюции ГА ООН № 70/1.

Последующее надгосударственное регулирование на уровне договоренностей государств, входящих в ЕАЭС, по повестке формирования эколого-безопасного пространства возможно на основе аспекта гармонизации национального экологического законодательства и с его учетом.

Воздействие на окружающую среду в процессе осуществления хозяйственной и иной деятельности происходит в постоянно изменяющихся экономических, технических и технологических условиях. Гарантией обеспечения экологической безопасности в едином пространстве ЕАЭС выступают различные правовые механизмы охраны окружающей среды (оценка воздействия на окружающую среду планируемой деятельности, стратегическая экологическая оценка, экологическая экспертиза, мониторинг, контроль). Формирование единого евразийского эколого-безопасного пространства требует сближения правовых подходов государств – членов ЕАЭС в рассматриваемой сфере на основе общих международных обязательств.

Сравнительно-правой анализ законодательств рассматриваемых государств позволяет сделать вывод о перспективности развития государственно-частного партнерства в сфере экологических отношений, а также о поступательном развитии законодательства об охране окружающей среды в соответствии с общемировыми тенденциями. Предлагается рассматривать всю экологическую сферу – охрану окружающей среды, обеспечение экологической безопасности, рациональное использование природных ресурсов, восстановление природных ресурсов – в качестве самостоятельного направления приложения возможностей партнерства.

Для реализации общих согласованных подходов государств – членов ЕАЭС по обеспечению устойчивого природопользования предлагаются следующие формы взаимодействия:

- сотрудничество при выполнении международных требований, вытекающих из ряда соглашений, регулирующих использование природных ресурсов, к которым присоединены все государства ЕАЭС;
- выработка единых правовых рекомендаций по гармонизации законодательного обеспечения устойчивого природопользования (выполняет модельное законодательство в сфере охраны окружающей среды и использования природных ресурсов, которое служит образцом для правотворческой деятельности национальных законодательных органов);
- двустороннее сотрудничество.

Библиографические ссылки

1. Макарова ТИ. Эколого-безопасное пространство: юридическое содержание категории и место в науке о правовой охране окружающей среды. В: Михалёва ТН, редактор. *Государство и право в XXI веке: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию юридического факультета Белорусского государственного университета; 26–27 ноября 2020 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2021. с. 33–42.

2. Захарин АН, Нутрихин РВ. Правовые проблемы формирования единого эколого-безопасного пространства стран – участниц ЕАЭС. *Гуманитарные и юридические исследования*. 2021;1:145–151. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.19.
3. Макарова ТИ. Право окружающей среды Евразийского экономического союза: проблемы формирования. В: Макарова ТИ, редактор. *Влияние межгосударственных интеграционных процессов на развитие аграрного, экологического, природоресурсного и энергетического права: тезисы докладов Международной научно-практической конференции; 26–27 апреля 2018 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2018. с. 55–58.
4. Шахрай ИС, Шингель НА. Концептуальные проблемы формирования и развития природоресурсного законодательства Республики Беларусь. *Юридическая наука: история и современность*. 2017;7:88–97.
5. Боголюбов СА. Единство и многообразие российского эколого-правового пространства. *Журнал российского права*. 2017;11:73–81. DOI: 10.12737/article 59f067c3cae4a6.44715831.
6. Макарова ТИ. Институционализация охраны окружающей среды как фактор реализации экологической политики на уровне законодательства субъектов Российской Федерации. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Право»*. 2020;1(20):90–95. DOI: 10.14529/law200114.
7. Макарова ТИ, Балашенко СА, Лизгаро ВЕ, Мороз ОВ. *Правовые механизмы охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности*. Макарова ТИ, редактор. Минск: БГУ; 2016. 191 с.
8. Боголюбов СА. Соотношение публично-правовых и частноправовых средств в обеспечении экологических прав граждан. *Журнал российского права*. 2005;7:24–33.
9. Шахрай ИС. Проблемы правового регулирования экологического контроля в свете обновления законодательства Республики Беларусь о контрольной (надзорной) деятельности. *Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4. Правазнаўства*. 2018;1(8):59–65.
10. Хлуденева НИ. *Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды*. Москва: ИНФРА-М; 2014. 172 с.
11. Вершило НД. К вопросу о государственном экологическом контроле и надзоре. *Законы России. Опыт. Анализ. Практика*. 2017;6:35–39.
12. Курилович МП. Организационно-правовые формы партнерства государства и бизнеса в сфере охраны окружающей среды: сравнительно-правовой анализ законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации. *Научные труды Академии управления*. 2020;22:330–339.
13. Шингель НА, Шахрай ИС. *Природоресурсное право*. Минск: Вышэйшая школа; 2017. 399 с.
14. Балашенко СА, Макарова ТИ, Лизгаро ВЕ. *Экологическое право*. Минск: Вышэйшая школа; 2021. 399 с.

References

1. Makarova TI. [Environment safe space: legal content of the category and place in the science of legal protection of the environment]. In: Mikhalyova TN, editor. *Gosudarstvo i pravo v XXI veke: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 95-letiyu yuridicheskogo fakul'teta Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta; 26–27 noyabrya 2020 g.; Minsk, Belarus* [State and law in the 21st century: materials of the International scientific and practical conference dedicated to the 95th anniversary of the faculty of law of the Belarusian State University; 2020 November 26–27; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2021. p. 33–42. Russian.
2. Zakharin AN, Nutrikhin RV. Legal problems of the formation of a single environmentally safe space of the EAEU member states. *Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya*. 2021;1:145–151. Russian. DOI: 10.37493/2409-1030.2021.1.19.
3. Makarova TI. [Environmental law of the Eurasian Economic Union: problems of formation]. In: Makarova TI, editor. *Vliyaniye mezhgosudarstvennykh integratsionnykh protsessov na razvitiye agrarnogo, ekologicheskogo, prirodoresursnogo i energeticheskogo prava: tezisy dokladov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 26–27 aprelya 2018 g.; Minsk, Belarus* [The impact of interstate integration processes on the development of agricultural, environmental, natural resource and energy law: abstracts of reports of the International scientific and practical conference; 2018 April 26–27; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2018. p. 55–58. Russian.
4. Shakhrai IS, Shingel' NA. [Conceptual problems of formation and development of the natural resource legislation of the Republic of Belarus]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2017;7:88–97. Russian.
5. Bogolyubov SA. Unity and diversity of the Russian ecological and legal space. *Journal of Russian Law*. 2017;11:73–81. Russian. DOI: 10.12737/article 59f067c3cae4a6.44715831.
6. Makarova TI. Institutionalisation of environmental protection as a factor of implementation of ecological policy at the level of legislation of subjects of the Russian Federation. *Bulletin of the South Ural State University. Series Law*. 2020;1(20):90–95. Russian. DOI: 10.14529/law200114.
7. Makarova TI, Balashenko SA, Lizgaro VE, Moroz OV. *Pravovyye mekhanizmy okhrany okruzhayushchei sredy i obespecheniya ekologicheskoi bezopasnosti* [Legal mechanisms for environmental protection and environmental safety]. Makarova TI, editor. Minsk: Belarusian State University; 2016. 191 p. Russian.
8. Bogolyubov SA. [The ratio of public law and private law means in ensuring the environmental rights of citizens]. *Zhurnal rossiiskogo prava*. 2005;7:24–33. Russian.
9. Shakhrai IS. [Problems of legal regulation of environmental control in the light of updating the legislation of the Republic of Belarus on control (supervisory) activities]. *Vesnik Grodzenskaga dzjarzhawnaga wniversitjeta imja Janki Kupaly. Seriya 4. Pravaznavstva*. 2018;1(8):59–65. Russian.
10. Khludeneva NI. *Defekty pravovogo regulirovaniya okhrany okruzhayushchei sredy* [Defects in legal regulation of environmental protection]. Moscow: INFRA-M; 2014. 172 p. Russian.
11. Vershilo ND. [On the issue of state environmental control and supervision]. *Zakony Rossii. Opyt. Analiz. Praktika*. 2017;6:35–39. Russian.
12. Kurilovich MP. Legal forms of public-private partnership in the sphere of environmental protection: a comparative legal analysis in the legislation of the Republic of Belarus and the Russian Federation. *Nauchnye trudy Akademii upravleniya*. 2020;22:330–339. Russian.

13. Shingel' NA, Shakhray IS. *Prirodoresursnoe pravo* [Nature resource law]. Minsk: Vyshhejschaja shkola; 2017. 399 p. Russian.
14. Balashenko SA, Makarova TI, Lizgaro VE. *Ekologicheskoe pravo* [Environmental law]. Minsk: Vyshhejschaja shkola; 2021. 399 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 04.02.2022.
Received by editorial board 04.02.2022.

Авторы:

Тамара Ивановна Макарова – доктор юридических наук, профессор; заведующий кафедрой экологического и аграрного права юридического факультета.

Элеонора Сергеевна Навасардова – доктор юридических наук, профессор; заведующий кафедрой экологического, земельного и трудового права юридического факультета.

Виктория Евгеньевна Лизгаро – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета.

Олег Васильевич Мороз – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета.

Наталья Адамовна Шингель – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета.

Мария Петровна Курилович – преподаватель кафедры экологического и аграрного права юридического факультета¹, младший научный сотрудник Центра государственного строительства и права⁵.

Authors:

Tamara I. Makarova, doctor of science (law), full professor; head of the department of environmental and agricultural law, faculty of law.

makti@bsu.by

<https://orcid.org/0000-0002-0842-900X>

Eleonora S. Navasardova, doctor of science (law), full professor; head of the department of environmental, land and labour law, faculty of law.

navasardova@yandex.ru

Victoria E. Lizgaro, PhD (law), docent; associate professor at the department of environmental and agricultural law, faculty of law.

lizgaro@bsu.by

Oleg V. Moroz, PhD (law), docent; associate professor at the department of environmental and agricultural law, faculty of law.

moroz_ov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8201-2600>

Natalia A. Shingel, PhD (law), docent; associate professor at the department of environmental and agricultural law, faculty of law.

singel.61@list.ru

Maria P. Kurylovich, lecturer at the department of environmental and agricultural law, faculty of law^a, and junior researcher at the Centre for State Construction and Law^c.

glushakova.maria@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-1067-1310>

УДК 349.42

О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПЧЕЛОВОДСТВА В БЕЛАРУСИ

В. В. САСКЕВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Проанализированы акты белорусского законодательства, содержащие специальные нормы о пчеловодстве. Обращено внимание на различия в правовом регулировании пчеловодства в зависимости от правового положения субъекта данной деятельности. Сделан вывод о целесообразности определения законодательных основ пчеловодства и правовых мер по его стимулированию. Обоснована необходимость реализации унифицированного подхода к регламентации размещения и обустройства пасек, совершенствования правового регулирования племенного пчеловодства. Предложено признать пчеловодство физических лиц, включая получение дохода, самостоятельным видом деятельности граждан, не относящимся к предпринимательской деятельности, а также закрепить специальные земельно-правовые основания использования земельных участков для пчеловодства.

Ключевые слова: правовое регулирование пчеловодства; аграрное право; сельское хозяйство; ветеринарно-санитарные правила; племенное пчеловодство; права на земельные участки.

ON THE LEGAL REGULATION OF BEEKEEPING IN BELARUS

V. V. SASKEVICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Acts of the Belarusian legislation containing special norms on beekeeping are analysed. The differences in the legal regulation of beekeeping depending on the legal status of the subject of this activity are emphasised. It is concluded that it is advisable to adopt the legislative framework for beekeeping and legal measures to stimulate it. The necessity of implementing a unified approach to the regulation of the placement and arrangement of apiaries, improving the legal regulation of pedigree beekeeping has been substantiated. It is proposed to recognise the beekeeping of individuals, including income generation, as a type of non-commercial activity of citizens and to provide special legal grounds for the land plots use for beekeeping.

Keywords: legal regulation of beekeeping; agrarian law; agriculture; veterinary and sanitary regulations; pedigree beekeeping; land rights.

Введение

Сохранение, популяризация и стимулирование пчеловодства в Беларуси необходимы для решения целого ряда вопросов в контексте достижения целей устойчивого развития: предоставления людям качественного, полноценного и разнообразного питания¹, а также обеспечения занятости и необходимого

¹Доктрина национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

Образец цитирования:

Саскевич ВВ. О правовом регулировании пчеловодства в Беларуси. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2022;1:112–118.

For citation:

Saskevich VV. On the legal regulation of beekeeping in Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2022; 1:112–118. Russian.

Автор:

Вероника Васильевна Саскевич – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета.

Author:

Veranika V. Saskevich, PhD (law), docent; associate professor at the department of environmental and agrarian law, faculty of law.
saskevich@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0002-6622-0001>

уровня доходов у сельского населения, сохранения природных экосистем, поддержания биологического разнообразия, получения положительного экономического эффекта как от реализации продукции пчеловодства, так и от повышения урожайности энтомофильных сельскохозяйственных культур. Одно из условий для развития пчеловодства – наличие соответствующей правовой основы, определяющей порядок его ведения и предусматривающей стимулирующие меры организационного и экономического характера, в том числе по государственной поддержке этого значимого «зеленого» направления сельскохозяйственного производства, юридические гарантии прав и законных интересов пчеловодов.

В белорусской юридической науке современным проблемам правового обеспечения пчеловодства уделено недостаточно внимания в рамках специальных исследований. Некоторые связанные с данной темой аспекты анализировались в работах Т. И. Ма-

каровой, И. П. Кузьмич, Н. А. Шингель, И. С. Шахрай, И. М. Чиж, Е. В. Шаршун, В. В. Саскевич, посвященных правовому обеспечению устойчивого развития сельских территорий; правовым формам сельскохозяйственной деятельности [1–3]; развитию законодательства о растениеводстве и животноводстве [4]; правовому регулированию производства и обращения органической продукции [5, с. 164–187; 6, с. 256–272], использования земельных участков и участков лесного фонда в сельскохозяйственных целях [7; 8], защиты растений [2]. В публикациях автора настоящей статьи [9; 10] отражены результаты исследования отдельных проблем правового обеспечения пчеловодства, имеющих на момент написания работ (2010–2013). Однако некоторые из затронутых аспектов, несмотря на существенные изменения законодательства, значимы и сегодня. Таким образом, рассматриваемая тема актуальна и представляет интерес для научного осмысления.

Основная часть

Специальный законодательный акт о пчеловодстве в Беларуси отсутствует, несмотря на то что потребность в его разработке и принятии давно очевидна, обоснована и сохраняется в настоящее время² [10].

Задача по развитию пчеловодства не нашла отражения в государственных программах на текущую пятилетку, за исключением некоторых мероприятий в отношении племенного дела в животноводстве, финансируемых как из республиканского бюджета, так и за счет собственных средств (содержание в племенных хозяйствах племенных пчелиных семей, выращивание, реализация и закупка племенной продукции (материала))³. Отметим, что ранее специальные мероприятия государственных программ были более разнообразными и предусматривались не только в рамках развития племенного дела, но и плодоводства, личных подсобных хозяйств граждан⁴. Существовала даже специальная программа на местном уровне⁵. В то же время в качестве косвенной меры государственной поддержки пчеловодства Особенной частью Налогового кодекса Республики Беларусь (далее – НК) установлен льготный (особый) режим налогообложения: освобождение физических лиц, получающих доход от реализации произведен-

ной ими (лицами, состоящими с ними в отношениях близкого родства или свойства, опекуна, попечителя и подопечного) продукции пчеловодства, от подоходного налога и единого налога с индивидуальных предпринимателей и иных физических лиц, освобождение от налогов, сборов (пошлин) крестьянских (фермерских) хозяйств в течение трех лет со дня их государственной регистрации в части деятельности по производству продукции пчеловодства, льготы для организаций по налогу на добавленную стоимость, налогу на недвижимость, возможность перехода юридического лица на уплату единого налога для производителей сельскохозяйственной продукции и др.

Пчеловодство в Беларуси может осуществляться в качестве предпринимательской деятельности (юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями) и некоммерческой деятельности физических лиц, которые вправе реализовывать произведенную ими продукцию пчеловодства. Отношения по осуществлению пчеловодства и связанные с ним отношения регулируются положениями различных нормативных правовых актов, в том числе технических (далее – ТНПА). Содержание правового регулирования во многом зависит от статуса

²Менделеева И., Бебенина О., Бычяня В., Ковалёв К. Почему специалисты настаивают на скорейшем принятии полноценного закона о пчеловодстве [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sb.by/articles/gorkiy-med-pcheli.html> (дата обращения: 03.09.2021).

³Государственная программа «Аграрный бизнес» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

⁴Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 1926 «О Государственной комплексной программе развития картофелеводства, овощеводства и плодоводства в 2011–2015 годах» [Электронный ресурс] // Там же; Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 27 октября 2010 г. № 1578 «О Программе развития и поддержки личных подсобных хозяйств граждан в 2011–2015 годах» [Электронный ресурс] // Там же.

⁵Решение Витебского областного Совета депутатов от 21 июня 2012 г. № 186 «Об утверждении Программы развития пчеловодства в сельскохозяйственных организациях Витебской области на 2012–2015 годы» [Электронный ресурс] // Там же.

субъекта, что не всегда оправданно, однако существуют и некоторые унифицированные акты законодательства.

Так, Ветеринарно-санитарные правила содержания пчел, утвержденные постановлением Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь от 16 августа 2012 г. № 55, устанавливают обязательные для соблюдения юридическими и физическими лицами, в том числе индивидуальными предпринимателями, имеющими пчел, требования к безопасности работ и услуг, связанных с содержанием, выращиванием, разведением, перемещением пчел, и проведению ветеринарных мероприятий, направленных на обеспечение их благополучия. Документом, в частности, предусмотрены требования к уходу за пчелами, к их кормлению и разведению, перевозке (кочевке) на медосбор и опыление, пересылке пакетов, к процессам получения продуктов пчеловодства. В 2018 г. правила претерпели существенные изменения, из них была исключена глава, устанавливающая детальные требования к размещению и обустройству пасек. Таким образом было устранено дублирование ряда нормативных предписаний в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, поскольку ветеринарно-санитарные требования к объектам, предназначенным для содержания пчел (пасеки), установлены Декретом Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. № 7 «О развитии предпринимательства». В то же время образовался пробел в правовом регулировании размещения и обустройства пасек физических лиц (большинство пасек в Республике Беларусь)⁶. Целесообразно было бы реализовать унифицированный подход к регламентации данных правоотношений, обеспечивающий охрану пчел (и, как следствие, прав и интересов пчеловодов), их ветеринарное благополучие и получение качественной безопасной продукции пчеловодства, а также безопасность населения с учетом интересов субъектов пчеловодства. Для этого необходимо закрепить общие для всех субъектов рассматриваемой деятельности нормы о размещении и обустройстве пасек в специальном нормативном правовом акте о пчеловодстве.

Унифицированный характер имеют также некоторые положения Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 287-3 «Об идентификации, регистрации, прослеживаемости животных (стад), идентификации и прослеживаемости продуктов животного происхождения». Благодаря внесенным в него изменениям и дополнениям с июля 2021 г. пчелы (пчелосемьи), продукция пчеловодства стали объектами соответствующих отношений. Идентификация племенных пчел (пчелосемей) прово-

дится их владельцами с помощью микрочипа или табло, иных пчел (пчелосемей) – с использованием табло, регистрация осуществляется путем внесения информации в реестр животных (стад). Идентификация продукции пчеловодства происходит на основании ее маркировки, осуществляемой только юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями при производстве и реализации (выпуске в обращение) указанной продукции. Ее прослеживаемость обеспечивается на основании информации, содержащейся в информационной системе «AITS – прослеживаемость», и товаросопроводительной документации, представленной владельцами пчел (пчелосемей), изготовителями продукции пчеловодства на бумажных и (или) электронных носителях. Действие названного закона не распространяется на отношения, возникающие при использовании пчел (пчелосемей), производстве продукции пчеловодства физическими лицами для собственных нужд и не преследующими при этом цель по извлечению прибыли.

Меры по обеспечению прав субъектов пчеловодства и безопасности продукции данной деятельности в связи с разработкой, производством средств защиты растений и обращением с ними закреплены Законом Республики Беларусь от 25 декабря 2005 г. № 77-3 «О карантине и защите растений», Санитарными нормами и правилами «Требования к применению, условиям перевозки и хранения пестицидов (средств защиты растений), агрохимикатов и минеральных удобрений», утвержденными постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 27 сентября 2012 г. № 149. Так, средства защиты растений подлежат государственной регистрации на основании положительных результатов их испытаний, а также токсиколого-гигиенической оценки, включению в Государственный реестр средств защиты растений и удобрений, разрешенных к применению на территории Республики Беларусь. Предусмотрены нормы о соблюдении при авиаобработке пестицидами (средствами защиты растений) и агрохимикатами обязательного санитарного разрыва в 5 км от мест постоянного размещения медоносных пасек; об организации руководителем работ по применению пестицидов оповещения населения, владельцев пасек близлежащих населенных пунктов, на границе с которыми размещаются подлежащие обработке площади, о запланированных работах (за 4–5 суток) через средства массовой информации (радио, телевидение, газеты, интернет), объявления в населенных пунктах; об обязанности владельца пасеки обеспечить вывоз ульев не менее чем на 5 км от обрабатываемых участков или изолировать пчел на срок, указанный

⁶Часовитина Н. Наш корреспондент разбиралась в породах пчел, их плюсах и минусах и популярности среди пасечников [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sb.by/articles/s-kakoy-pchely-vzyatok-gladok.html> (дата обращения: 03.09.2021).

в Государственном реестре средств защиты растений и удобрений, разрешенных к применению на территории Республики Беларусь.

Фактором эффективности приведенных норм законодательства о разработке, производстве средств защиты растений и обращении с ними является надлежащая правореализационная практика, а особенно – четко функционирующий механизм надзора и привлечения к ответственности правонарушителей в данной области. Существенное значение имеет оптимальное распределение полномочий государственных инспекций по семеноводству, карантину и защите растений и органов государственного санитарного надзора в рассматриваемой сфере, включая надзор за соблюдением и выполнением требований санитарных правил, Закона Республики Беларусь от 25 декабря 2005 г. № 77-З «О карантине и защите растений», обязательных требований ТНПА и рекомендаций по применению средств защиты растений. Кроме того, условием надлежащей защиты прав пчеловодов в случае массовой гибели пчел является наличие лабораторий и доступность их услуг для точного установления причины ущерба, в том числе конкретного вида средства защиты растений, нанесшего вред насекомым.

Правовые основы, общие для юридических и физических лиц, необходимые для развития производства и обращения органической продукции пчеловодства, закреплены Законом Республики Беларусь от 9 ноября 2018 г. № 144-З «О производстве и обращении органической продукции», который вступил в силу 18 ноября 2019 г. В развитие его положений постановлением Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь от 14 августа 2019 г. № 39 утвержден технический кодекс установившейся практики «Общие правила производства органической продукции», а постановлением Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь от 4 марта 2019 г. № 12 введен в действие в качестве государственного стандарта межгосударственный стандарт ГОСТ 33980-2016 «Продукция органического производства. Правила производства, переработки, маркировки и реализации». Согласно данным реестра производителей органической продукции на сегодняшний день в Беларуси нет производителей продукции пчеловодства,

имеющих сертификат соответствия Национальной системы подтверждения соответствия Республики Беларусь, выданный в отношении органической продукции и процессов ее производства при добровольной сертификации⁷.

Поскольку в соответствии с Законом Республики Беларусь от 20 мая 2013 г. № 243 «О племенном деле в животноводстве» к субъектам племенного животноводства относятся только юридические лица, физические лица вправе лишь приобретать и использовать племенных пчеломаток, племенные пчелопакеты, но заниматься племенным делом де юре не могут. В то же время в связи с нехваткой племенных пасек и востребованностью среди пчеловодов племенной продукции, юридические лица, не являющиеся племенными хозяйствами, и физические лица фактически разводят и реализуют «чистопородных» пчеломаток⁸. На наш взгляд, такая деятельность нуждается в специальном правовом закреплении и создании благоприятных правовых условий для ее развития. Что же касается племенных хозяйств по разведению пчел, то они подлежат учету в реестре субъектов племенного животноводства и имеют право получить паспорт субъекта племенного животноводства, удостоверяющий их особый статус. Для этого необходимо соответствовать как общим требованиям, предъявляемым к субъектам племенного животноводства, так и требованиям, предъявляемым к соответствующим видам субъектов племенного животноводства, соблюдать минимальные требования, предъявляемые к племенным хозяйствам по разведению пчел⁹. Кроме того, зоогигиеническими правилами для данных субъектов установлены требования к содержанию, кормлению пчел и получению пчелопакетов¹⁰.

Основную категорию субъектов пчеловодства составляют физические лица¹¹, занимающиеся им в рамках законодательно закрепленных правовых форм некоммерческой деятельности как в личных целях, так и для реализации продукции пчеловодства. Отметим, что в данном случае законодательство неоправданно обошло вниманием значимые для растениеводства опыленческие услуги, которые не охватываются понятием «продукция пчеловодства».

Так, личное подсобное хозяйство, являясь наиболее значимой правовой формой некоммерче-

⁷Реестр производителей органической продукции [Электронный ресурс]. URL: <https://organic.gskp.by> (дата обращения: 10.10.2021).

⁸Кукишинская Е. Разводит пчел, обучает стажеров и снимает ролики для YouTube. История пчеловода-блогера. Спорим, вы не знаете, где правильно хранить мед пасечников [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sb.by/articles/gde-pravilno-khranit-med-na-stole.html> (дата обращения: 10.10.2021); Часовитина Н. Наш корреспондент...

⁹Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 22 ноября 2013 г. № 1005 «О мерах по реализации Закона Республики Беларусь от 20 мая 2013 г. № 24-З “О племенном деле в животноводстве”» [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021.

¹⁰Постановление Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь от 8 октября 2013 г. № 56 «Об утверждении зоогигиенических правил, устанавливающих требования к содержанию и кормлению племенных животных, племенных стад, получению и хранению спермы, эмбрионов, инкубационных яиц, икры, личинок, пчелопакетов» [Электронный ресурс] // Там же. Минск, 2021.

¹¹Часовитина Н. Наш корреспондент...

ской сельскохозяйственной деятельности граждан, позволяет в силу достаточно большого земельного участка (суммарно до 4 га) физическому лицу в одиночку или совместно с лицами, состоящими с ним в отношениях близкого родства или свойства, опекуна, попечителя и подопечного, заниматься пчеловодством без какого-либо организационного оформления [2, с. 84].

Правила содержания пчел на территории садоводческих товариществ (далее – СТ) определены в постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 21 июля 2008 г. № 1048. Члены СТ вправе содержать на предоставленных им земельных участках пчел (максимальный размер предоставляемого земельного участка в соответствии с Кодексом Республики Беларусь о земле (далее – КоЗ) составляет 0,15 га) в количествах, обеспечивающих соблюдение санитарно-гигиенических норм и правил без ущерба для нормального отдыха других членов СТ, их семей и иных лиц. Четкие ограничения по количеству пчелосемей, требования по размещению ульев не установлены. Член СТ обязан согласовать в письменной форме содержание пчел с другими членами СТ – владельцами, собственниками и арендаторами смежных земельных участков, обеспечивать соблюдение ветеринарно-санитарных норм и правил, в случае болезни пчел принимать меры по своевременному оказанию ветеринарной помощи, не допускать распространения болезней, жестокого обращения с животными. Отметим, что до 2018 г. Ветеринарно-санитарными правилами содержания пчел, утвержденными постановлением Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь от 16 августа 2012 г. № 55, предусматривались нормы об определении размера площади места размещения любой стационарной пасеки из расчета на одну пчелосемью и рекомендация о максимальном количестве пчелосемей на одной пасеке.

Пчеловодство может осуществляться и в рамках иных видов некоммерческой сельскохозяйственной деятельности граждан, которые не всегда урегулированы с достаточной полнотой, что справедливо отмечает Н. А. Шингель [2, с. 80, 91]. На основании положений ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь, ст. 208, 337 НК физические лица вправе заниматься пчеловодством и реализовывать его продукцию посредством некоммерческой деятельности на земельном участке, предоставленном им для строительства и обслуживания жилого дома, квартиры в блокированном жилом доме, дачного строительства, в виде служебного земельного надела. Допускается использование для данной деятельности и земельного участка, предоставленного для перечисленных выше целей, а также ведения личного подсобного хозяйства, коллективного садоводства лицам, состоящим с пчеловодом в отношениях

близкого родства или свойства, опекуна, попечителя и подопечного.

В то же время нормы о размещении пасек физических лиц предусмотрены техническим кодексом установившейся практики ТКП 45-3.01-117-2008 «Градостроительство. Районы усадебного жилищного строительства. Нормы планировки и застройки», утвержденным и введенным в действие приказом Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь от 28 ноября 2008 г. № 439 (далее – ТКП), лишь для землепользователей приусадебного участка, определенного в названном документе как «земельный участок, на котором расположены усадебный жилой дом, хозяйственные постройки и ведется личное подсобное хозяйство». Так, на приусадебном участке допускается размещение ульев (с пчелиными семьями) не ближе 20 м до границы участка со стороны улицы и не ближе 10 м до границы смежного участка. Указанные расстояния могут быть уменьшены (до границы участка со стороны улицы не ближе 15 м и до границы смежного участка не ближе 4 м), если на пути лета пчел (от летка до границы участка) есть препятствие высотой не менее 2 м либо если ульи (с пчелиными семьями) размещены на высоте не менее 2 м от уровня земли усадебного участка. Размещение ульев (с пчелиными семьями) на усадебных участках, примыкающих к территориям детских дошкольных и школьных учреждений, учреждений культуры, медицинских учреждений, других объектов различного назначения, предполагающих скопление людей, допускается не ближе 100 м.

Следует отметить, что осуществление пчеловодства физическими лицами не всегда предполагает использование земельных участков, предоставленных для перечисленных выше целей. Данный аспект учтен в НК при установлении норм об освобождении плательщиков от налогообложения подоходным налогом и единым налогом с индивидуальных предпринимателей и иных физических лиц (для чего вместо справки, подтверждающей, что реализуемая продукция выращена (произведена) на земельном участке, находящемся на территории Республики Беларусь, необходим ветеринарно-санитарный паспорт пасеки либо свидетельство, выданное на основании этого паспорта).

В частности, для рассматриваемой деятельности могут использоваться участки лесного фонда: ст. 44 Лесного кодекса Республики Беларусь размещение ульев и пасек относит к побочному лесопользованию и позволяет осуществлять его физическим лицам бесплатно на основании лесного билета.

Кроме того, для производства продукции пчеловодства и опыления растений иногда целесообразно временное размещение пасеки на чужом земельном участке, на котором выращиваются энтомофильные культуры либо произрастают дикорастущие рас-

тения. Востребованным у пчеловодов может быть и размещение стационарной или кочевой пасеки на земельном участке, предоставленном им специально для данной цели, в том числе за пределами границ населенных пунктов, СТ, дачных кооперативов.

В таких случаях установленных КоЗ оснований использования земельного участка для физических лиц недостаточно. Вторичное землепользование действующим КоЗ не предусмотрено. Не закреплены в отношении граждан и такие цели предоставления земельного участка, как пчеловодство либо осуществление сельскохозяйственной деятельности. Нормы о предоставлении земельных участков в пожизненное наследуемое владение, аренду гражданам для традиционных народных промыслов (ремесел) здесь, на наш взгляд, неприменимы. Понятие традиционных народных промыслов (ремесел) законодательством не определено. Анализ нормативных правовых актов о народных промыслах (ремеслах) позволяет утверждать, что таковые рассматриваются как художественные и, соответственно, не охватывают пчеловодство¹². Физические лица могут рассчитывать на предоставление им земельного участка для пчеловодства в аренду по результатам аукциона, что видится неоправданным барьером для развития данного вида сельскохозяйственной деятельности граждан и демонстрирует их худшее положение по сравнению с юридическими лицами,

которым земельные участки для ведения сельского хозяйства, крестьянского фермерского хозяйства предоставляются без проведения аукциона¹³.

С учетом изложенного полагаем, что земельно-правовыми мерами, обеспечивающими развитие и сохранение пчеловодства, как вида сельскохозяйственной деятельности физических лиц, могли бы стать следующие: закрепление в КоЗ пчеловодства в качестве цели предоставления земельного участка гражданам на праве пожизненного наследуемого владения, праве временного пользования; дополнение Указа Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2007 г. № 667 «Об изъятии и предоставлении земельных участков» нормой о предоставлении физическим лицам земельных участков в аренду для пчеловодства без проведения аукциона.

Кроме того, предлагаем внести в КоЗ самостоятельное земельно-правовое основание временного использования субъектом пчеловодства чужого земельного участка, на котором выращиваются и (или) произрастают энтомофильные растения, без изъятия его у землепользователя для производства продукции пчеловодства и опыления растений, в том числе для оказания опыленческих услуг. Такое использование можно было бы осуществлять на основании договора между землепользователем с одной стороны и физическим или юридическим лицом – субъектом пчеловодства с другой.

Заключение

Таким образом, правовое регулирование пчеловодства сложилось по отдельным направлениям и нуждается в упорядочении посредством закрепления законодательных основ осуществления данной деятельности и правовых мер по ее стимулированию, что, на наш взгляд, способно вызвать положительные экономические и экологические последствия. Так, возможны развитие этой подотрасли сельского хозяйства, позволяющей получать востребованную на рынке продукцию отечественного производства и хороший урожай за счет опыления сельскохозяйственных культур, которое благоприятно влияет на естественные экосистемы и биоразнообразие, обеспечение самозанятости и повышение доходов физических лиц – субъектов пчеловодства. Положительным представляется и возможный социальный эффект, выражающийся в улучшении правового положения граждан как с позиции обес-

печения их права на достаточное питание, так и с точки зрения создания благоприятного правового режима ведения рассматриваемой деятельности.

Совершенствование правового регулирования данных отношений возможно посредством реализации унифицированного подхода к регламентации размещения и обустройства пасек, создания необходимых правовых условий для обеспечения субъектов пчеловодства качественной племенной продукцией, признания пчеловодства физических лиц с возможностью реализовывать произведенную продукцию и возмездно оказывать опыленческие услуги в качестве самостоятельного вида деятельности граждан, не относящегося к предпринимательской деятельности, закрепления специальных земельно-правовых оснований использования земельных участков для пчеловодства.

¹²Указ Президента Республики Беларусь от 7 февраля 2006 г. № 81 «Об утверждении перечня изделий народных художественных ремесел признанного художественного достоинства, обороты по реализации которых на территории Республики Беларусь освобождаются от обложения налогом на добавленную стоимость» [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2021 ; Постановление Управления делами Президента Республики Беларусь от 19 августа 2013 г. № 7 «Об экспертной комиссии по отнесению продукции организаций народных промыслов (ремесел) и индивидуальных предпринимателей, которые занимаются производством изделий народных промыслов (ремесел), к изделиям народных промыслов (ремесел) и признании утратившими силу некоторых постановлений Управления делами Президента Республики Беларусь» [Электронный ресурс] // Там же.

¹³Указ Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2007 г. № 667 «Об изъятии и предоставлении земельных участков» [Электронный ресурс] // Там же.

Библиографические ссылки

1. Макарова ТИ, Гушчин ИВ, Агиевец СВ, Авдей АГ, Губская НС, Лизгаро ВЕ и др. *Правовые основы устойчивого развития на местном уровне*. Минск: Ковчег; 2010. 56 с.
2. Кузьмич ИП, Манкевич ИП, Шингель НА, Шаршун ЕВ, Чиж ИМ. *Правовые проблемы обеспечения устойчивого развития сельских территорий и эффективного функционирования агропромышленного комплекса*. Кузьмич ИП, редактор. Минск: Бизнесофсет; 2013. 479 с.
3. Кузьмич ИП, Шингель НА, Чиж ИМ, Шаршун ЕВ. *Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь «О личных подсобных хозяйствах граждан»*. Минск: ГИУСТ БГУ; 2009. 264 с.
4. Кузьмич ИП, Саскевич ВВ, Чиж ИМ, Михнюк АИ, Шахрай ИС, Шингель НА. *Теоретико-правовые аспекты развития аграрного законодательства Республики Беларусь в области растениеводства и животноводства* [Интернет]. Минск: БГУ; 2017 [цитировано 10 октября 2021 г.]. 144 с. Доступно по: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/257018/1/Kuzmich.pdf>.
5. Лаевская ЕВ, Амелеченя ЮА, Бакиновская ОА, Довгялло ММ, Кузьмич ИП, Малашевич ВА и др. *Правовое обеспечение реализации принципов «зеленой» экономики в Республике Беларусь*. Лаевская ЕВ, редактор. Минск: Четыре четверти; 2017. 256 с.
6. Шульга МВ, Малишева НР, Носик ВВ, Багай НО, Бондар ОГ, Гавриш НС та інш. *Органічне сільськогосподарське виробництво в Україні: правові засади ведення*. Шульга МВ, редактор. Харків: Юрайт; 2020. 308 с.
7. Балашенко СА, Самусенко ЛА, Саскевич ВВ, Шахрай ИП, Шингель НА. *Комментарий к Кодексу Республики Беларусь о земле*. Балашенко СА, Шингель НА, редакторы. Минск: Дикта; 2009. 720 с.
8. Шахрай ИС. Проблемы правового регулирования сельскохозяйственного природопользования, основанного на договоре аренды В: Бибилло ВН, редактор. *Право и демократия. Выпуск 22*. Минск: БГУ; 2011. с. 176–187.
9. Саскевич ВВ. Правовое обеспечение развития пчеловодства в Республике Беларусь. В: Колядко ИН, редактор. *Правовое обеспечение инновационного развития экономики Республики Беларусь: материалы Международной научно-практической конференции; 21–22 октября 2010 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Позитив-центр; 2010. с. 521–523.
10. Саскевич ВВ. Проблемы правового обеспечения развития пчеловодства. В: Семенов ВИ, редактор. *Право в современном белорусском обществе. Выпуск 8*. Минск: ФУАинформ; 2013. с. 574–581.

References

1. Makarova TI, Guschin IV, Agievets SV, Avdey AG, Gubskaya NS, Lizgaro VE, et al. *Pravovye osnovy ustoichivogo razvitiya na mestnom urovne* [Legal framework for sustainable development at the local level]. Minsk: Kovcheg; 2010. 56 p. Russian.
2. Kuzmich IP, Mankevich IP, Shingel NA, Sharshun EV, Chizh IM. *Pravovye problemy obespecheniya ustoichivogo razvitiya sel'skikh territorii i effektivnogo funktsionirovaniya agropromyshlennogo kompleksa* [Problems of ensuring the sustainable development of rural areas and the effective functioning of the agro-industrial complex]. Kuzmich IP, editor. Minsk: Bisnesofset; 2013. 479 p. Russian.
3. Kuzmich IP, Shingel NA, Chizh IM, Sharshun EV. *Nauchno-prakticheskii kommentarii k Zakonu Respubliki Belarus' «O lichnykh podsobnykh khozyaistvakh grazhdan»* [Scientific and practical commentary on the Law of the Republic of Belarus «On personal subsidiary farms of citizens»]. Minsk: State Institute of Management and Social Technologies of the Belarusian State University; 2009. 264 p. Russian.
4. Kuzmich IP, Saskevich VV, Chizh IM, Mikhnyuk AI, Shakhray IS, Shingel NA. *Theoretical and legal aspects of development of the agrarian legislation of the Republic of Belarus in the field of crop production and animal husbandry* [Electronic resource]. Minsk: Belarusian State University; 2017 [cited 2021 October 10]. 144 p. Available from: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/257018/1/Kuzmich.pdf>. Russian.
5. Laevskaya EV, Amelchenya YA, Bakinovskaya OA, Dovgyallo MM, Kuzmich IP, Malashevich VA, et al. *Pravovoe obespechenie realizatsii printsipov «zelenoi» ekonomiki v Respublike Belarus'* [Legal support for the implementation of the principles of the «green» economy in the Republic of Belarus]. Laevskaya EV, editor. Minsk: Chetyre chetverti; 2017. 256 p. Russian.
6. Shulga MV, Malysheva NR, Nosik VV, Bagaj NO, Bondar OG, Gavrish NS, et al. *Organichne sil'skogospodars'ke vyrobnytstvo v Ukraini: pravovi zasady vedennja* [Organic agricultural production in Ukraine: legal basis for conducting business]. Kharkiv: Jurajt, 2020. 308 p. Ukrainian and Russian.
7. Balashenko SA, Samusenko LA, Saskevich VV, Shakhray IS, Shingel NA. *Kommentarii k Kodeksu Respubliki Belarus' o zemle* [Commentary to the Land Code of the Republic of Belarus]. Balashenko SA, Shingel NA, editors. Minsk: Dikta; 2009. 720 p. Russian.
8. Shakhray IS. [Problems of legal regulation of agricultural natural resource use based on a lease agreement]. In: Bibilo VN, editor. *Pravo i demokratiya. Vypusk 22* [Law and democracy. Issue 22]. Minsk: Belarusian State University; 2011. p. 176–187. Russian.
9. Saskevich VV. [Legal support for the development of beekeeping in the Republic of Belarus]. In: Kolyadko IN, editor. *Pravovoe obespechenie innovatsionnogo razvitiya ekonomiki Respubliki Belarus': materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 21–22 oktyabrya 2010 g.; Minsk, Belarus'* [Legal support of innovative development of the economy of the Republic of Belarus: materials of the International scientific and practical conference; 2010 October 21–22; Minsk, Belarus]. Minsk: Positive Centre; 2010. p. 521–523. Russian.
10. Saskevich VV. [Problems of legal support for the development of beekeeping]. In: Semenov VI, editor. *Pravo v sovremennom belorusskom obshchestve. Vypusk 8* [Law in modern Belarusian society. Issue 8]. Minsk: FUAinform; 2013. p. 574–581. Russian.

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

Ермолович В. И. **Основные институты гражданского права средневековой Сербии и стран континентальной Европы (X–XV вв.).** Минск : БГЭУ, 2021. 301 с.

Ermolovich V. I. **The main institutions of civil law of Medieval Serbia and the countries of continental Europe (10th–15th centuries).** Minsk : Belarus State Econ. Univ., 2021. 301 p. (in Russ.).

Совершенствование современных правовых систем, их интеграция и использование иностранного правового опыта немислимы без формирования четкого представления об их истории, изучения опыта рецепции права, имевшей место на более ранних этапах его развития. Это особенно актуально применительно к осмыслению состояния и перспектив развития права славянских народов, истоки которого лежат в обычном праве славян и в разной степени восприятия римского права (как в форме рецепции византийского права у восточных и южных славян, так и в неодинаковом влиянии западноевропейского пути перенимания юридического наследия Древнего Рима).

Вопросам истории формирования гражданского права в странах континентальной Европы, оценке степени влияния на его институты рецепции римского и восточноримского права и посвящена монография «Основные институты гражданского права средневековой Сербии и стран континентальной Европы (X–XV вв.)», подготовленная кандидатом исторических наук, доцентом В. И. Ермоловичем.

Научная работа состоит из предисловия, двух глав, имеющих разделы и подразделы, заключения, библиографического списка. Структура издания является оптимальной и позволяет получить комплексное представление об исследуемой теме.

В первой главе «Источники средневекового гражданского права» дается описание и проводится анализ средневековых памятников права. В первом разделе автор описывает историографию по проблемам рецепции восточноримского права, указывает его основные источники («Земледельческий закон», «Эклога»), их сербские, болгарские редакции. В следующем

разделе описывается история возникновения собственных источников права у европейских народов, оценивается влияние на них римского юридического наследия. Автор приходит к обоснованным выводам, что причинами восприятия европейцами римского права были в том числе адаптированность его византийской версии к феодальным порядкам, статус права международной торговли (центром которой долгое время выступала Византия), а также тесная связь с христианизацией европейских народов, усилением роли государственной власти и ростом социальной и имущественной дифференциации населения. Наибольшее же влияние восточноримское право оказало на право южных славян, исследованию которого автор уделяет особое внимание.

Во второй главе исследуются общие и особенные черты основных институтов гражданского права европейских народов в Средние века: наличие права собственности, правоспособность и дееспособность физических лиц, формирование института юридических лиц, обязательственные правоотношения и наследственное право.

В ходе анализа основных институтов гражданского права автор аргументированно обосновывает свою позицию об уникальном пути становления права европейских, в частности славянских, народов, влиянии на него прежде всего собственных обычаев. Этим обуславливаются особенности институтов гражданского права европейских народов, их уникальные наименования. При всей схожести данных институтов, вызванной общими тенденциями формирования и развития феодального общества, отсутствие единых понятий и категорий, отражающих правовую действительность (например, позднее возникновение универсального понятия собственности), различия в правовом регулировании сущностно идентичных правоотношений наблюдаются не только при регулировании правоотношений у соседних народов, но и у представителей разных сословий. Римское же право, по мнению автора, использовалось либо в значительно адаптированном под особенности феодального общества глоссаторами Западной Европы варианте,

либо в уже модифицированных в практике византийского государства формах, воспринятых славянскими государствами Южной и Восточной Европы. Именно поэтому рецепция в западноевропейских государствах осуществляется посредством влияния юридической науки на законодателя и правоприменителя, ее источниками выступают юридические трактаты, а славянские народы воспринимают и используют переведенные и отредактированные варианты восточноримских законов.

Несомненным достоинством работы является детальное рассмотрение вопросов становления и оформления общинной собственности, в том числе собственности семейной общины (задруги), в европейских государствах. Автор в данном и иных вопросах проводит детальное сопоставление институтов славянского, прежде всего южнославянского, права и права западноевропейских народов.

Интерес представляет история формирования института юридического лица. На примерах из истории права европейских народов автор описывает основные виды юридических лиц, которые зачастую существовали и действовали при отсутствии в средневековом законодательстве самого четкого понятия «юридическое лицо». Так, в работе уделяется внимание таким юридическим лицам, как государство, город (село), община, церковь, административные единицы, а также ранние формы коммерческих юридических лиц – цеха. Особенности их правового положения позволяют автору разработать различные подходы к классификации средневековых юридических лиц.

В монографии установлены взаимосвязи между отдельными видами обязательств и влиянием

римского права. Например, автор демонстрирует серьезное влияние римского правового опыта регулирования института займа, поручительства как формы обеспечения обязательств на развитие европейского залогового права. В то же время характерный для классического римского частного права договор хранения, в отличие от него, не получил в рассматриваемый период широкого применения, поскольку еще не были сформированы необходимые условия – развитие товарно-денежные отношения.

В целом автор верно указывает на такую специфическую черту средневекового права, как сословность, которая даже в рамках одного государства позволяла существовать разным институтам, регулировавшим идентичные отношения, но у различных по сословному статусу категорий населения. Данная специфика обуславливала и неодинаковую степень восприятия римского юридического наследия в тех или иных сословных правовых системах.

Ознакомление с монографией позволяет утверждать, что изложенные в ней выводы являются научно обоснованными, обладают новизной, имеют теоретическое значение. Работа характеризуется глубиной исследования понятий, явлений и процессов, логичностью выводов, системностью и комплексностью анализа рассматриваемых проблем. Издание внесет значительный вклад в историко-правовую науку, а также будет способствовать дальнейшему углублению представлений о путях формирования национальных правовых систем, в особенности права славянских государств, их схожих и различных институтов.

*Д. В. Щербик*¹

¹Дмитрий Васильевич Щербик – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Dmitry V. Shcherbik, PhD (law), docent; associate professor at the department of theory and history of state and law, faculty of law, Belarusian State University.

E-mail: shcherbikdv@bsu.by

ЮБИЛЕИ

JUBILEES

Иван Николаевич
КОЛЯДКО

Ivan Nikolaevich
KOLYADKO

Профессор кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета БГУ, кандидат юридических наук доцент Иван Николаевич Колядко 12 января 2022 г. отметил 70-летие.

Иван Николаевич родился в деревне Козловичи Слуцкого района Минской области. Становление его как профессионала, руководителя и человека прошло в стенах родного факультета. В 1974 г. И. Н. Колядко окончил юридический факультет Белорусского государственного университета, затем обучался в аспирантуре на кафедре гражданского процесса и трудового права БГУ (1974–1977). После окончания аспирантуры Иван Николаевич связал свою профессиональную деятельность с *alma mater*, пройдя путь от преподавателя до заведующего кафедрой гражданского процесса и трудового права. В 1986 г. И. Н. Колядко успешно защитил кандидатскую диссертацию «Судопроизводство по жалобам на постановления по делам об административных правонарушениях» по специальности 12.00.03 («Гражданское право, гражданский процесс, семейное право, международное частное право»).

На протяжении более чем 20 лет (1994–2016) руководства Ивана Николаевича кафедра гражданского процесса и трудового права добилась значительных успехов в научной и учебно-методической деятельности, за это время был образован крепкий профессиональный коллектив со своими педагогическими и научными традициями, продолжилось формирование научных школ, сложилась особая душевная творческая атмосфера взаимопонимания и поддержки, что очень высоко ценится коллегами по сей день. Особое внимание И. Н. Колядко уделял новым кадрам, активно делился собственным профессиональным опытом и оказывал помощь в их научной деятельности, что заложило основу высокого уровня подготовки кадрового состава кафедры. Талантливый ученый, замечательный педагог, мудрый руководитель с потрясающим чувством юмора – таким знают Ивана Николаевича все, кто учился и учится, работал и работает на юридическом факультете БГУ.

Иван Николаевич является одним из ведущих ученых в области гражданского процессуального

права, широко известным как в Республике Беларусь, так и за рубежом. Значительный вклад он внес в исследование вопроса правового регулирования в Республике Беларусь судебного контроля за административным правоприменением, а также концепции исполнительного производства (данные направления являются основными в его научной деятельности).

И. Н. Колядко содействовал развитию гражданского процессуального и хозяйственного процессуального законодательства Республики Беларусь. В 1992–1993 гг. он входил в состав авторского коллектива и парламентской комиссии по разработке проекта Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК), в 1997–1998 гг. – в состав рабочей комиссии по проекту ГПК и рабочей комиссии по подготовке новой редакции Хозяйственного процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ХПК).

С 1994 г. Иван Николаевич выступает арбитром Международного арбитражного суда при Белорусской торгово-промышленной палате. На протяжении многих лет является членом научно-консультативного совета Верховного Суда Республики Беларусь, членом научно-консультативного совета при Конституционном Суде Республики Беларусь, членом редколлегии журналов «Юстиция Беларуси» и «Вестник Омского университета. Серия “Право”» (ранее – журнала «Промышленно-торговое право»), членом президиума научно-методического совета при Министерстве образования Республики Беларусь по специально-техническому, среднеспециальному, высшему, послевузовскому образованию и дополнительному образованию взрослых, членом группы экспертов в области права при Администрации Президента Республики Беларусь. В разные годы И. Н. Колядко был членом научно-консультативного совета при Генеральной прокуратуре Республики Беларусь, Высшем Хозяйственном Суде Республики Беларусь, членом квалификационной комиссии по вопросам адвокатской деятельности Министерства юстиции Республики Беларусь, членом комиссии по лицензированию услуг юристов Министерства юстиции Республики Беларусь.

За высокие результаты в профессиональной деятельности Иван Николаевич был награжден почетными грамотами БГУ (2005, 2019), почетной грамотой и нагрудным знаком Верховного Суда Республики Беларусь (2015), нагрудными знаками Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь «Почетный работник Хозяйственного Суда Республики Беларусь» (2005), Министерства юстиции Республики Беларусь «Почетный работник юстиции Беларуси» (2005), «За отличие» II степени (2009), «За отличие» I степени (2015), нагрудными знаками БГУ «100 лет БГУ» (2021), Министерства образования Республики Беларусь «Отличник образования» (2007),

почетными грамотами профсоюзной организации сотрудников БГУ (2010) и Белорусского республиканского союза юристов, (2011), почетным званием «Заслуженный работник БГУ» (2014), памятным знаком Союза юристов «EX LEGE» (2016), дипломом конкурса на приз имени В. Д. Спасовича (2011).

Профессор И. Н. Колядко подготовил около 200 научных публикаций, среди которых учебники и учебные пособия, научно-практические комментарии. Совместно с Н. Г. Юркевичем и Т. А. Беловой он выступил редактором первого (2000, 2002), второго (2006, 2007) и третьего (совместно с Т. А. Беловой (2020, 2021)) изданий учебников по гражданскому процессу. Иван Николаевич является редактором практикума по гражданскому процессу (совместно с Т. А. Беловой и Н. Г. Юркевичем (2000); совместно с Т. А. Беловой (2018)), научно-практического комментария к ГПК (совместно с Т. А. Беловой и И. А. Мирониченко (2005)), комментариев к ХПК (совместно с В. С. Каменковым (1999, 2003, 2006)).

Активная научная деятельность Ивана Николаевича способствовала созданию условий для подготовки научных работников высшей квалификации, появлению плеяды молодых ученых и успешному развитию научных школ. Под руководством И. Н. Колядко подготовлено и защищено 8 кандидатских диссертаций: Т. С. Тарановой (2001), И. И. Верховодко (2001), Н. В. Козловской (2004), Т. В. Вороновичем (2008), В. В. Парашенко (2009), Е. П. Хотько (2012), Ю. В. Кочурко (2012), Е. А. Михасёвой (2015). На протяжении 20 лет Иван Николаевич был руководителем государственных программ научно-исследовательской работы цивилистических кафедр юридического факультета БГУ «Эффективность осуществления и защиты права как гарантия создания правового государства» государственной программы фундаментальных исследований «Правовое государство» (2001–2005), «Правовое обеспечение инновационного развития экономики Республики Беларусь» государственной комплексной программы научных исследований «Экономика и общество» (2006–2010), «Проблемы правового регулирования осуществления и защиты прав участников гражданских правоотношений в контексте реформирования гражданского законодательства» государственной программы научных исследований «История, культура, общество и государство» (2011–2015), «Теоретико-прикладные аспекты совершенствования правового регулирования форм защиты субъективных прав в Республике Беларусь» государственной программы научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (2016–2020).

В разные годы Иван Николаевич проходил стажировку в университетах Венгрии (1996), Германии (1997, 2009), Чехии (2004), Латвии (2009), Казахстана (2009), Словакии (2010). На протяжении пяти лет (1997–2001) участвовал в качестве координатора от

юридического факультета в совместном европейском темпус-проекте «Введение нового учебного процесса “Экономическое право”».

Свыше 20 лет И. Н. Колядко также преподает в Институте повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ.

И в настоящее время Иван Николаевич продолжает активную научную деятельность, являясь научным консультантом кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета БГУ, руководителем научной школы гражданского процессуального права и осуществляя руководство работой четырех аспирантов и соискателей кафедры.

Коллектив юридического факультета БГУ сердечно поздравляет Ивана Николаевича Колядко со знаменательной датой и выражает ему искренние чувства любви, уважения, признательности за многолетнюю работу в нашем коллективе, плодотворный труд на ниве юридической науки и образования, высокий профессионализм, умение творчески и инициативно решать поставленные задачи. От лица всех сотрудников желаем ему крепкого здоровья, семейного благополучия, творческих достижений, талантливых учеников, интересных проектов и дальнейших успехов в профессиональной деятельности!

О. Н. Романова¹

¹Ольга Николаевна Романова – кандидат юридических наук, доцент; заведующий кафедрой гражданского процесса и трудового права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Olga N. Ramanava, PhD (law), docent; head of the department of civil procedure and labour law, faculty of law, Belarusian State University.

E-mail: ramanavaon@bsu.by

Александр Владимирович БАРКОВ

Alexander Vladimirovich BARKOV

21 марта 2022 г. научный мир отметил 75-летний юбилей выдающегося ученого-правоведа XX–XXI вв., заслуженного юриста Республики Беларусь, профессора кафедры уголовного права юридического факультета Белорусского государственного университета Александра Владимировича Баркова.

А. В. Барков родился 21 марта 1947 г. в поселке Ленина Минского района. В 1972 г. с отличием окончил юридический факультет БГУ и был помощником прокурора Советского и Первомайского районов Минска. С августа 1972 г. работает на кафедре уголовного права юридического факультета БГУ, где прошел путь от преподавателя до профессора.

Педагогический и творческий путь Александра Владимировича без преувеличения является ярким примером доблестного и созидательного труда на благо белорусского юридического образования и науки. А. В. Баркова всегда отличали масштабность и логически выстроенная структурность мышления, актуальность и всесторонность взглядов, взвешенность и аргументированность оценок, способность находить оптимальные решения в развитии отечественного уголовного законодательства, формировании уголовно-правовых институтов. Каждое его слово весомо и авторитетно, часто его мнение оказывается решающим не только в научной дискуссии, но и при определении стратегических направлений развития отечественного уголовного права.

Человеческая порядочность, высокая культура и широкая эрудиция, профессиональная одаренность и мастерство, всесторонний опыт и кругозор А. В. Баркова, глубоко понимающего неразрывность науки и правоприменительной практики, всегда являются примером как в преподавательской деятельности, так и в работе любого юриста. Александр

Владимирович объединяет и воодушевляет любую аудиторию, будучи мудрым наставником и для молодежи, и для старшего поколения.

Большой талант А. В. Баркова как руководителя и организатора ярко проявился в годы возглавления кафедры уголовного права юридического факультета БГУ (1988–2005). В это время происходило реформирование нового белорусского уголовного законодательства, в процессе которого Александр Владимирович внес неоценимый вклад в развитие и становление уголовного права постсоветского периода. Это первое (пилотное) в Беларуси учебное пособие по уголовному праву на белорусском языке, идейным вдохновителем издания которого стал А. В. Барков¹. Александр Владимирович участвовал в подготовке и издании первых научно-практических комментариев к Уголовному кодексу Республики Беларусь, которые вышли в свет под его редакцией (2003, 2007, 2010). На его научных трудах воспитано не одно поколение отечественных юристов, среди которых огромное количество известных ученых и практических работников.

Под руководством Александра Владимировича подготовлена большая плеяда известных ученых-юристов. Сегодня с уверенностью можно утверждать, что в белорусской юридической науке сформирована авторитетная научная школа уголовного права профессора А. В. Баркова, отличающаяся своим широким признанием и востребованностью в законодательной и правоприменительной практике, большим потенциалом возможностей, направлений и перспектив развития национальной юридической науки.

Отрадно отметить, что Александр Владимирович продолжает плодотворно работать на кафедре уго-

¹Крымінальнае права Беларусі (закон, злачынства, адказнасць) : навуч. дапам. / пад рэд. А. В. Баркова. Мінск : Завігар, 1997. 288 с.

ловного права юридического факультета БГУ и на кафедре судебной деятельности Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ. Как педагог и ученый, профессор А. В. Барков активно участвует во всех учебно-образовательных и научных мероприятиях и проектах кафедры уголовного права юридического факультета БГУ. Он является автором подготовленных кафедрой учебников, учебных пособий, учебно-методических комплексов, комментариев к уголовному законодательству и другой литературы; принимает участие в издании первого в истории белорусской уголовно-правовой науки масштабного монографического коллективного труда «Курс уголовного права» в 5 томах, первые 3 тома которого вышли в 2018–2021 гг.

Александр Владимирович входит в состав научно-консультативных советов, комиссий и рабочих групп при государственных органах и учреждениях, является членом редколлегий научно-практических юридических журналов. В настоящее время трудно себе представить законотворческую деятельность в сфере реформирования уголовного законодательства без экспертного участия профессора А. В. Бар-

кова. Научная позиция Александра Владимировича всегда по-особому убедительна и авторитетна как для субъектов законотворческого процесса, так и для правоприменителя в повседневной работе. Как ученый-эксперт он востребован в деятельности Верховного Суда Республики Беларусь, Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Следственного комитета Республики Беларусь, ряда других государственных и правоохранительных органов.

В юридическом и научном сообществе А. В. Барков всегда воспринимается как выдающийся ученый, прекрасный учитель, порядочный человек.

Сотрудники юридического факультета БГУ сердечно поздравляют Александра Владимировича с юбилеем и искренне выражают любовь, уважение и признательность за высокие морально-нравственные человеческие качества, плодотворный труд на ниве юридической науки и образования, умение профессионально, дипломатично и творчески решать поставленные задачи, за многолетнюю (полувековую!) продуктивную работу и преданность нашей *alma mater*.

А. Л. Савенок², А. В. Шидловский³

²Анатолий Леонидович Савенок – доктор юридических наук, профессор; заведующий кафедрой уголовного права юридического факультета Белорусского государственного университета.

Anatoly L. Savenok, doctor of science (law), full professor; head of the department of criminal law, faculty of law, Belarusian State University.

E-mail: a.savenok@rambler.ru

³Андрей Викторович Шидловский – кандидат юридических наук, доцент; декан юридического факультета Белорусского государственного университета.

Andrey V. Shidlovsky, PhD (law), docent; dean of the faculty of law, Belarusian State University.

E-mail: shidlovsky_a@mail.ru

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 34:351.073.532.4:004(075.8)

Правовое обеспечение развития электронного государства [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-24 80 01 «Юриспруденция» / БГУ ; сост.: М. С. Абламейко, А. К. Савостикова. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 124 с. : ил. Библиогр.: с. 113–124. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/273657>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 30.12.2021, № 014930122021.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Правовое обеспечение развития электронного государства» предназначен для магистрантов специальности 1-24 80 01 «Юриспруденция». ЭУМК включает конспект лекций по вопросам учебной дисциплины, планы семинарских занятий, темы рефератов, а также список литературы.

УДК 34(37)(091)(075.8)

Римское частное право [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-24 01 02 «Правоведение», 1-24 01 03 «Экономическое право» / Т. М. Русенчик [и др.] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 172 с. Библиогр.: с. 165–172. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/275108>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 02.02.2022, № 000602022022.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) «Римское частное право» предназначен для студентов 1-й ступени высшего образования специальностей 1-24 01 02 «Правоведение», 1-24 01 03 «Экономическое право». ЭУМК разработан в целях оптимизации самостоятельной работы студентов, в нем содержится теоретический раздел (краткий конспект лекций), практический раздел (тематика семинаров), раздел контроля знаний (перечень вопросов для проведения зачета, примерные варианты контрольной работы и проверочные тесты), вспомогательный раздел. ЭУМК отражает содержание учебной программы по учебной дисциплине «Римское частное право».

УДК 341.9(075.8)

Мещанова М. В. Международное частное право [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-24 01 02 «Правоведение», 1-24 01 03 «Экономическое право» / М. В. Мещанова, Л. В. Царёва, К. В. Синкевич ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 66 с. : табл. Библиогр.: с. 48–66. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/275367>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 14.02.2022, № 000714022022.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) «Международное частное право» предназначен для студентов 1-й ступени высшего образования специальностей 1-24 01 02 «Правоведение», 1-24 01 03 «Экономическое право» и включает четыре раздела: теоретический (ссылки на учебную литературу и конспект лекций с методическими рекомендациями по их использованию), практический (тематика и содержание семинарских занятий, методические рекомендации и разработки по их проведению), раздел контроля знаний (материалы для текущей и итоговой аттестации), вспомогательный (список рекомендуемой литературы, перечень электронных ресурсов). Данный ЭУМК отражает содержание учебной программы по дисциплине «Международное частное право» и предназначен для реализации ее требований.

УДК 347.61/64(075.8)

Короткевич М. П. Семейное право [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-24 01 02 «Правоведение», 1-24 01 03 «Экономическое право», 1-23 01 06 «Политология (по направлениям)» / М. П. Короткевич, Т. М. Русенчик, В. В. Шилко ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 118 с. Библиогр.: с. 103–118. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/275369>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 14.02.2022, № 000814022022.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Семейное право» предназначен для студентов 1-й ступени высшего образования специальностей 1-24 01 02 «Правоведение», 1-24 01 03 «Экономическое право», 1-23 01 06 «Политология (по направлениям)». ЭУМК состоит из четырех разделов, в которых содержатся необходимые материалы для освоения обучающимися дисциплины «Семейное право».

УДК 347(075.8)

Салей Е. А. Гражданское право. Часть первая [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-24 01 02 «Правоведение» / Е. А. Салей, Д. Д. Ландо ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 64 с. Библиогр.: с. 58–64. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/275370>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 14.02.2022, № 000914022022.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) «Гражданское право. Часть первая» предназначен для студентов 1-й ступени высшего образования специальности 1-24 01 02 «Правоведение». ЭУМК отражает содержание учебной программы по специальной дисциплине государственного компонента «Гражданское право, часть первая» и направлен на повышение эффективности образовательного процесса, внедрение инновационных методов работы и обеспечение получения студентами комплексных знаний по названной дисциплине с учетом новейших доктринальных тенденций и актуального законодательства.

УДК 347(075.8)

Каравай А. В. Гражданское право [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-23 01 06 «Политология», направление спец. 1-23 01 06-01 «Политология (политико-юридическая деятельность)» / А. В. Каравай, В. В. Максименюк ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 83 с. Библиогр.: с. 46–83. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/275417>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 15.02.2022, № 001115022022.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) «Гражданское право» предназначен для студентов 1-й ступени высшего образования специальности 1-23 01 06-01 «Политология (политико-юридическая деятельность)». ЭУМК состоит из четырех разделов, в которых излагается теоретический и практический материал. В разделе контроля знаний размещен примерный перечень вопросов для проведения зачета и экзамена. Вспомогательный раздел включает список рекомендуемой литературы и электронных ресурсов. Данный ЭУМК отражает содержание учебной программы по учебной дисциплине «Гражданское право».

УДК 347(075.8)

Гражданское право. Часть первая [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-24 01 03 «Экономическое право» / БГУ ; сост. И. П. Третьякова. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 64 с. Библиогр.: с. 44–64. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/275783>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 17.02.2022, № 001317022022.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) «Гражданское право. Часть первая» предназначен для студентов 1-й ступени высшего образования специальности 1-24 01 03 «Экономическое право». ЭУМК состоит из четырех разделов, в которых излагается теоретический и практический материал. В разделе контроля знаний размещен примерный перечень вопросов для проведения зачета и экзамена. Вспомогательный раздел включает список рекомендуемой литературы и электронных ресурсов. Данный ЭУМК отражает содержание учебной программы по дисциплине «Гражданское право, часть первая».

УДК 347.77/.78(476)(075.8)

Основы управления интеллектуальной собственностью [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-31 04 08 «Компьютерная физика» / БГУ ; сост. Л. К. Герасимова. Электрон.

текстовые дан. Минск : БГУ, 2022. 62 с. : табл. Библиогр.: с. 58–62. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/275850>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 18.02.2022, № 001418022022.

Электронный учебно-методический комплекс содержит набор материалов, которые используются в учебном процессе: учебную программу, учебные пособия, включающие лекционный и практический материал по дисциплине, тематику и планы семинарских занятий, теоретические вопросы и тесты для контроля знаний, вопросы для подготовки к зачету, список рекомендуемой литературы.

УДК 347(075.8)

Ландо Д. Д. Гражданское право : учим учиться, учимся учить [Электронный ресурс] : учеб.-метод. пособие / Д. Д. Ландо, Е. А. Салей ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2022. 66 с. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/276643>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 15.03.2022, № 001815032022.

Учебно-методическое пособие имеет целью повышение эффективности и качества учебного процесса посредством обеспечения продуктивной организации проведения учебных занятий в различных формах, внедрения инновационных форм и методов обучения, сохранения баланса традиционных и нетрадиционных подходов к организации и управлению образовательными процессами, оказанию методической помощи студентам в освоении учебного материала, в том числе при самообразовании, а также преподавателям при подготовке, проведении занятий и оценке знаний студентов. Основано на многолетнем личном опыте преподавания авторами учебной дисциплины «Гражданское право, часть первая» и разработки ими учебно-методических материалов по данной дисциплине.

УДК 342(476)(06)

Конституционное право как фактор динамичного развития белорусского государства: история и современность [Электронный ресурс] : материалы Респ. науч.-практ. конф. (Минск, 15 окт. 2021 г.) / БГУ ; [редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.), В. Е. Петухова, А. В. Шавцова]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 310 с. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/276663>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 16.03.2022, № 001916032022.

В данное издание вошли материалы Республиканской научно-практической конференции «Конституционное право как фактор динамичного развития белорусского государства: история и современность», организованной в Белорусском государственном университете. Адресуется научным и практическим работникам, преподавателям, аспирантам и студентам юридических учреждений высшего образования.

УДК 342(476)(06)

Обеспечение социально-экономических прав – важная гарантия устойчивого развития [Электронный ресурс] : материалы круглого стола (Минск, 10 дек. 2021 г.) / БГУ ; [редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.), В. Е. Петухова, А. В. Шавцова]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2022. 199 с. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/276752>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 17.03.2022, № 002217032022.

В сборник вошли материалы круглого стола «Обеспечение социально-экономических прав – важная гарантия устойчивого развития», организованного Белорусским государственным университетом. Адресуется научным и практическим работникам, преподавателям, аспирантам и студентам юридических учреждений высшего образования.

УДК 34(476)(06)

Актуальные проблемы нормотворческой деятельности и правоприменения в Беларуси [Электронный ресурс] : материалы II науч. семинара аспирантов, магистрантов и студентов (Минск, 15 янв. 2022 г.) / БГУ ; [редкол.: Г. А. Василевич, Т. М. Киселёва]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2022. 81 с. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/276772>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 18.03.2022, № 002318032022.

В сборнике размещены статьи аспирантов, магистрантов и студентов кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, посвященные актуальным проблемам нормотворчества и правоприменения в Республике Беларусь с учетом современных тенденций развития государства и общества.

УДК 349.6(075.8)

Шингель Н. А. Природоресурсное право [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-24 01 02 «Правоведение», 1-24 01 03 «Экономическое право» / Н. А. Шингель, И. С. Шахрай, О. В. Мороз ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 67 с. Библиогр.: с. 58–67. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/277710>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 12.04.2022, № 003912042022.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Природоресурсное право» предназначен для студентов специальностей 1-24 01 02 «Правоведение», 1-24 01 03 «Экономическое право». ЭУМК включает аннотации на учебные пособия по данной дисциплине, примерные планы семинарских занятий с задачами и заданиям для УСР, перечень заданий для выполнения контрольных работ, примерные темы рефератов, тестовые вопросы для самопроверки, вопросы к зачету (экзамену), а также рекомендуемую литературу и список электронных ресурсов.

УДК 159.9:32(075.8)

Симановский С. И. Политическая психология [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-23 01 06-01 «Политология (политико-юридическая деятельность)» / С. И. Симановский ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2022. 206 с. Библиогр.: с. 204–206. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/277767>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 13.04.2022, № 004013042022.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) «Политическая психология» предназначен для специальности 1-23 01 06-01 «Политология (политико-юридическая деятельность)». ЭУМК состоит из четырех разделов, в которых излагаются теоретический (краткий конспект лекций) и практический (тематика семинаров) материал. В разделе контроля знаний размещен примерный перечень вопросов для проведения экзамена. Вспомогательный раздел включает список рекомендуемой литературы и электронных ресурсов. Данное издание отражает содержание учебной программы по дисциплине «Политическая психология» и включает комплексные знания по дисциплине специализации.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

<i>Гриценко А. С., Антонов А. В.</i> Простой язык права. Постановка проблемы, общие подходы и современные тенденции	3
<i>Шахрай И. С., Кузьмич И. П.</i> Право в эпоху новых технологий: тенденции и перспективы развития.....	16

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

<i>Гончаров В. В.</i> Политические партии в Российской Федерации: объект или субъект общественного контроля?.....	24
<i>Казьмина Е. А.</i> Инклюзия: правовые аспекты закрепления и реализации конституционного права на образование детей с особенностями развития в России	30
<i>Малютин Н. С.</i> Государственный Совет Российской Федерации: результаты конституционной реформы.....	37
<i>Масловская Т. С.</i> Правила пересмотра конституции в европейских государствах	45

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

<i>Скобелев В. П.</i> О концептуальных вопросах применения современных информационно-коммуникационных технологий в цивилистическом процессе.....	55
--	----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

<i>Красиков В. С.</i> Криминалистический контекст понятий «обман» и «ложь» в деятельности правоохранительных органов: проблема отрицания.....	73
<i>Рыбаключева О. З.</i> Гражданская позиция в исследованиях профессора И. И. Горелика	80
<i>Самарин В. И.</i> Соприкосновение уголовного процесса Беларуси с практикой Европейского суда по правам человека	85
<i>Хлус А. М.</i> Криминалистические инновации и их реализация в практической деятельности следователя	90

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО И АГРАРНОЕ ПРАВО

<i>Макарова Т. И., Навасардова Э. С., Лизгаро В. Е., Мороз О. В., Шингель Н. А., Курилович М. П.</i> Концепция формирования правовых основ евразийского эколого-безопасного пространства.....	100
<i>Саскевич В. В.</i> О правовом регулировании пчеловодства в Беларуси	112

РЕЦЕНЗИИ

<i>Шербик Д. В.</i> Ермолович В. И. Основные институты гражданского права средневековой Сербии и стран континентальной Европы (X–XV вв.).....	119
---	-----

ЮБИЛЕИ

Иван Николаевич Колядко	121
Александр Владимирович Барков	124
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	126

CONTENTS

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

- Gritsenko A. S., Antonov A. V.* The plain language of law. Statement of the problem, general approaches and current trends 3
- Shakhray I. S., Kuzmich I. P.* Law in the era of new technologies: trends and development prospects... 16

CONSTITUTIONAL LAW AND ADMINISTRATIVE LAW

- Goncharov V. V.* Political parties in the Russian Federation: object or subject of public control?..... 24
- Kazmina E. A.* Inclusion: legal aspects of reinforcing and implementing the constitutional right to educate children with special needs in Russia..... 30
- Malyutin N. S.* State Council of the Russian Federation: results of the constitutional reform 37
- Maslovskaya T. S.* Rules for the revision of the constitution in the European states..... 45

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

- Skobelev V. P.* On the conceptual issues of the application of modern information and communication technologies in the civil process 55

CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS

- Krasikau U. S.* Criminalistic context of concepts of deception and lie in the activities of law enforcement bodies: the problem of denial..... 73
- Rybaklyucheva O. Z.* Civil position in the research of professor I. I. Gorelik..... 80
- Samaryn V. I.* Interference of the criminal procedure of Belarus with the jurisprudence of the European Court of Human Rights 85
- Khilus A. M.* Criminalistic innovations and their implementation in the practice of the investigator ... 90

ENVIRONMENTAL LAW, NATURAL RESOURCES LAW AND AGRARIAN LAW

- Makarova T. I., Navasardova E. S., Lizgaro V. E., Moroz O. V., Shingel N. A., Kurylovich M. P.* The concept of forming the legal foundations of the Eurasian environmentally safe space 100
- Saskevich V. V.* On the legal regulation of beekeeping in Belarus 112

BOOK REVIEWS

- Shcherbik D. V.* Ermolovich V. I. The main institutions of civil law of Medieval Serbia and the countries of continental Europe (10th–15th centuries) 119

JUBILEES

- Ivan Nikolaevich Kolyadko 121
- Alexander Vladimirovich Barkov 124
- Indicative abstracts of the papers deposited in BSU..... 126

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. Право.
№ 1. 2022**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jlaw@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/law>

«Журнал Белорусского государственного университета. Право» издается с января 1969 г. До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ. Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права» (ISSN 2308-9172).

Редактор А. С. Люкевич
Технический редактор Д. Ф. Когут
Корректор А. С. Горгун

Подписано в печать 29.04.2022.

Тираж 100 экз. Заказ 3242.

Издательско-полиграфическое частное
унитарное предприятие «Донарит».
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/289 от 17.04.2014.
Ул. Октябрьская, 25, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2022

**Journal
of the Belarusian State University. Law.
No. 1. 2022**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jlaw@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/law>

«Journal of the Belarusian State University. Law»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editor A. S. Lyukevich
Technical editor D. F. Kogut
Proofreader A. S. Gorgun

Signed print 29.04.2022.

Edition 100 copies. Order number 3242.

Publishing and printing private
unitary enterprise «Donarit».
Certificate of state registration of the publisher,
manufacturer, distributor of printed publications
No. 1/289 dated 2014 April 17.
25 Kastryčnickaja Str.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.

© BSU, 2022